А. И. ФАРЕСОВЪ.

НАРОДЪ БЕЗЪ ВОДКИ.

(Путевые очерки).

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. Меркушева. Невскій пр., 8.
1916.

Вмѣсто предисловія.

Много вѣковъ страдалъ русскій народъ отъ неумѣреннаго потребленія водки. Этотъ недугъ гасилъ все доброе въ жизни нашего народа и держалъ его въ цѣпяхъ пьянаго рабства. Современники не скупились на самые рѣзкіе отзывы, когда рѣчь заходила о пристрастіи русскаго человѣка къ спиртнымъ утѣхамъ, и за великимъ народомъ установилась оскорбительная репутація народа-пьяницы. Нужно было хорошо знать русскій народъ, чтобы не утратить надежды на его лучшее будущее.

Къ общей радости такое время наконецъ пришло и наступила трезвость. Правда, трезвость введена въ жизнь принудительно и въ такіе дни скорби, какъ всенародная изнурительная война, но все же трезвость есть и блага ея чувствуются. Имѣются яркія свидѣтельства того, что народъ сохранилъ живую душу и что въ немъ не угасли духовныя силы, которыя создали изъ Россіи великое государство. Путевые очерки о „Народѣ безъ водки“ даютъ читателю въ живой рѣчи отвѣты на многіе тревожные вопросы. Изъ этихъ откликовъ народной души становится яснымъ, что народъ трезвымъ можетъ быть, что трезвость дѣйствительно осуществима, что это—не однѣ мечты и что нетрезвость—не есть органическая потребность человѣка, а только дурная привычка и

скорбный обычай. Мало того, остаться трезвымъ настойчиво хочетъ и самъ народъ. Онъ видитъ и цѣнитъ то величайшее благо, которое входитъ въ его жизнь съ упроченіемъ трезвости, и въ то же время боится, что однѣми собственными силами ему не устоять противъ спиртнаго соблазна, если бы вновь начали торговать водкой. Сельскій бытъ прояснился, какъ погожій день, и хочется, чтобы это здоровое состояніе народа осталось и впредь. Вмѣстѣ съ тѣмъ самъ собою напрашивается вопросъ, откуда постигло Россію такое „чудо". Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ, надо вспомнить его исторію.

Акцизная система, послѣ откупной, также разоряла и развращала народъ. Казенная винная монополія не только перевела въ государственный бюджетъ прежніе доходы кабатчиковъ, но и усилила эти доходы за счетъ трезвости. Тѣмъ не менѣе винная монополія имѣла горячихъ защитниковъ и въ правительствѣ, и въ печати. Около нея велся горячій споръ, будившій общественное вниманіе вопросами отрезвленія и подготовлявшій почву къ окончательному ихъ разрѣшенію. Въ значительной степени интересъ къ этому дѣлу въ обществѣ усилился предложеніемъ 31 члена Государственной Думы въ 1907 году, направленнымъ къ укрѣпленію въ народѣ трезвости. Общественная тревога за „пьяный бюджетъ" разрѣшилась Высочайшимъ рескриптомъ отъ 30 января 1914 гора на имя Министра Финансовъ. Болѣзнь, разъѣдавшая нашу жизнь, названа впервые по имени и указана настойчивая необходимость врачеванія народнаго недуга. При этомъ доходъ отъ винной монополіи признанъ нежелательною и вредною основою государственнаго хозяйства.

Этотъ историческій фактъ былъ встрѣченъ глубокимъ сочувствіемъ въ странѣ и пробудилъ во всѣхъ

слояхъ населенія бодрость къ борьбѣ съ стародавнимъ недугомъ. Правительство стало твердо на путь настойчивой борьбы съ нетрезвостью и въ основу своей дѣятельности положило работу рука объ руку съ общественными учрежденіями.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого новаго пути въ борьбѣ съ пьянствомъ былъ большой подъемъ общественнаго настроенія, выразившійся, прежде всего, ростомъ добровольныхъ приговоровъ сельскихъ обществъ и постановленій городскихъ думъ, съ ходатайствами о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ и частной питейной торговли. Въ то же время въ сельскихъ мѣстностяхъ и городахъ возникло широкое движеніе къ закрѣпленію началъ трезвости не однѣми запретительными мѣрами, но и открытіемъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній. А когда 19 іюля 1914 года была объявлена война Россіи съ Германіей, то почва уже была подготовлена къ закрытію торговли крѣпкими напитками сначала на время мобилизаціи и потомъ на все время войны.

Что касается будущаго закона о пріостановленіи питейнаго дѣла навсегда, то онъ уже будетъ опираться на историческую почву и широкое сочувствіе самого населенія. Усиленная работа за интересы трезваго народа сказалась и въ настоящее время яркимъ подъемомъ духовной мощи народа. Сбросивъ съ себя стародавній недугъ, русскій народъ выпрямился, почувствовалъ себя человѣкомъ и съумѣетъ защитить своею грудью не только родную землю отъ внѣшнихъ враговъ, но и побѣдить „врага человѣчества", жившаго издавна среди насъ со „смертной чашей" въ рукахъ и засиліемъ надъ попытками русскаго народа къ трезвой и одухотворенной жизни.

Народъ безъ водки.

(Путевые очерки).

I.

Ознакомленіе на мѣстахъ съ послѣдствіями прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ черезъ опросъ населенія.—Городъ Рязань.—Народная чайная.—Радость общенія между собою простого народа.—Онъ весь полонъ шутки, остротъ и славословія тому, кто закрылъ виноторговлю однимъ своимъ словомъ и „отчиталъ“ народъ отъ пьянства.

Я поѣхалъ въ Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, Орловскую и Тульскую губерніи для ближайшаго ознакомленія въ этихъ черноземныхъ губерніяхъ средней полосы Россіи съ послѣдствіями прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ. Задача представлялась мнѣ крайне своевременной, такъ какъ теперь злоба дня исчерпывается двумя словами: „война и казенка“.

Научно и статистически она уже обслѣдована г.г. Туганъ-Барановскимъ, Фридманомъ, Милюковымъ, Вернадскимъ, Карѣевымъ, Шингаревымъ въ сборникѣ ихъ статей „Чего ждетъ Россія отъ войны“?

Тому же обслѣдованію содѣйствуетъ и циркуляръ Министра Финансовъ къ управляющимъ казенныхъ палатъ отъ 14 апрѣля 1915 года.

Въ мою же задачу входили не столько теоретическіе доводы ученыхъ и цифры податныхъ инспекторовъ,

сколько по преимуществу живыя рѣчи самаго народа по тому же вопросу о принудительномъ отрезвленіи. Я ознакомился изъ первыхъ рукъ о переживаніи народомъ, если такъ можно выразиться, „эпохи трезвости“. Его отзывы о трезвости такъ художественны и полны значенія, что надо признать ихъ „историческими“ переживаніями.

„Крылатыя слова“ народа о трезвости будутъ характерны для момента, когда въ народномъ быту впервые не стало водки. Красиво и торжественно звучитъ живая рѣчь „народа безъ водки“ и впервые чувствуешь величавый типъ трезваго славянина. Впервые понимаешь, что съ его трезвостью тѣсно связана будущность Россіи и ея могущество.

Я пріѣхалъ въ г. Рязань весной, когда въ ней была вторая мобилизація люшадей и городъ былъ переполненъ крестьянами изъ разныхъ деревень. Я тотчасъ же рѣшилъ „пойти въ трезвость“, какъ говорятъ здѣсь про народныя чайныя. „Комитетской“ чайной, устраиваемой Попечительствомъ о народной трезвости, я не нашелъ и очутился въ чайной, содержимой частнымъ лицомъ. Она была полна простымъ народомъ.

Изъ горожанъ сюда заходили денежные молодцы купеческой складки и болѣе мелкіе приказчики. Одни садились за столъ выпить разныхъ ситро и „трехгорнаго“ квасу, другіе — ѣли грязную закуску изъ телятины, разогрѣтыя котлеты и подозрительную колбасу. Крестьяне въ армякахъ и бабы съ разнообразными платками на головахъ пили чай.

Деревенскіе гости были въ эти дни большинствомъ въ чайной. Они охотно сидѣли за огромнымъ чайникомъ и безконечно распивали чай съ мелкими кусочками сахару, накрошенными на тарелкѣ. Многіе отъ удовольствія не спѣшили разлить чай въ стаканы и

ротозѣйничали по сторонатъ, не замѣчая ни тѣсноты, ни отсутствія вентилятора, ни густоты дыму отъ вонючаго и тяжелаго табаку.

Но и въ такой обстановкѣ общеніе народа между собой, очевидно, привлекало его. Въ грязной чайной не было даже гвоздей въ стѣнѣ, чтобы повѣсить полушубокъ или армякъ посѣтителей. Они прѣли въ теплой одеждѣ и обливались потомъ, а нѣкоторые аккуратно складывали свою верхнюю одежду прямо на грязный и заплеванный полъ, себѣ подъ ноги. За „выручкой“ стоялъ хозяинъ съ сердитымъ лицомъ, прослужившій гдѣ-то всю жизнь въ канцелярскихъ чинахъ и видимо не хотѣвшій замѣчать всѣхъ неудобствъ своей чайной. По своей некультурности, черный народъ тоже не замѣчалъ ихъ и деревенскія лица сіяли счастіемъ мирнаго благобесѣдованія.

Разговоръ у нихъ, конечно, шелъ сначала о лошадяхъ, сколько лошадь самому мужику стоила и сколько онъ на ней выручилъ на пріемномъ пунктѣ, у кого лошадь не взяли за ея негодностью, а кто и проигралъ на рысакѣ и т. д.

Какая-то бабенка, перебивая мужиковъ, высчитывала размѣръ пособія отъ казны, получаемаго ею на себя и на дѣтей по случаю взятія мужа на войну.

— Мужъ-то у тебя былъ хорошимъ хозяиномъ? спросилъ я.

— Гнѣвить Бога не стану, отвѣтила она. - Добрый мужикъ, а хозяйства своего не имѣлъ. Лѣснымъ сторожемъ былъ въ банковскомъ имѣніи и получалъ двадцать пять рублей. Выпивахой не былъ, а угоститься съ такимъ же пріятелемъ и погутарить любилъ. Глядишь пара цѣлковыхъ на водку, а то и тройка въ мѣсяцъ, пропадетъ изъ кармана.

— Деньги не малыя для мужицкаго хозяйства...

Тронутая моимъ сочувствіемъ, бабенка вдохновилась и привлекла къ себѣ своими рѣчами даже мужиковъ.

— Сосчитайка, сколько это въ годъ выйдетъ, если въ мѣсяцъ по два-три рубля снесешь въ казенку, отозвался бородатый у меня сосѣдъ.—А теперь эти денежки дома.

— А все же, поди, возразилъ я: пособія даютъ мало, а прежде хозяинъ получалъ двадцать пять рублей изъ банковой конторы.

— А жилось бѣднѣе, перебила меня солдатка самоувѣренно.

— Какъ же такъ?

— А такъ... Водочка-то на всѣ стороны льется: самъ выпьешь—разъ, а потомъ растеряешь деньги, а гдѣ и вынутъ—два, а то и въ третьихъ... Либо обезумѣишь и съ мѣста прогонятъ тебя, либо на ярмаркѣ стражники поколотятъ пьянаго. Вотъ она водочка-то, какъ пьется.

— Это не то, что табачкомъ заниматься, глубокомысленно отзывался на ея рѣчь бородатый Микула Селяниновичъ и съ удовольствіемъ затянулся махоркой.—Себѣ только вредитъ табачекъ, а не другимъ. А водочку пьешь больше для другихъ, чѣмъ себѣ.

Въ основѣ этихъ словъ лежала несомнѣнная правда, хотя пьяница едва ли станетъ сознательно тянуть влагу „для другихъ".

— Да, какъ-же не для другихъ? воскликнула разошедшаяся бабенка.—Прежде мужики „крыли крыши кабаковъ" своими денежками, а потомъ „казенку" содержали... Благодаримъ Бога, что война прикончила эту моду. Теперь и выпилъ бы мужикъ — да негдѣ взять этой кособоченки-то.

— А вѣдь и хорошо, подтвердили другіе мужики за столомъ.—Какъ это раньше не додумались? Прежде

насъ лечили попы отъ пьянства. Отбирали присягу не пить. „Запретъ" былъ отъ воскресенья до перваго поднесенья не пить... Но вотъ нашелся *„попъ-лекарь"* и сразу вылечилъ народъ отъ пьянства, какъ и его дѣдушка однимъ своимъ словомъ сдѣлалъ насъ „вольными". Онъ и съ „Думой" не совѣтовался, а придумалъ собственной головой лекарство для пьяницъ. „Отчиталъ" ихъ лучше попа и бабки-шептуньи... Теперь мы не ходимъ на запретъ, а всѣ трезвы.

Наступившее молчаніе было прервано возгласомъ:

— Чайкомъ позабавимся, Егоровна? крикнулъ весело Микула Сельяниновичъ и налилъ жидкаго чая въ стаканъ себѣ и ей.—Разоритель нашъ теперь—чай съ сахаромъ, ну а все же и польза есть отъ него. За мѣсто ужина какъ-бы, особливо съ хлѣбомъ.

— Нищенская похлебка, замѣтилъ сытый мужикъ издали отъ нашей компаніи. Дешевле харчей... Ну, и пьютъ его съ голоду.

Компанія крестьянъ совсѣмъ перестала дичиться меня, когда я велѣлъ подать связку баранковъ и раскидалъ ихъ по столу на всѣхъ присутствующихъ.

— Съ чаемъ-то онѣ вкуснѣе, сказалъ я просто. Берите и ѣшьте. Мнѣ тоже веселѣе съ вами, чѣмъ одному ихъ жевать. Пріхалъ я издалека и затра поѣду дальше.

— По своимъ дѣламъ, значитъ, ѣдешь?

— По своимь, отвѣтилъ я, смѣясь.—Жениться ѣду... Безъ хозяйки-то у меня домъ сирота, а хозяйку мнѣ надо такую, чтобы она брови не хмурила. Есть у васъ такія дѣвки?

— Есть! храбро отозвалась та же говорливая баба.— Найду тебѣ, на старость твою, такую невѣсту...

Она проворно развязала узелокъ и, при всеобщемъ хохотѣ мужиковъ, поставила передо мной на чайный

столикъ „Матрешку“: деревянную бабу, въ которой прятались такія же размалеванныя, меньшаго размѣра, деревянныя куколки.

— О-о, кричали мужики, окруживъ нашъ столъ кольцомъ.—Ну, и барышни! Ни одну не захаишь! Бровей не хмурятъ и словомъ не будутъ прикословить тебѣ.

Мнѣ очень понравилась эта остроумная выходка крестьянки, такъ весело и безобидно протестовавшей противъ типа „доброй дѣвушки, не имѣющей ни ушей, ни глазъ“ (по Домострою).

Потребность шутки и юмора такъ сильна на нашемъ народѣ, что она проявляется и въ утонченныхъ, и въ грубыхъ случаяхъ.

— Ногой не пихай, кто-то закричалъ на вошедшаго къ намъ мужика.—Можешь и рукой взять.

На полу валялся свертокъ бумаги, перевязанный веревочкой и, когда простодушный крестьянинъ его развязалъ, оттуда выпала дохлая крыса.

Общій хохотъ потрясъ стѣны чайной...

Невольно хотѣлось, чтобы этотъ веселый и трудящійся народъ имѣлъ болѣе здоровую пищу для смѣха и юмора, бьющихъ ключемъ въ его краснорѣчіи.

Невольно чувствовалось, что дикія шутки трезваго народа и его дѣтская радость, если шутка удавалась, свидѣтельствуютъ, что одной избы и харчей ему уже недостаточно и что людямъ нужна большая одухотворенная жизнь.

„Человѣкъ — общественное животное“, говоритъ Аристотель и стыдно странѣ, если ея народъ пребываетъ въ скотскомъ состояніи.

Зная, что въ Рязанской губерніи нѣтъ почтовыхъ трактовъ, а мобилизація отняла лошадей и людей, я

здѣсь же за чайнымъ столомъ уговорился съ однимъ крестьяниномъ поѣздить съ нимъ нѣсколько дней по уѣзду.

Однако, эта поѣздка у меня разстроилась. Я зашелъ къ управляющему дворянскимъ и крестьянскимъ банкомъ, С. В. Успенскому, и тотъ неожиданно измѣнилъ планъ моего объѣзда Рязанской губерніи.

II.

Характеристика платежной способности заемщиковъ банка за 1914 годъ. „Большаки“. „Потребительскій народъ“ на войнѣ, но отсутствіе водки à priori и въ будущемъ должно благотворно вліять и на большинство, когда оно вернется съ войны. „Въ каждой деревнѣ были свои пьяницы“, а народъ былъ трезвъ. Нѣтъ причины и опекать его отъ пьянства, говорятъ противники принудительнаго отрезвленія и его запретительныхъ мѣръ. Пьянство монопольнаго періода и его опасность.

На мой вопросъ о платежныхъ силахъ крестьянъ въ связи съ закрытіемъ виноторговли, Управляющій банкомъ сказалъ:

— Въ предыдущіе годы, до войны, Банкъ весьма часто обременялся недоимками, а въ этомъ году, не смотря на минувшій неурожай, денежныя поступленія у насъ почти нормальны. А между тѣмъ бѣдность рязанскихъ крестьянъ довольно значительна. Это видно изъ того, что при покупкѣ земли по посредническимъ сдѣлкамъ доплата рязанскими крестьянами изъ собственныхъ средствъ въ громадномъ большинствѣ является очень незначительною въ нѣсколькихъ рубляхъ на десятину. Доплату въ 20—30 руб. можно встрѣтить только въ единичныхъ случаяхъ. Одинъ годъ не только неурожая хлѣба, но даже недорода его, сильно

повышаетъ недоимочность. У значительнаго большинства заемщиковъ, кромѣ дохода отъ урожая съ купленной земли, нѣтъ никакихъ побочныхъ средствъ для взноса Банку срочныхъ платежей по ссудамъ. Самыми исправными плательщиками являются единоличные владѣльцы заемщики Банка. Если и наблюдается, что въ первые годы покупки земли, вслѣдствіе значительныхъ затратъ на переселеніе и обзаведеніе хозяйства на новыхъ мѣстахъ, они часто бываютъ невольными должниками Банку, то впослѣдствіи, освоившись со своимъ положеніемъ и окрѣпши экономически, становятся самыми аккуратными плательщиками. Они чувствуютъ себя отдѣльными самостоятельными хозяевами, независящими отъ другихъ своихъ сочленовъ, какъ это имѣетъ мѣсто въ обществахъ и крупныхъ товариществахъ, гдѣ изъ-за небольшой группы недоимщиковъ земля общества или товарищества можетъ поступить въ продажу съ торговъ. Въ 1914 году, напримѣръ, въ то время, какъ годовой окладъ противъ прошлаго года увеличился у отдѣльныхъ домохозяевъ на 21%, товариществъ 1,4% и обществъ на 0,9%, возрастаніе въ общей суммѣ недоимочности по соотвѣтственнымъ разрядамъ заемщиковъ было такое: 26% 33 и 28%, т. е. болѣе исправными плательщиками опять оказались отдѣльные домохозяева *). Не смотря на неурожай хлѣбовъ и травъ, охватившій собою преимущественно уѣзды съ наибольшимъ числомъ залоговыхъ операцій и притомъ настолько сильно, что для поддержанія хозяйства заемщиковъ по нѣкоторымъ раіонамъ пришлось имъ оказывать ссудную помощь на обсѣмененіе озимыхъ и яровыхъ полей,—въ общемъ поступленіе платежей

*) Въ Тамбовской губерніи обратно: самыми исправными плательщиками банка являются общества и товарищества.

за 1914 годъ надо прзнать довольно успѣшнымъ. Успѣшность эта главнымъ образомъ должна быть отнесена за счетъ прекращенія продажи спиртныхъ напитковъ, позволившаго населенію сберечь полученный имъ отъ урожая денежный достатокъ и обратить его на покрытіе своихъ долговъ.

Прервавъ свою рѣчь на нѣсколько минутъ подписаніемъ принесенныхъ ему въ канцелярію бумагъ, г. Успенскій продолжалъ:

— Прежде бывало ѣдешь въ бойкій городъ Ряжскъ и, видишь, на всѣхъ къ нему ведущихъ большакахъ тянутся обозы пьяныхъ крестьянъ. Ѣдутъ они въ городъ съ товаромъ трезвыми, нерѣдко ѣдутъ на ярмарку, и, продавъ товаръ, оставляютъ деньги въ казенкѣ. А теперь они везутъ ихъ домой. Въ дореформенномъ кабакѣ было страшно не то, что мужикъ шелъ въ кабакъ, а то, какъ онъ уходилъ изъ него. Казенная лавка не брала залоговъ, не отравляла потребителей сивухой, но разорять она разоряла его и спаивала еще лучше. Водка была очищенная и винную лавку нельзя было закрыть даже по мирскому приговору крестьянъ, если чиновники находили мотивы приговора неосновательными. А теперь, если вы располагаете временемъ, я могу предоставить вамъ возможность видѣть у насъ на мѣстахъ результатъ отрезвленія. Завтра непремѣнный членъ банка баронъ А. А. Дельвигъ ѣдетъ по дѣламъ службы по уѣзду и вы могли бы поѣхать съ нимъ.

Черезъ минуту мы втроемъ обсуждали маршрутъ поѣздки, такъ любезно предложенной мнѣ г. Успенскимъ.

Мы уговорились съ Дельвигомъ ѣхать на другой день по хуторному разселенію поселенцевъ Рязанской губерніи.

Изъ банка я прошелъ въ Губернское Акцизное Управленіе, гдѣ его Управляющій В. Г. Мартыновъ

внимательно выслушалъ меня и освѣтилъ вопросъ о современной трезвости въ народѣ весьма оригинально.

— Пить-то теперь некому, сказалъ онъ улыбаясь. Не удивительно, что нѣтъ пьяныхъ ни въ городѣ, ни въ деревнѣ. Весь народъ на войнѣ, остались дома старики, да дѣти. Народа нѣтъ на мѣстѣ. Потребительскій народъ весь ушелъ.

Какъ ни казалось это мнѣніе справедливымъ, я счелъ нужнымъ замѣтить:

— Придетъ съ войны большинство и отсутствіе водки будетъ влiять на него такъ же, какъ оно влiяетъ теперь на меньшинство. Будутъ тѣ и другіе трезвы— будетъ и благополучіе.

Мартыновъ очевидно былъ занятъ своею мыслью и продолжалъ увѣренно:

— Я и раньше былъ того мнѣнія, что народъ никогда не былъ спившимся. Въ цѣломъ онъ пилъ рѣдко. Найдется много лицъ, которые на этомъ основаніи ропщутъ противъ принудительнаго отрезвленія народа и опеки надъ нимъ. Пропивалось меньшинство, какъ исключеніе въ народѣ *). Оно же создавало собою и худую славу про остальныхъ. Они одни и пьянствовали и хулиганили. Ѣдетъ баринъ по деревнямъ и видитъ въ рабочую пору пьяныхъ, ѣдетъ обратно—тѣ же пьяницы ему на встрѣчу. Въ каждой деревнѣ были свои пьяницы,—они же и хулиганы. Весь сыръ-боръ загорался отъ нихъ, а близорукіе наблюдатели принимали ихъ за весь народъ. Да и пить было дорого... Шутка ли сказать, что съ пяти рублей за ведро водка стала продаваться за восемь рублей слишкомъ. А тутъ еще война, дороговизна жизни, недостача рабочихъ рукъ... Не до водки...

*) Того же мнѣнія о пьянствѣ мужиковъ держался и проф. А. Н. Энгельгардтъ въ „Письмахъ изъ деревни".

Къ концу бесѣды я спросилъ Мартынова о суррогатахъ крѣпкихъ напитковъ.

— Этого зла у насъ мало, отвѣтилъ онъ также оптимистически.—Можетъ быть, отъ того, что фабричныхъ тоже мало. Никакихъ передѣлокъ денатурированнаго спирта не замѣчается. Бывали случаи опьяненія разной дрянью, но смертныхъ отравленій не было. Мѣры были приняты строгія противъ этого. У насъ продажа денатурата разрѣшается, независимо отъ Акцизнаго Управленія, еще полиціей. То же самое съ продажей политуры и одеколона. При отпускѣ изъ аптекъ гофманскихъ капель, киндербальзама, анодина и другихъ препаратовъ, содержащихъ спиртъ и эфиръ, требуется еще разрѣшеніе врача. Все предвидено. Даже виноградныя вина для церквей и для лечебныхъ цѣлей (по требованію врачей) отпускаются на тѣхъ же основаніяхъ. Надо сказать, что Рязанское Акцизное Управленіе первое пошло навстрѣчу закрытію винныхъ лавокъ. Нашъ бывшій губернаторъ князь Оболенскій, нынѣ петроградскій градоначальникъ, всегда давалъ ходъ мірскому приговору о закрытіи винныхъ лавокъ, хотя бы слабо мотивированному.

Мнѣніе г. Мартынова о томъ, что „каждая деревня имѣетъ своихъ пьяницъ", а сама она свободна отъ подобнаго упрека, раздѣляетъ множество людей.

Они утверждаютъ, что народъ никогда не пилъ вина поголовно и не предавался постоянному пьянству.

— Водки у мужика, говоритъ онъ: какъ—постояннаго напитка можно было встрѣтить лишь у весьма зажиточныхъ крестьянъ, или у алкоголиковъ. Больше всего пили крестьяне на храмовыхъ праздникахъ и семейныхъ торжествахъ. Эти дни оставляли неизгладимый слѣдъ на скудномъ ихъ бюджетѣ. Населеніе спокойно отнеслось къ закрытію винныхъ лавокъ и многія

изъ нихъ закрыты по инициативѣ сельскихъ обществъ. Это доказываетъ, что крестьянамъ нужна водка въ извѣстныхъ только случаяхъ, а необходимой потребностью она никогда для нихъ не была.

Соглашаясь, однако, съ мнѣніемъ, что масса держалась въ сторонѣ отъ пьянства, нельзя въ то же время не видѣть, какъ и она должна была бы втянуться въ самое непродолжительное время въ то же пьяное хулиганство меньшинства, благодаря новому идеалу жизни у подрастающаго поколѣнія. Пьянство, бывшее Божіемъ наказаніемъ и „смертной чашей“ для человѣка, стало у молодежи гордостью. Это мѣняло весь бытъ народной жизни. Новый идеалъ жизни заражалъ и трезвыхъ людей. Дѣло не въ количествѣ: заразный больной не перестаетъ быть заразнымъ, если даже онъ одинъ. Хулиганство, т. е. неуваженіе чужихъ правъ, чужой личности и чужой культуры, становилось гражданскимъ идеаломъ тотчасъ же за бутылкой водки. Современное пьянство рѣзко отличается отъ прежняго. Пьяное хулиганство съ улицы переходило и въ избы къ трезвому и трудолюбивому населенію. Въ этомъ и была особенность и опасность новѣйшаго пьянства въ монопольный его періодъ. Раньше деревня имѣла своихъ пьяницъ, но въ монопольный періодъ правильнѣй было бы сказать, что каждая деревня будетъ имѣть въ скоромъ времени своихъ трезвенниковъ. Благодаря доступности водки, ее стали пить въ избахъ и средніе и самые трудолюбивые элементы населенія. Она распивалась уже всегда съ примѣсью гражданскаго разложенія. Лучшіе люди деревни и фабрики втягивались въ пьяный круговоротъ и усваивали принципы о безотвѣтственности поступковъ. Этимъ позднѣйшее пьянство рѣзко отличается отъ прежняго.

Вотъ почему необходимо теперь горячо бороться

противъ распространеннаго мнѣнія о безопасности умѣреннаго потребленія народомъ спиртныхъ напитковъ и криковъ винокуровъ о томъ, что нужно не уничтоженіе торговли крѣпкихъ напитковъ, а только ея реформа.

III.

Раненбургскіе хутора. Какъ „Чернильные хутора“ въ Данковскомъ уѣздѣ стали „дышать“? Жажда трезвости и образованія. „Алексѣевскій поселокъ“. Раздоры среди поселенцевъ изъ за школы и земли.

Поѣздка съ А. А. Дельвигомъ по многочисленнымъ деревнямъ и хуторамъ Рязанской губерніи принесла мнѣ много удовольствія и пользы. Прослуживши нѣсколько лѣтъ податнымъ инспекторомъ и еще болѣе продолжительно въ крестьянскомъ банкѣ, г. Дельвигъ конечно обладалъ многими свѣдѣніями по вопросамъ мѣстной жизни. Проѣзжая со станціи Троекурово по Раненбургскому уѣзду, Дельвигъ указывалъ мнѣ и на бѣдные и богатые хутора.

— Тѣ и другіе различаются по времени переселенія: ранніе хутора, еще съ малымъ тогда опытомъ, до сихъ поръ не устроены и бѣдствуютъ; позднѣйшіе хутора уже устроены лучше. Эту особенность *во времени* переселенія слѣдуетъ имѣть въ виду при объѣздѣ хуторнаго разселенія. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ нельзя не обратить вниманія на развитіе кооперативнаго дѣла. Общими силами крестьяне здѣсь выписываютъ случныхъ жеребцовъ по 2.000 р. и за случку берутъ по 15 и болѣе рублей.

Пріѣхавъ въ Данковскій уѣздъ, я поинтересовался такъ называемымъ здѣсь „Чернильнымъ поселкомъ“, нынѣ упраздненнымъ и запаханнымъ.

Лѣтъ 8—9 тому назадъ, землеустроитель поселилъ на немъ нѣсколькихъ крестьянъ изъ деревни Орловка, упустивъ изъ виду то, что мѣстность была безъ воды.

Поселокъ былъ выстроенъ „на бугрѣ".

— Кругомъ бугры и овраги, и нигдѣ нѣтъ воды, говорили мнѣ переселенцы.—Въ другихъ мѣстахъ крѣпкая и жирная глина даетъ возможность укрѣпить въ оврагахъ дно и берега, сдѣлать плотины и запруду весенней воды. Весь уѣздъ продовольствуется водой въ искусственныхъ прудахъ. Иные пруды тянутся чуть не на версту, огибая собою цѣлый рядъ хуторовъ. Есть и маленькіе запруды для отдѣльныхъ поселковъ.

— Но почему же вы купили участокъ безъ воды? Развѣ возможно хозяйствовать безъ воды или бѣгать за ней за двѣ версты и обратно?

Потерпѣвшие крестьяне повѣдали мнѣ слѣдующую исторію:

— На нашемъ участкѣ земля не держитъ воду. Вырыли и у насъ прудъ, а дно-то его оказалось все ноздреватое... Господь вѣдаетъ, что такое: все дно и берега въ дырахъ. И весенняя, и лѣтняя вода не держится подолгу въ прудѣ... Не натаскать воды въ него. Стали мы рыть и колодца, да на тридцать первомъ аршинѣ глубины вода пошла, какъ уголь, черная... И земля съ углемъ и пескомъ, и вода,—что чернила. Весь поселокъ стали звать „Чернильнымъ". Говорятъ, что имѣются внутри залежи каменнаго угля... Отъ него и вода вся черная... Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ у Кн. Шаховскаго и Догкорукова и теперь имѣются шахты для разработки каменнаго угля.

Конечно, если здѣсь пласты каменнаго угля, то надо произвести раскопки, а не селить здѣсь землепашцевъ.

Точно угадывая мою мысль, одинъ изъ крестьянъ сказалъ:

— Землеустроитель обмахнулся, а мы изъ-за него цѣлыхъ полтора года бились безъ воды, пока наконецъ служащій въ банкѣ С. В. Терскій не посовѣтовалъ подать намъ прошеніе въ Петроградъ съ просьбой перевести насъ на другое мѣсто.

Это „другое мѣсто" теперь заселено тѣми же переселенцами изъ „Чернильнаго поселка". Новое мѣсто отстояло отъ прежняго версты на двѣ. Оно было ровнымъ и живописнымъ. Почти передъ каждымъ хуторомъ (числомъ шесть) тянулся прекрасный прудъ, поросшій на крестьянскомъ берегу мелкимъ березнякомъ, а на другомъ—дубовымъ лѣсомъ крестьянскаго банка.

Около меня собрались Василій Будановъ, Иванъ Сидоровъ, Василій Рытовъ и множество ихъ дѣтей.

— Дышать стали съ чистой водой, отозвались они.— Дышимъ покуда... Вода некупленная, а водки и въ праздникъ не надо. Хуже града она для насъ. Звѣроломная она... На стѣну лѣзешь съ нее...

Бѣднота хуторянъ бросалась въ глаза. Избы были построены изъ саманнаго кирпича, приготовляемаго изъ глины и соломы руками, а не машиной и печью. Саманныя постройки съ однимъ или двумя окнами, крытыя соломой, были низенькія подъ одной общей крышей со скотнымъ дворомъ и переполнены внутри грудными дѣтьми, курами и жалкой кухонной посудой. Но все же переселенцы довольны перемѣной ихъ судьбы и съ теплымъ чувствомъ говорятъ:

— Чего же лучше желать? Лучше не можетъ и быть мѣста у насъ. А то бы намъ пропадать въ „Чернильномъ поселкѣ". Думали весь духъ выйдетъ изъ насъ, да скоро бумага пришла отъ начальства переселить насъ на новое мѣсто. А все же случись два года неурожая—на третій земля будетъ не наша, а думаемъ всѣ мы, что гнать насъ отсюда можно только палкой.

Ляжемъ вдоль пруда и не пойдемъ никуда... Дальше не куда летѣть и искать лучшаго. Начальство сдѣлало для насъ, что было въ его силѣ, а намъ нужно стараться уже самимъ видь гнѣзда. Хорошій саманъ отъ насъ далеко и по близости его нѣтъ, а все же хотимъ жить какъ люди, а не въ свинярняхъ.

Выслушавъ исторію „Чернильныхъ хуторовъ", я спросилъ своихъ своеобразныхъ ораторовъ:

— А на счетъ водочки, поди, скучаете?

— Попривыкли! добродушно и весело отозвались они.—А дѣти наши не будутъ и знать, какая такая водка. Да и мы забыли думать о ней... Хоть бы она вѣкъ не была!.. Безъ нея намъ не убытокъ, а въ праздникъ такъ и барыши. Ни пропьется, глядишь, цѣлая красненская, когда пріѣдутъ въ праздникъ братья и сваты. А будемъ женить сыновъ, такъ надѣлаемъ квасу.

Мужики смѣялись, но видимо съ удовольствіемъ отъ того, что могутъ обойтись безъ водки.

— Много въ ней дурости, продолжали они.—Окромя пьянства, много еще всякаго другого озорства. Мы пьемъ не по-господски: выпьешь и все ищешь, кто виноватъ въ твоей дурости и кого бы за нее поколотить. Черезъ эту веселуху и въ семьѣ не было копѣйки. Вино работало за насъ, а не мы.

Къ намъ подошелъ новый хуторянинъ и, прислушавшись къ разговору, откровенно признался:

— Каждому пьяницѣ казалось, что безъ водки смерть ему пришла, а теперь онъ видитъ, что безъ водки началось его здоровье... А здоровымъ людямъ надо и образованія малость, да на наше горе некому хлопотать въ Управѣ. Обѣщалъ агрономъ исходатайствовать намъ школу, но до сей поры Земство не строить ее, а намъ не подъ силу... А безъ школы дѣти безпастушны. Если бы тутъ была проѣзжая дорога,

такъ они камнями закидали бы проѣзжаго и собаками бы затравили прохожаго.

— А ты самъ грамотенъ?

— Малость грамотенъ...

— Ты бы и училъ дѣтей въ досужее время...

— Каждый день топоръ изъ рукъ не выходитъ, перебилъ онъ.—Гдѣ же я возьму время учить ребятъ? А намъ церковь такъ не нужна, какъ школа. Въ церковь мы ходимъ не каждый день, а въ школу ходили бы каждую зиму. Теперь война и надо бы всѣмъ читать про нее.. Не за кражу, а за грѣхи умираютъ люди... А кому читать, если мы не ученые? Водку поотняли у мужика, надо ученье ему дать...

— А скучно безъ водки-то? повторилъ я вновь свой вопросъ.—Ханьжу не дѣлаете?

— Слыхали о ней, презрительно отозвались переселенцы.—Да это не у насъ. Не у мужиковъ придумано, а въ городахъ. У насъ не найдешь гарнаго спирта и не смѣшаешь его съ медомъ или клюквеннымъ квасомъ. А въ городахъ кухарка и та угоститъ земляка. Дернетъ онъ чашку, ну и пьянъ на цѣлый день.

Изъ „Хрипуновскихъ" поселковъ я поѣхалъ въ поселокъ „Алексѣевскій", построенный на землѣ, купленной банкомъ у Удѣловъ. Бѣдность саманныхъ построекъ и тутъ поражала меня, но когда я спросилъ переселенцевъ, не жалѣютъ ли они, что оставили деревню, они резонно отвѣтили:

— Да и тамъ тоже взять было нечего!

На вопросъ о водкѣ, они укоризненнымъ тономъ отвѣчали:

— Хоть бы такъ прокормиться, а не только водку пить. Совсѣмъ бы ея не было... Не худо бы. Сколько черезъ нее семействъ голодало...

— Водка отъ дѣла отводитъ, произнесла изъ ма-

ленькаго окна избы столѣтняя старуха.—А вотъ привелъ Господь Богъ пожить безъ одури... Подай Господи продлить войну, а то идетъ говоръ, что послѣ войны опять откроютъ винныя лавки.

Около меня стояли другія женщины и набожно перекрестились.

Меня поразила эта молитва...

— Молятъ Бога о войнѣ! Молятъ! говорила потомъ мнѣ О. Н. Терская въ имѣніи.—Весь народъ въ ужасѣ, когда говорятъ, что казенки закрыты только на время войны. Въ церкви бабы во всеуслышаніе молятся за Царя, чтобы тотъ продлилъ войну и не открывалъ казенку. По всей нашей губерніи услышите эту молитву, особенно у женщинъ.

Я былъ пораженъ этой драмой, которую переживаетъ современный народъ, готовый на самыя большія жертвы, включительно до продленія войны, чтобы только Царь не отмѣнилъ трезвость.

— Впервые стали жить по-человѣчески, говорятъ крестьяне.—Открой теперь казенку, такъ и богатые хутора, и случные жеребцы будутъ пропиты. На поселкахъ укрѣпиться можно только безъ водки. Будетъ она прикрыта, будетъ и у мужиковъ въ хозяйствѣ копѣйка, а въ семьѣ покой. Дѣти обуты, жена не бита... Не дай Богъ война кончится и откроютъ казенку... Поселки наши загуляютъ... На хутора не пойдетъ пьяный народъ или богатый. На хуторахъ надо самому работать, а богатый любитъ ѣздить на чужой спинѣ, а пьяницы жить въ компаніи и не бросятъ деревни.

Содержательная и художественная рѣчь крестьянъ покоряла всѣ мои возраженія и я промолчалъ о томъ, что богатыхъ крестьянъ нѣтъ изъ празднолюбцевъ; что богатый мужикъ, если онъ не скупщикъ и не ростовщикъ, также не пьетъ водку и работаетъ еще болѣе, чѣмъ батракъ.

Не желая ѣхать въ этотъ день въ слѣдующій уѣздъ, я возобновилъ разговоръ о хуторномъ бытѣ.

— Ожидаемъ лучшаго, произнесъ поселенецъ,—но не разомъ... Чужую сторону хвали, а самъ туда не ходи.

— Что же такъ?

— Да будешь хвалить хутора, а два неурожайныхъ года и дѣваться будетъ некуда... На третій не заплатишь въ банкъ, земля уже будетъ не твоя, а чужая.

— Одно что хорошо, перебилъ его другой переселенецъ:—работа поближе на хуторѣ. Самимъ какъ будто легче... удобнѣе для себя. Работа рядомъ съ избою.

Онъ указалъ рукой на вспаханную землю, тянущуюся у него подъ окномъ избы.

— Въ деревнѣ, замѣтилъ я,—подчиненія больше.

— То же одно и тутъ, неожиданно отвѣтили мнѣ.—Одинъ безъ другого — тоже дѣло не выйдетъ. Что въ общинѣ для скота нуженъ выгонъ, то и у насъ на хуторѣ. Есть несогласіе въ общеніи, довольно его и у насъ. Наше несогласіе испортило хлопоты о постройкѣ школъ.

— Какое же это несогласіе? Развѣ не всѣ хотятъ строить школы?

— Школу-то хотятъ всѣ здѣшніе поселки, а гдѣ строить ее не сговорятся. Дѣтей у насъ, что овецъ, а ростутъ какъ звѣрята... Пріѣхалъ къ намъ агрономъ и взялся было хлопотать передъ Управой о школѣ, да кто-то сказалъ у насъ ему насупротивъ, онъ и осерчалъ... „Выгонъ травой засѣять“, говоритъ... а мы ему: „Гдѣ же скотину держать будемъ“? Онъ хотѣлъ школу строить по серединѣ хуторовъ, а переселенцы всякъ себѣ поближе. А были и такіе изъ насъ, которые изъ торговъ не выходятъ по своей бѣдности. Они бы пошли на готовое, а помогать имъ строить школу нечѣмъ... Ну вотъ наше дѣло со школой и замялось.

— Можетъ быть наше прошеніе затерялось и вы шла фальшь, отозвалась таже столѣтняя старуха, желая разрѣшить вопросъ о школѣ болѣе правдоподобно, чѣмъ фантастическія предположенія мужиковъ о разгнѣванномъ агрономѣ.

Поселенцы продолжали горячо говорить о внутреннихъ среди нихъ раздорахъ, но всего болѣе меня удивили мужички, которые пришли къ А. А. Дельвигу съ жалобой на другихъ крестьянъ.

— У насъ куплена земля товариществомъ, а большинство притѣсняетъ насъ и травитъ скотомъ нашъ хлѣбъ. Станешь подстерегать ихъ и не пускать скотъ на нашъ участокъ, такъ они научаютъ пастуха бѣжать съ поля и кричать, что мы его бить хотимъ... Убѣжитъ онъ и намъ же приходится пасти чужой скотъ, чтобы онъ не вобрался въ наши поля. Вотъ что дѣлаютъ озорники!... На что это похоже? У нихъ постороннихъ свидѣтелей сколько угодно, а у насъ одни потерпѣвшіе...

— Вотъ оно согласное и организованное большинство! Тотъ же сельскій міръ и его власть надъ меньшинствомъ! воскликнулъ Дельвигъ, не скрывающій своей вражды къ сельской общинѣ.

Ему ничего лучшаго не представляется какъ частная поземельная собственность и онъ вѣритъ въ ея торжество даже на философскомъ основаніи...

— Частная собственность — это признакъ довѣрія къ человѣческой личности и ея свободѣ... Эта вѣра въ натуру человѣка, говоритъ онъ:—нужнѣе, чѣмъ вѣра въ порядки и т. д.

Между тѣмъ то и другое вовсе не противорѣчитъ другъ другу. „Новое Время“ отъ 6 іюля 1914 г. писало о „кооперативной арендѣ земли“ слѣдующее: „арендующія землю производительныя сельскохозяйственныя товарищества въ значительномъ числѣ появились въ губерніяхъ: Полтавской, Черниговской и Харьковской.

Теперь за кооперативную аренду земли взялись крестьяне Радомысльскаго и Таращанскаго уѣздовъ Кіевской губерніи. Обыкновенно арендуются участки площадью въ 200—300 десятинъ подъ посѣвъ клевера, свекловицы и т. д., при чемъ обработка земли ведется машиннымъ способомъ.

Въ цѣляхъ большой доходности участковъ, для посѣва берутся лучшія сѣмена. Обыкновенно участники земельной аренды вступаютъ въ договоръ съ одинаковыми правами и одинаковымъ взносомъ.

Результаты урожая дѣлятся поровну между участниками товарищества. Одинаковая доля участія въ предпріятіи каждаго члена гарантируетъ отъ всѣхъ споровъ по разверсткѣ урожая.

На югѣ Россіи видные сельскіе хозяева, земскіе дѣятели и сахарозаводчики, являющіеся покупателями свеклы у подобныхъ товарищескихъ организацій, предсказываютъ большое будущее кооперативной арендѣ земли. Спросъ на свекловицу со стороны сахарныхъ заводовъ съ каждымъ годомъ растетъ. Крестьяне, въ цѣляхъ извлеченія наибольшаго дохода изъ своихъ участковъ, стараются переходить къ культурѣ свекловицы.

А такъ какъ обработка машинами небольшихъ участковъ земель одинокимъ крестьянамъ не всегда доступна, то вотъ здѣсь-то на сцену и является кооперативный принципъ, позволяющій расширять границы приложенія крестьянскаго труда и увеличивающій крестьянскій бюджетъ“.

IV.

Другіе хутора Данковскаго уѣзда: „Безводная сакма", Долгоруковскіе хутора, Дубасовскіе хутора и деревни Скопинскаго уѣзда: Кикино, Чернава, Вослебы, Затворная и Горлово.—Всеобщее отрезвленіе и благословеніе судьбы.—„Женщина наша повеселѣла и тѣломъ побѣлѣла"...—Свѣдѣнія и цифры казенной палаты.

Въ томъ-же Данковскомъ уѣздѣ я заѣхалъ на хуторъ переселенцевъ, зовущійся „Безводная Сакма". Это слово татарское. По преданію здѣсь былъ самый ходъ татарамъ въ Москву изъ Астраханскихъ степей. Водораздѣломъ шли они, высокимъ мѣстомъ между рѣками Дономъ и притоками Оки...

Живущіе здѣсь хуторяне говорятъ о себѣ:

— Дышать нечѣмъ было, какъ мы переселились сюда изъ деревни и стали заниматься водкой. А теперь безъ нее дышемъ и живемъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нихъ расположены Долгоруковскіе хутора.

Другіе переселенцы съ завистью говорятъ о нихъ:

— Обросли ветлами! Много скота и удобренія! Многосемейные, купили по тридцати и сорока десятинъ на хуторъ... Есть и саманныя постройки, но больше деревянныя, крытыя желѣзомъ... Денежные мужики (изъ села Сурки)—имъ и раньше хорошо жилось.

Долгоруковскіе хуторяне насмѣшливо замѣчаютъ:

— Да изъ ничего только Господь создаетъ что-нибудь, а людямъ нужны деньги.

— Говорятъ, перебиваю я:—что водка тоже помогаетъ въ хозяйствѣ, если пить аккуратно передъ обѣдомъ.

— Выпить передъ обѣдомъ не мѣшаетъ, согласился одинъ старикъ.—Поможетъ работѣ.

— Ничему она не поможетъ, рѣзко перебили другіе.—Не помогаетъ она, а только жажду даетъ больше.

Былъ и у насъ Харламъ... На денежныя работы ходилъ и началъ пить передъ обѣдомъ, а поѣвши ему водки уже не надо... Пилъ сначала умно, а послѣ ѣсть пересталъ, а все пилъ. Обрядится весь, какъ кавалеръ хорошій, а вернется и разутъ, и раздѣтъ. Простой человѣкъ: не столько самъ выпьетъ, сколько товарищи... Прогуляетъ все въ компаніи, пропьется весь. Былъ смирный во хмѣлю, а послѣдніе годы идетъ Харламъ, такъ весь народъ пятится.

— Почему?

— Боится. Идетъ Харламъ, а самъ ищетъ, кому бы вцѣпиться въ волосы. Женка и дѣти вонъ изъ избы, да Богъ недавно прибралъ его къ себѣ.

— Что же съ нимъ случилось? обратился я къ его дочкѣ, лѣтъ 15, на которую мнѣ указали.

— Смерть пришла, онъ и померъ, отвѣтила та тономъ такого примиренія со смертью, какъ будто смерть ходитъ около каждаго изъ насъ также естественно, какъ лошадь въ поводу у мужика.

Той же дѣвочкѣ я замѣтилъ, чтобы она грудную дѣвочку потише качала въ колыбели.

— Чего потише? Умретъ поскорѣе! радостно отвѣтили бабы.

Проѣзжая послѣдніе хутора Данковскаго уѣзда, я видѣлъ и въ нихъ все ту же бѣдноту.

— Стали недавно поправляться и они, говорили мнѣ мужики, живущіе еще бѣднѣе.—Черепица заводится на крышахъ, обсаживаются ветлами, выгонъ для скота удобный, плужкомъ пашутъ. Безъ водки живутъ и обрастаютъ.

Однако, бѣдность большинства хуторовъ Рязанской губерніи меня поражала и знатоки мѣстнаго переселенческаго дѣла говорятъ, что при ликвидаціи банковскихъ земель первое время были упущенія. Всѣ торопи-

лись распродать банковскія земли переселенцамъ, иногда не замѣчая непригодность переселенцевъ къ трудолюбію на землѣ. Болѣе осторожные устроители хуторовъ, конечно, думали болѣе о будущности хуторянъ, производили болѣе тщательныя изслѣдованія безводныхъ мѣстъ, не соблазняли мужиковъ разсказами о преміяхъ за образцовыя веденія хозяйства и т. д. Въ этихъ случаяхъ мужики въ общинѣ тоже не торопились выходить изъ нея и переселяться на новыя земли. Въ настоящее время вопросъ о томъ, почему за семь—восемь лѣтъ многіе хуторяне не могутъ поправиться—уже не играетъ практической роли, но фактъ остается фактомъ.

Переѣхавъ въ Скопинскій уѣздъ, я узналъ отъ мужиковъ, что его овражистая степь дренажируется оврагами и сушится ими; что только гидротехническія работы, т. е. искусственные труды, артезіанскіе колодцы и мосты съ водосливами помогаютъ переселенцамъ жить на безводной почвѣ. Я пріѣхалъ въ Дубасовскіе поселки, устроенные въ первые годы банковской дѣятельности и до сихъ поръ также производящіе впечатлѣніе бѣдности.

Въ одномъ изъ нихъ разбитной переселенецъ спросилъ меня:

— А что же намъ дадутъ премію?

— Какую?

— А какже! За то, что мы первыми поселимся здѣсь...

Очевидно и премія могла быть обѣщана переселенцамъ за усовершенствованное хозяйство, но переселенцы сочинили себѣ болѣе выгодную премію, чтобы оттянуть свои платежи въ банкъ и попросить пособія.

— Обѣщаны намъ передъ покупкой земли, продолжалъ тотъ же переселенецъ развязнымъ тономъ: и колодцы, и пруды, а сдѣлали недавно ихъ... Дышать не могли безъ воды. Безъ водки можно жить и даже лучше того, а безъ воды развѣ проживешь. Наобѣщали намъ много чего, а теперь ѣздятъ служащіе изъ банка и все напоминаютъ о платежахъ... А гдѣ надъ взять? Пожалуй, бери самоваръ, если онъ нуженъ тебѣ!

Въ Дубасовскихъ поселкахъ я натолкнулся у дверей избъ, прямо на землѣ, на множество пожилыхъ женщинъ, дѣвочекъ и совсѣмъ маленькихъ дѣтей. Они сидѣли и плели кружева.

— Подушки, коклюшки, булавки и сколки, на которыхъ по рисунку плетемъ кружева, отозвалась на мое любопытство пожилая баба и засмѣялась. Нечѣмъ больше заниматься и заработковъ нѣтъ... Плетеніемъ занимаемся и здѣсь, и въ Покровскомъ, и въ Ярославскомъ... Не все безъ хлѣба сидѣть. Съ водкой бывало все лишній разъ чорта вспомнишь, а безъ нея и кружева намъ въ пользу. Десять копѣекъ аршинъ продаемъ.

— Вотъ, перебила другая кружевница: все боимся... Война кончится и опять мужики будутъ водку пить.

Мужики, однако, громко запротествовали:

— Избави Богъ. Градъ два года бьетъ нащъ хлѣбъ, а водка хуже града... Горькіе мы, не до водки намъ. Немного мы уважали ее и ранѣе, а все же рублей по пятнадцати выходило въ годъ на домъ... Благодарить слѣдуетъ Царя, что негдѣ теперь взять намъ ее. Безъ нея и пріодѣлись мы, и налоги уплатили.

Тотъ же хуторянинъ, который ждетъ преміи отъ банка, перебилъ гнѣвно:

— Бѣдность больше водки дѣлаетъ драку. Голоденъ ты и брань у тебя съ женой, и за волосы надо ее потаскать... Сытый—смолчитъ, а голодный въ зубы. Лучше пить, чѣмъ въ голодѣ быть.

— Не надо ни того, ни другого, примирительно сказала одна изъ молодыхъ кружевницъ, щелкая весело деревянными коклюшками на землѣ.

За эти слова я купилъ у нея нѣсколько аршинъ кружевъ.

— На память о тебѣ, красавица, сказалъ я улыбаясь и любуясь ея милымъ смущеніемъ.

Резонерствующій хуторянинъ, пытаясь оставить последнее слово за собой и идя противъ всеобщаго сочувствія закрытію казенки, повелъ длинную рѣчь о томъ, что въ виду войны запретятъ скоро и табакомъ заниматься, и гусятину ѣсть, и пѣсни играть на гармошкѣ...

— Гусятинки захотѣлъ? передразнили его насмѣшливо другіе переселенцы.—Была ли у тебя когда гусятина-то во рту? Чего хлопочешь и опасаешься... Никто не отниметъ у тебя ни гусятину, ни свининку... А вотъ безъ водки ты обутъ, а прежде и передъ обѣдомъ, и въ праздникъ жить не могъ безъ нея, голубушки.

— Выпилъ бы и теперь! повторилъ онъ, не стыдясь окружающихъ и не встрѣтивъ ни въ комъ поддержки.

Переселенцы, оправдываясь въ своей бѣднотѣ, говорили:

— Вотъ много такихъ у насъ... Изъ бѣдноты Дубасовскіе хуторяне. Восемь лѣтъ тому назадъ строительная комиссія торопилась продать мужикамъ землю и пихала въ поселки кого-угодно, кто подъ руку ей попадется... Этотъ нашъ „краснобай“—и сѣяться не умѣлъ... Надо было его обучать хозяйству... Пирожникомъ былъ въ Скопинѣ... Какой же онъ землепашецъ? А землеустройству это было не почемъ... Ну, и весь народъ тоже слабый. Поѣдетъ бывало въ городъ за матеріаломъ и выпьетъ лишняго... Теперь по малости и мы обрастаемъ, имѣемъ лошадокъ, коровенокъ и хоть по немногу, а въ банкъ платимъ, что причитается.

— Богъ дастъ еще лучше будетъ послѣ войны, сказалъ я, прощаясь и слышалъ, какъ кружевницы жалостно повторяли мнѣ вслѣдъ: „только бы послѣ войны не разрѣшили винную торговлю, а то будемъ жить“...

Кончивъ объѣздъ хуторскаго разселенія и по Скопинскому уѣзду, я заѣхалъ въ усадьбу „Кикино“, принадлежащее И. Н. Афонасову.

Хорошо устроенное имѣніе производило пріятное впечатлѣніе, а радушіе хозяина дышало искренностью и простотой. Его обширныя познанія мѣстныхъ нуждъ также очень мнѣ пригодились. Онъ самъ шелъ на встрѣчу всѣхъ моихъ вопросовъ и разрѣшалъ ихъ безъ малѣйшаго затрудненія, благодаря превосходному знанію народной жизни. Кажется, однимъ изъ первыхъ помѣщиковъ по Скопинскому уѣзду онъ откликнулся на призывъ Москвы ходатайствовать передъ Государемъ о закрытіи торговли крѣпкими напитками. Не могу не привести благородный текстъ его телеграммы Московскому Головѣ: „Прошу принять и мое ходатайство предъ Верховной властью о запрещеніи навсегда продажи водки, вина и пива. Запрещеніе подняло душевныя и физическія силы деревни. Не смотря на отливъ рабочихъ силъ, деревня справляется съ работами безъ особой нужды, потому что нѣтъ прогуловъ и хулиганства. Во всемъ видно разумное распредѣленіе времени“. Придавая современному отрезвленію народа значеніе самой крупной реформы, г. Афонасовъ разсказалъ мнѣ исторію первой мобилизаціи людей и лошадей въ г. Скопинѣ.

— До 30000 запасныхъ скопилось въ городѣ, а жителей въ обыкновенное время около 14000 человѣкъ. Воды не хватило въ городѣ на призывныхъ. Но водки не было и полицейскіе говорили, что все было тихо, что всѣ клопы въ кутузкахъ остались голодными, а кутузки пустыми... Тоже и въ деревняхъ благодать безъ водки. У насъ въ Кикинѣ, Чарнавской волости, даже потребленіе пива изъ года въ годъ росло, не смотря, что рядомъ продавалась водка. Вездѣ въ большихъ деревняхъ: Чернава, Вослебы, Затворная, Горлово—пьянство было безмѣрное.

Въ Кикинѣ сельская учительница, М. Ф. Грифцова, на мой вопросъ о принудительной трезвости, гордо отвѣтила:

— Она уже перестала быть „принудительной". Весь народъ добровольно отказывается гибнуть отъ водки... Прежде мальчикъ ходилъ въ школу, а уже съ водкой былъ знакомъ. На свадьбахъ непремѣнно дѣтей заставляли пить и отецъ съ бахвальствомъ разсказывалъ, что потомъ было съ ребенкомъ. А теперь нѣкоторыя свадьбы могли бы и не быть, но отпраздновались изъ экономіи, чтобы только не было на нихъ водки и расходовъ. А ранѣе-то на Рождество Богородицы 8 сентября, у насъ за одно, чтобы справить и праздникъ и свадьбы, тратили рублей семьдесятъ пять и до ста. Недѣли двѣ гуляли и пили водку, а теперь весь обрядъ и обычаи кончается въ три дня; переходятъ „молодые" и родственники изъ дома въ домъ, обѣдаютъ, пьютъ „напитокъ" (ситро), квасъ, подсолныхи лущатъ и бесѣду ведутъ.

— Не какъ на свадьбѣ, а какъ на поминахъ теперь, иногда буркнетъ иной старикъ, любившій, бывало, кутнуть на свадьбѣ.

— Благодать наступила, отзываются за столомъ другіе его сосѣди и пьютъ квасокъ.

Проѣзжая другія мѣстности Скопинскаго уѣзда, я вездѣ слышалъ, что въ настоящее время мужики забыли, какая-такая водка. Запретили ее и первое время народъ кричалъ: „Что же это Царь надѣлалъ? Какой такой праздникъ безъ водки и свадьба съ квасомъ?". А послѣ попривыкли и стали всякій разъ въ церкви Царя поминать въ своихъ молитвахъ... Я часто нарочно спрашивалъ иного мужика, желая начать съ нимъ бесѣду: выпилъ ли онъ теперь водки и нерѣдко получалъ отвѣтъ:

— Будетъ толковать, чего не слѣдуетъ! Никто не хочетъ теперь безъ памяти валяться въ канавѣ. Бывало, выпьешь, всякая забота пропала, а проспишься—опять темнота напала. Пьяные ходили безъ заднихъ ногъ... На карачкахъ ползли, опирались на руки: безъ заднихъ ногъ. Жили всѣ безъ памяти и проспавшись ничего не помнили, что творилось. Теперь всѣ живутъ въ своемъ разумѣ. Прежде жилъ мужикъ на шахтѣ въ Екатеринославской губерніи и лѣтъ десять письма домой не посылалъ, а кончилъ водку пить, присылаетъ деньги женѣ исправно. Рѣдкій день былъ безъ кражъ; къ замкамъ ключи подбирали, стѣны разламывали; пожары были, хлѣбъ въ ригѣ сжигали пьяные; поножевщина—вездѣ. А теперь трехъ кражъ въ годъ не видно; теперь на гумнѣ все бросаемъ и никто не стащитъ. „Одержалъ" Царь насъ отъ разоренія и пьянства... „Женщина наша повеселѣла". Безъ водки въ домѣ бабы ласковыя и жизни своей радуются. „Тѣломъ баба побѣлѣла". Синяковъ не стало и фонарей подъ глаза мужья не подносятъ. Мы сами себя не узнаемъ... Какъ господа съ женами, такъ и мы: все добрымъ словомъ, а не за волосы.

Со всѣхъ сторонъ торжественные отзывы крестьянъ о новой жизни на Руси.

Первое время закрытіе винныхъ лавокъ проходило не безъ осложненій. Когда въ торговомъ селѣ Чернавѣ, Скопинскаго уѣзда, закрыли лавку по приговору, то шинкарки стали ходить за водкой въ Затворную. Чернавскіе мужики подстерегали ихъ на обратномъ пути и били посуду съ водкой.

Теперь пьяную Чернаву не узнать.

Въ селѣ Горловѣ съ землепашцами, мелкоремесленниками и лавочноторговцами изъ крестьянъ же, сидѣлецъ винной лавки едва бывало успѣвалъ подавать склянки изъ шкаповъ желающимъ пьянствовать.

— Виномъ мы упивались чуть ни каждый день, говорилъ мнѣ въ Горловѣ торговецъ И. Гусевъ.—Много разорялось черезъ эту веселуху. Ну, а теперь бѣдноты меньше. Прежде хлѣбопекарня у насъ два воза пекла и баранокъ и булокъ, а теперь и 5—6 возовъ не хватаетъ... Не смотря на то, что народъ выбылъ на войну и что самые работники и богатые люди ушли, спросъ на продукты растетъ и у всѣхъ есть своя копѣйка. Даже среди нищихъ годные по лѣтамъ мужчины взяты въ мобилизацію, а женщины нашли свободные заработки... Нищихъ у насъ больше нѣтъ. Стыдятся, что-ли, а только не видать ихъ.

Многолюдность села Горлова побудила меня спросить о суррогатахъ водки. Вездѣ мнѣ говорили, что ханжу здѣсь не дѣлаютъ, а изъ Москвы привозятъ иной разъ... Есть и неисправимые алкоголики (очень немного), которые укоряютъ трезвенниковъ словами:

— Если не хотите пить водку, такъ чего же боитесь открытія „казенки"? Не хотите пить, такъ и тогда не будете покупать винцо, если откроютъ лавки.

— Не въ томъ дѣло, говоритъ сознательное большинство:—хотимъ мы водки или нѣтъ, а въ томъ, чтобы я не могъ напиться, когда хочу напиться. Теперь всѣмъ видно, что для нашего спасенія нуженъ строгій законъ о закрытіи торговли виномъ навсегда.

Конечно, такая постановка вопроса не исключаетъ и сознательныхъ мѣръ къ отрезвленію народа, но законодательныя мѣры также сокращаютъ ростъ назрѣванія и только этимъ механическія мѣры полезны.

Къ сожалѣнію, по всей Рязанской губерніи очень мало организовано разумныхъ развлеченій для отрезвленнаго народа.

— Народъ, говорятъ помѣщики:—по прежнему цѣлую ночь торчитъ у насъ подъ окнами въ усадьбахъ или у другой деревенской интеллигенціи во время званныхъ вечеровъ и семейныхъ праздниковъ.

Между прочимъ, здѣсь въ Скопинскомъ уѣздѣ въ имѣніи г. Афонасова и въ имѣніи г-жи Курбатовой (Бугрѣевкѣ) я впервые встрѣтилъ на сельскихъ работахъ военно-плѣнныхъ турокъ и австрійцевъ. Землевладѣльцы довольны ихъ работой, но если на экономической почвѣ военно-плѣнные почти что одинаковы въ этихъ имѣніяхъ, то духовная ихъ сторона имѣетъ характерные оттѣнки: турки большею частью веселы и здороваются съ хозяиномъ за руку, а австрійцы цѣлуютъ у него руку...

Русскіе батраки въ усадьбахъ любятъ иногда похулиганить надъ турками, говоря имъ за обѣдомъ, что въ кашахъ свиное сало. Магометане не ѣдятъ свинины и отказываются отъ каши, оставаясь голодными.

Объѣхавъ уѣзды Рязанской губерніи, я возвратился вновь въ Рязань и въ заключеніе своихъ странствованій счелъ нужнымъ зайти въ Городское полицейское Управленіе и Казенную Палату.

Полицiймейстеръ рѣшительно заявилъ, что раньше

при полиціи было ежедневно десять-двѣнадцать арестованныхъ лицъ въ пьяномъ видѣ, а съ прекращеніемъ торговли крѣпкими напитками въ полицію попадаетъ иногда одно лицо, а то и совсѣмъ никого.

— Протоколовъ о нарушеніи общественной тишины и спокойствія совсѣмъ нѣтъ, преступность всѣхъ родовъ сократилась процентовъ на 75... Необходимо также отмѣтить у насъ жизнь на пристани пароходства „Ока—Рязань". Когда торговля водкой была разрѣшена, то подъѣзжая къ пристани брань рабочихъ висѣла въ воздухѣ. Теперь тихо. Большинство изъ нихъ ходило въ лаптяхъ и босикомъ, а теперь по вечерамъ иные изъ нихъ посѣщаютъ электрическій театръ. Работоспособность грузовщиковъ повысилась вдвое, прогульныхъ дней нѣтъ, питались они ранѣе чѣмъ попало, а теперь артель покупаетъ корову или быка и тутъ же на берегу рѣки рабочіе свѣжуютъ скотину и варятъ себѣ щи.

Существуетъ, однако, распространенное мнѣніе, что на сокращеніе преступности вліяла и война, угнавшая множество безпокойныхъ людей...

Разумѣется, это замѣчаніе нисколько не подрываетъ значеніе современной трезвости. Нужно ли спрашивать о факторахъ, которые изъ нихъ по преимуществу вліяютъ на уменьшеніе преступности?

Развѣ есть сомнѣніе въ томъ, что не будь войны и останься населеніе дома, оно было бы также трезво при закрытіи виноторговли и разумѣется менѣе преступно?

Послѣдній мой визитъ по дѣлу трезвости былъ въ Казенную Палату, гдѣ на основаніи сообщеній податныхъ инспекторовъ мнѣ сказали, что, не смотря на призывъ въ дѣйствующую армію сельскаго населенія, площадь озимовыхъ посѣвовъ не сократилась. А тѣмъ

семьямъ, которымъ приходилось нанимать рабочихъ, обработка земли обошлась очень дешево: рабочіе входили въ положеніе семей, лишившихся своихъ работниковъ, и цѣнили свой трудъ низко.

Это черта гуманизма, конечно, возможна въ трезвомъ работникѣ.

Отвлеченіе войною рабочихъ рукъ отъ производительнаго труда (отхожихъ промысловъ) могло бы быть опаснымъ для экономическаго положенія населенія только тогда, когда бы оно не парализовалось прекращеніемъ продажи питей. Благодаря отрезвленію рабочаго, трудъ его сталъ производительнѣе и мѣстами увеличилось число рабочихъ тѣмъ, что негодные пьяницы стали годными къ работѣ. Въ журналѣ Егорьевскаго Раскладочнаго Присутствія приведены слѣдующія сообщенія директоровъ красильно-набивной и ткацкой фабрикъ Товарищества Н. М. Бардыгина: на этихъ фабрикахъ въ 1913 году за августъ, сентябрь и октябрь было 9.243 прогульныхъ дней, а въ 1914 году только 4.933. Отсюда у всѣхъ увеличеніе наличныхъ денегъ. Въ 1913 г. доходъ отъ продажи питей въ Рязанской губерніи равнялся 13.105,508 рублей, а въ 1914 г. доходъ понизился до 6.270,767 руб., слѣдовательно населеніе уже въ прошломъ году сохранило около семи милліоновъ. Отрезвленіе населенія сказывается даже въ томъ, что оно покупаетъ продукты не въ долгъ, какъ ранѣе, а на наличныя (по свѣдѣніямъ Сапожковскаго Раскладочнаго Присутствія), выкупаетъ заложенныя вещи (по свѣдѣніямъ Зарайскаго Раскладочнаго Присутствія о движеніи ссудъ въ Зарайскомъ городскомъ ломбардѣ); выказываетъ исправность платежей, налоговъ и сборовъ. Не смотря на худшій урожай въ прошломъ году, населеніе уплатило окладныхъ сборовъ на 90.142 руб. болѣе, чѣмъ въ 1913 г. Не-

доимочность населенія уменьшилась на 15,5%. Вклады въ кассы банка и казначейства на январь 1914 г. равнялись 42.624,000 руб., а на январь 1915 г. они дошли до 46.286,000 руб. Покупательная способность населенія также растетъ.

V.

Насмѣшки надъ бабами: „несутъ деньги къ Питириму"...—Пріувеличенные слухи о франтихахъ и картежницахъ.—Ложныя обобщенія.—Играютъ въ карты „молодыя ребята".—Бросилъ водку пить и образовался народъ...—Дворяне на рыбныхъ тоняхъ и у себя въ усадьбахъ.—Единеніе барина съ народомъ.—Отзывы юристовъ и духовенства.—Въ канцеляріи Бокинскаго лѣсничества.—Грѣхъ всякій знаетъ, а каждый лѣзетъ за нимъ.—Кромѣ просвѣщенія, нужны и законодательныя мѣры о воспрещеніи виноторговли.—„Около воды намочишься"...—Безносый аника-воинъ.—Пригородный островъ. — Лѣсной богатырь. — Какъ водка „затягиваетъ"? — Баба пріодѣлась, пріумылась и мужикъ повеселѣлъ.—На лѣсномъ складѣ при желѣзной дорогѣ.

Изъ Рязанской губерніи я поѣхалъ въ г. Тамбовъ, прибывъ туда въ Духовъ день, когда, по народному повѣрію, „земля имянинница". Утонувшій въ садахъ и скверахъ городъ былъ переполненъ крестьянами и крестьянками, пришедшими поклониться мощамъ св. Питирима. Особенно были многочисленны толпы нарядныхъ крестьянокъ и пожилыхъ, и юныхъ.

— Не столько къ святому Питириму пришли бабы на поклонъ, сколько за нарядами въ городъ, говорятъ о нихъ.—Въ деревенскихъ лавочкахъ товару яркихъ цвѣтовъ мало и дорого, а деревенскія ноги привычны. „Пойду, говоритъ баба, въ городъ помолюсь Питириму", а сама думаетъ, почемъ аршинъ сатину, или другой какой моды. Вмѣсто банка, къ Питириму несутъ деньги... Пакупками нагружаются.

Такихъ насмѣшливыхъ отзывовъ о тамбовской женщинѣ, по преимуществу солдаткѣ, сколько угодно можно слышать, хотя франтовство замѣчается среди нихъ не повсемѣстно, а по преимуществу вблизи большихъ базарныхъ селъ и станціонныхъ поселковъ.

Весьма компетентные люди говорятъ:

— Прежде просто дѣвку пропивали, выдавая ее замужъ, а теперь за невѣстой требуется приданое, гдѣ былъ бы непремѣнно „дипломатъ" и другіе наряды. Безъ дипломата браки расходятся.

Мнѣ даже говорили, что въ Тамбовскихъ деревняхъ „дипломатомъ" нерѣдко мѣрятся достоинство женщины. Отецъ ругаетъ дочь-воровку слѣдующими словами:

— Для того ли я тебя въ дипломатахъ вожу, съ кружевной косынкой на головѣ, чтобы ты куръ воровала у господъ и пачкала мое доброе имя?

Не смотря на это, франтовство тамбовской бабы и солдатки, получающей казенное пособіе, едва ли можно назвать мотовствомъ, или отнести къ причинамъ крестьянскаго скудѣнія.

Сами солдатки говорятъ:

— Не для богатства казенные пайки, а для пропитанія... Богатѣть и франтить гдѣ намъ! Въ праздникъ развѣ одѣнешься.

— Лучше живете безъ водки-то? спросилъ я.

— А то развѣ какъ тогда? Легче стало прожить. Не франтовство разоряетъ и воруетъ, а водка. Какъ кто напился, такъ и каждый станетъ дурнымъ человѣкомъ. Розоряло насъ, когда хозяинъ шелъ съ пивца на водочку, дальше да больше... Останутся штаны, да рубаха, чтобы только не быть голымъ. А бабье угощенье легкое около чая, да шелковаго платочка. Не много нафрантишь и то если бездѣтная, или живетъ

въ большой и богатой семьѣ. А большею частью „невѣстки“ помогаютъ свекору и деверю, или дѣлаютъ мелкіе взносы въ банку.

Одна изъ присутствующихъ солдатокъ съ какою-то отчаянною храбростью призналась:

— Получивъ паекъ, я прежде всего иду въ лавку „отрѣзать“ себѣ кусокъ матеріи, или купить обувь, что-бы не придти домой съ деньгами... А то „старшіе“ отымутъ.

Выслушавъ женщинъ, я напомнилъ имъ, какъ часто мужики кричатъ на нихъ:

— Ждите, кричитъ иной франтихамъ: — мужья придутъ съ войны—дознаются, куда денежки дѣлись? Прежде деньги пошли бы на дѣло, а теперь на моды... „Мода“ вздорожала отъ васъ.

— Да и мы побогатѣли, чего же еще надо? отозвались весело бабы.

— И въ карты играете? спросилъ я.

— Бездѣтныя или гулящія играютъ, презрительно отвѣтили онѣ.—Въ Разсказовѣ бабы чулочницы играютъ въ карты, но тѣ и при мужьяхъ играли. Сами промышляли себѣ копѣйку.

Случайно мнѣ пришлось встрѣтить престарѣлаго разсказовскаго священника и тотъ очень правдоподобно освѣтилъ женское картежничество:

— Бездѣтнымъ скучно, а другія бабы за картами тоже только время проводятъ... Такъ пустяками занимаются... А не то чтобы было мотовство въ картахъ, какимъ было пьянство. Прежде состояніе пропивалось и проигрывалось. А теперь, съ деньгами, женщины хотятъ опрятнѣе одѣться и провести время безъ скуки, а дѣвушки похвастаться своимъ приданымъ...

Это объясненіе священника смягчало преувеличенные и суровые отзывы мужиковъ о франтихахъ и картежницахъ.

Въ Воронежской губерніи хохлы строже относятся къ франтовству женщинъ. Отецъ Александръ въ селѣ Истобномъ, Нижнедѣвицкаго уѣзда, говорилъ мнѣ, что по случаю войны, онъ хотѣлъ въ одной деревнѣ сдѣлать сборъ пожертвованій, но когда мужики узнали, что будетъ помощь и солдаткамъ, то они прекратили пожертвованіе, негодуя на франтовство женщинъ.

Воронежская губернія богаче Тамбовской. Женщина тамъ наряднѣе и пофасонистѣе, а мужикамъ это часто не нравится.

Мужики, впрочемъ, и себя самихъ разносятъ за карты въ Тамбовской губерніи.

— Вина нѣтъ, говорятъ они:—такъ надо куда нибудь дѣла дѣвать. У насъ чайныхъ много, деревня тянется на нѣсколько верстъ, а съ водкой или пивомъ ни одной нѣтъ чайной. Ну и завелся „Орелъ“ да карты и въ избахъ, и въ кругу на лугахъ открыто, не таясь. Полиція не смотритъ за этимъ... Лѣшій ее знаетъ, зачѣмъ она теперь, когда все тихо? А гдѣ открытый картежъ по деревнямъ, ей бы што! Въ деревняхъ Сухотинка и Царевка играютъ въ карты, въ Понзаряхъ женскій клубъ, въ селѣ Ивановка, близъ экономіи герцога Лихтенбергскаго, на лугу играютъ въ орлянку. Есть бабы, которыя разъѣзжаютъ съ картами по деревнямъ и шарлатанятъ.

Провѣряя подобные слухи, я убѣдился, что въ карты играютъ всетаки одни „молодые“ ребята. Тамъ, гдѣ старики не довольны картежной игрой, особенно если въ ней замѣшана женщина, создается репутація уже о всей волости. Обобщеніе исключительныхъ фактовъ принимается безъ провѣрки, когда воображеніе людей поражается исключительностью явленій. Эта особенность всякаго примитивнаго ума и это надо имѣть въ виду, когда имѣешь дѣло съ мнѣніемъ народа.

Большинство безпристрастныхъ крестьянъ отзываются объ эпохѣ трезвости всегда благожелательно.

— Каждый праздникъ теперь стараюся дома побыть. Безъ водки теперь нечего ходить по гостямъ. Прежде „вино есть—такъ и хозяину честь", а нонѣ тебѣ нигдѣ не будетъ угощенія.

— Скучаешь безъ него?

— Безъ брыкаловки-то? переспросилъ мужикъ и, задумавшись на минуту, сказалъ уже рѣшительно: лучше безъ нее. Какое же сравненіе? Бывало всѣ большаки по уѣздамъ въ базарные дни покрыты телѣгами съ пьянами мужиками... Крики, драки, ругань по всему большаку. Широкая дорога, а мужикамъ иной разъ и не разъѣхаться. Спитъ онъ пьянымъ въ телѣгѣ, шапка свалилась, голова бьется о телѣгу, а лошадь сама знаетъ дорогу, да сбивается... Другой мужикъ залилъ свои глядѣлки-то „брыкаловкой" и, не видя ничего, взмыливаетъ лошадь кнутомъ, пока она не завалитъ его въ канаву и сама не искалечится. Бывали и смертоубійства и грабежи. А теперь по всѣмъ большимъ дорогамъ тихо. Бросилъ водку пить и образовался народъ.

Эта фраза „бросилъ пить и образовался", т. е. сталъ вести себя джентльменомъ, мнѣ кажется очень правильна. Другого образованія крестьянинъ не признаетъ. Трезвый мужикъ скроменъ, не знаетъ, что такое самомнѣніе, раздражительность, наглость и всякія маніи. Онъ добръ, услужливъ, всегда остроуменъ, безобидно насмѣшливъ и мужественененъ въ борьбѣ съ жизнью. Это стоитъ образованія или по крайней мѣрѣ въ каждой школѣ должны воспитываться черты „трезваго мужика". Мужикъ увѣренъ, что человѣкъ безъ водки вмѣщаетъ и умъ, и хорошій характеръ; что какъ немного надо просвѣщенія, чтобы такой человѣкъ былъ достоинъ всеобщаго уваженія.

Тамбовская губернія пьяная: всѣ „угодья" и выкупные пропиты (см. „Оскудѣніе" С. Атавы и „Очерки Тамбовскаго края", Дубасова) вмѣстѣ съ конными заводами и „Вишневами садами" Антона Чехова... Не удивительно, что нѣкоторые дворяне не довольны прекращеніемъ торговли крѣпкими напитками, но и они признаются, что въ настоящее время они спятъ у себя въ усадьбахъ покойно, а въ досужее время, состоя членами рыболовнаго общества, запасаются номерами на рыбныя тони по рѣкѣ Цнѣ и предаются беззаботно уженію рыбы.

— А прежде, говорили мнѣ:—по всей рѣкѣ къ монастырю Тригуляеву плыла въ праздники на лодкахъ мастеровщина съ женщинами, бутылками пива и водки. Перепьются они всѣ еще на островѣ Эльдорадо и плывутъ далѣе къ монастырю... Ругань по всей рѣкѣ отъ самаго города до монастыря. На обратномъ пути флотилія лодокъ устраиваетъ гонки, столкновенія и опять отборная ругань пьяныхъ и драки на водѣ... Въ самыхъ укромныхъ уголкахъ рѣки съ удочкой въ рукѣ нельзя было безъ помѣхи поробинзонить и уединиться. Теперь нѣтъ ничего подобнаго и на рѣкѣ, и среди сосноваго бора въ Трегуляевѣ, вокругъ монастырской бесѣдки съ распятіемъ Христа, испещреннаго, бывало, нерѣдко гнусными надписями пьяныхъ посѣтителей.

Конечно, отрезвленіе народа вокругъ г. Тамбова сказывается не на однѣхъ рыбныхъ тоняхъ.

— Въ имѣніи тишина, говорятъ землевладѣльцы.— Стало возможно барское хозяйство съ трезвыми батраками. Культурное вліяніе барина на деревню было пріостановлено пьянствомъ деревни и въ ней появился абсентеизмъ интеллигенціи. Съ трезвостью народа интеллигентные люди возвратятся къ нему и возстановится единеніе барина съ мужикомъ.

Среди образованной части служилаго дворянства я встрѣтилъ члена судебной палаты В. Н. Маслова, который мимоходомъ произнесъ характерную фразу:

— Каждый уголовный процессъ начинался бутылкой водки. Теперь ее нѣтъ и преступность значительно уменьшилась.

Присяжный повѣренный Н. А. Поповъ вынесъ изъ судебной практики слѣдующій отрадный выводъ:

— Теперь на судѣ мелочныя дѣла, какъ-то: шантажъ, личное оскорбленіе, клевета и т. д. почти не возникаютъ, а на судѣ эти дѣла почти всегда кончаются примиреніемъ сторонъ... Вмѣсто препирательства и чувства мести среди простого и трезваго народа видишь склонность къ единенію и миру.

Священникъ И. П. Доброхотовъ нѣсколько скептически отнесся къ отрезвленію народа.

— Много есть показаній,—сказалъ онъ,—что народъ не пьетъ только по необходимости, а въ душѣ остался пьяницей. Да вотъ на дняхъ моя прислуга пошла съ книжкой изъ Акцизнаго Управленія въ лавочку купить денатурату. По дорогѣ, увидѣвъ у ней въ рукѣ бутылку, простой крестьянинъ присталъ къ ней и до самаго дома упрашивалъ ее продать ему бутылку... До двухъ рублей накидалъ цѣну... А простой мужикъ. „Ошалѣлъ совсѣмъ, говоритъ намъ прислуга. Думала силкомъ вырветъ изъ рукъ...". Но бываетъ и такъ,—продолжалъ священникъ,—отходитъ сама прислуга отъ мѣста и крадетъ у васъ книжку, по которой вы имѣете разрѣшеніе на покупку денатурата. На ваше имя покупается ею денатуратъ и перепродается... Злые языки острятъ и надъ духовенствомъ, что оно выпрашиваетъ въ Акцизномъ водку на очистку куполовъ и для сладкихъ пироговъ, какъ парикмахеръ на приготовленіе изъ спирта духовъ, свѣчной заводъ на

свѣчи, а помѣщики для обтиранія собственнаго тѣла и лошадиныхъ ногъ... И выдумки и правда, такимъ образомъ, указываютъ, какъ люди готовы наброситься на водку, если бы опять открылась торговля ею. Что говорить, очень даже хорошо, что нѣтъ этого яду, но излишняго оптимизма не должно быть... На приходскихъ нравахъ трезвость отражается благопріятно... Хотя и война здѣсь играетъ роль. До войны было извѣстно, что кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ, а теперь этотъ народъ по праздникамъ идетъ въ храмъ; больше беретъ просфиръ, молебны служитъ чаще за здравіе воиновъ и панихиды за упокой убіенныхъ.

— А какъ ранѣе пьяницы присягали у васъ водку не пить?—спросилъ я.— Многихъ ли останавливало клятвенное обѣщаніе воздерживаться отъ пьянства?

— Бывали и нарушенія, — отвѣтилъ священникъ. Придетъ такой и вновь проситъ: „помолись за меня... Болѣзнь моя такая... Немощь!". Ну и говоришь ему, что ты уподобляешься Іудѣ, если нарушаешь вѣрность присягѣ... Онъ это чувствуетъ. „Слабость моя, слабость,—повторяетъ съ сокрушеніемъ.—Хоть десять присягъ принимай, а немощь моя сильнѣе". Бывало и откажешь такому, и не примешь его къ присягѣ. Можетъ быть такъ-то бы и не должно поступать съ грѣшникомъ, но я не могъ... Нельзя же шутить святымъ крестомъ и евангеліемъ. Приходили ко мнѣ и въ пьяномъ видѣ за присягой..." Духа не хватало трезвому итти... Смѣлости не было, говорятъ". Такихъ тоже просилъ проспаться и придти присягать съ яснымъ умомъ и чистымъ сердцемъ.

Еще болѣе интересная бесѣда была у меня съ крестьянами у В. В. Жданова, въ его канцеляріи „Бокинскаго Лѣсничества". Комната была переполнена

мужиками изъ деревни Бокина, пришедшими внести лѣсничему деньги за разработку лѣсныхъ участковъ.

Одного изъ нихъ я спросилъ о пьянствѣ Бокинскихъ мужиковъ. Присутствующіе подтвердили точность его отвѣта:

— Монополія выручала изъ деревни Бокина восемьнадцать тысячъ рублей въ годъ, а податей причиталось всего семь тысячъ и все таки недоимка была каждогодно. Вотъ и суди теперь, какъ бокинскіе мужики гуляли. Пили и въ избахъ, и на покосахъ. Теперь совсѣмъ разница... Большая разница въ народѣ! Пріѣдетъ мужикъ бывало съ базара: ни денегъ, ни корма нѣтъ... Теперь трезвые не хотятъ въ задъ ходить, а думаютъ, какъ бы жить лучше впереди.

— А по мнѣ,—хвастливо перебилъ другой мужикъ:—вина нѣтъ, а открой лавку—сейчасъ бы полетѣлъ выпить и пѣсни заигралъ. Выпьешь, богатымъ станешь.

Прочіе мужики радостно поддержали его.

— Бокинцы — народъ просторный: иной кружку водки стебанетъ и хоть-бы што ему. Походитъ и опять кружку... Пока есть въ карманѣ копѣйка, все будетъ пить и пить.

— Это прежде, сказалъ я: — а теперь вы же сознаете, что безъ водки лучше. А говорите, что если откроютъ винную лавку, то полетѣли бы туда.

— Грѣхъ-то всѣ мы знаемъ, а каждый лѣзетъ за нимъ,—отвѣтило большинство.—Всѣ тюрьмы забиты нашимъ братомъ, а всякій воръ знаетъ, что попадется... Такъ и съ водкой. Около воды намочишься... Не открывай торговлю водкой и мы будемъ трезвы и бережливы. А съ водкой опять ослабнемъ и старая жизнь вернется.

Я спросилъ одного изъ бокинцевъ съ откушеннымъ носомъ о причинахъ его уродства.

— Въ дракѣ по пьяному дѣлу откусили,—отвѣтилъ онъ просто безъ всякаго стыда.—Докторъ вырѣзалъ изъ моей спины кусочекъ кожи и пришилъ къ носу. Сталъ я уже выздоравливать, да пришелъ кумъ ко мнѣ въ больницу и принесъ водочку. Мы тихонько распили ее, а во хмелю я и сорвалъ пришитый кусочекъ... Что крови вышло! Съ тѣхъ поръ какъ хватитъ морозъ,— сейчасъ съ носу шкура долой.

— Ахъ ты, Аника - воинъ,—отозвался я, вызвавъ хохотъ его односельчанъ.—Нѣтъ такого молодца, который одолѣлъ бы винца. А тебѣ ни по чемъ?

— Ни во што!—закричали кругомъ.—Онъ и бражку не боится.

— Развѣ пилъ?

Загорѣлый отъ солнца и вина безносый Аника сознался, что пилъ бражку со спиртомъ, но второй разъ не сталъ бы пить... „этой гущи".

— Цѣлую недѣлю ходилъ безъ памяти,—продолжалъ онъ.—Кругота въ головѣ. Идешь и не знаешь куда, а ляжешь — не поднять ни заду, ни головы. Не дай Богъ, кто ее и пьетъ.

Другой мужикъ перебилъ его:

— Ты пилъ старую бражку... Больше трехсуточнаго броженія и прибавилъ голубого спирта. А молодая бражка съ ногъ не валитъ. Мы на винокуренныхъ заводахъ наливаемъ ее въ карманы, а послѣ выжимаемъ и пьемъ.

Другіе выпивахи разсказывали, какъ они процѣживаютъ денатуратъ черезъ горячій черный хлѣбъ, обрѣзавъ у него корки; какъ потомъ кипятятъ его въ самоварѣ съ гвоздикой, корицей, лукомъ и всего лучше съ лимонной кислотой.

— А мордва въ Темниковскомъ уѣздѣ,—воскликнулъ тотъ же безносый Аника:—прямо пьетъ синій спиртъ, безъ меда и клюквы.

— Будутъ хворать и слѣпнуть,—сказалъ я.

— А зачѣмъ торгуютъ имъ?—перебилъ меня, къ моему удивленію, Аника.—Кто только это придумалъ его! По деревнямъ и то торгуютъ голубымъ спиртомъ. А у насъ въ деревнѣ одна попадья пьетъ кофе и готовитъ его на спирту. У мужиковъ ни лампы нѣтъ для него, ни спиртовокъ, ни печей... А въ лавкахъ торгуютъ... Въ убытокъ себѣ торгуютъ. Жили мы безъ него, а теперь хоть стрихнинъ въ спиртъ намѣшай—не запугаешь. Мужикъ будетъ пить, а умирать все равно надо.

Эта философія черноземнаго мужика начинала меня пугать и я напомнилъ ему о страданіяхъ отъ древеснаго спирта и денатурата.

За него витіевато отвѣтилъ одѣтый въ узкій костюмъ пригородный крестьянинъ:

— Пилъ и я всячину, да никакой иллюзіи! Такъ хорошо, что я прямо разочаровался. Ничего не помню, а говорятъ на улицѣ среди бѣлаго дня схватилъ старую бабу, да „по сіе время"—указалъ онъ рукой ниже пояса—и оборвалъ подолъ... Я не женатъ. Одинъ-одинехонекъ. Безъ бабы... Нѣтъ у меня никакой операціи.

Краснобай видимо былъ въ восхищеніи отъ своего краснорѣчія.

— Тятька говорилъ, что я и избы своей не узнавалъ, а все пятился вонъ и всѣхъ матенировалъ, матенировалъ... Ошалѣлъ отъ „всячинки", а пріятности не получилъ. То ли дѣло раньше. Выпьешь коньяку и по благородному думать начинаешь.

Мнѣ хотѣлось знать, какъ добывается крестьянами

спиртъ, если онъ продается ни каждому и очень осмотрительно.

— Въ городѣ чрезъ прислугу,—сказалъ тотъ же пригородный щеголь.—Пріѣдешь къ землячкѣ и научаешь ее: оторви въ книжкѣ у господъ билетикъ; купи вмѣсто одной четверти двѣ... Развѣ барыня будетъ провѣрять? А то пойдетъ прислуга въ лавку, а ты ей сунешь разбитую бутыль. „Скажи барынѣ, что нечаянно разбила и что купишь ей спирту на свои деньги". Барынѣ все равно, лишь бы спиртъ былъ купленъ. Книжка въ Акцизномъ Управленіи стоитъ всего 5 копѣекъ. Такъ и научаешь прислугу обмануть господъ, а послѣ она уже сама торгутъ синимъ спиртомъ въ свою пользу. Господа и не знаютъ.

Около меня стоялъ пожилой крестьянинъ изъ той же деревни Бокино, заинтересовавшій меня тѣмъ, что другіе мужики говорили про него:

— Этотъ старикъ всю семью похоронилъ и живетъ одинъ въ лѣсу. Купитъ лѣсную дѣлянку и пилитъ бревна одинъ. Привяжетъ къ одному концу пилы большой камень, а другимъ ея концомъ самъ работаетъ. Такъ и перепилитъ всѣ бревна на доски и дрова.

Я съ восторгомъ смотрѣлъ на лѣсного богатыря, которому не страшна одинокая старость и на работѣ, и въ избѣ.

— А прежде ты пилъ водку?—спросилъ я.

— Она мнѣ не побачилась,—отвѣтилъ лѣсовикъ просто.—Годовъ двадцать какъ умерла женка и я бросилъ пить водку. Иной сталъ человѣкъ и копѣйку сберегаю, а то бы ничего не было. А выпивалъ сильно... Какъ женили, такъ въ первый же день старики уговаривали все: „выпей, да выпей! Смѣлѣй съ бабой будешь". А послѣ какъ напился, такъ сталъ смѣлъ, что всѣхъ изъ избы повыгналъ. Пьяницъ, чтобы каждый

день водку пить, у насъ нѣтъ, окромя какъ въ деревняхъ около винокуренныхъ заводовъ,—продолжалъ онъ.—А выпивать-выпивалъ и я. Товарищи „затягивали“.

— Какъ же это товарищи „затягиваютъ“?

— Одинъ другого „затягиваютъ“. Кто съ горя, кто съ чего. Выпьешь съ товарищемъ одинъ стаканъ— больше не буду, думаешь. А посидишь и другой выпьешь. Товарищъ угостилъ, ну въ другой разъ надо и его „покрыть“, а потомъ и опять съ начала. Такъ и затянешь одинъ другого. Такъ и „покрываемъ“... Деньги понадобятся въ хозяйствѣ — идешь къ сосѣду и просишь: „дай въ должекъ — угощу“. Получишь деньги и половину съ нимъ же пропьешь... А теперь нѣтъ: не угостишь водочкой и по трезвому больше довѣрія стало, чѣмъ за „угощеніе“... Вотъ дивно.

Я не утерпѣлъ и предложилъ ему прежній вопросъ о картахъ въ деревняхъ.

— Я не понимаю нынѣшнюю игру, сказалъ онъ:— это ихъ „двадцать одно очко“.

— Вынь десятку и поймешь, крикнули смѣясь крестьяне вокругъ него.—Сядь съ молодыми ребятами за столъ или на лугу—обучатъ.

— Значитъ, перебилъ я:—молодые ребята больше играютъ, а не старики и солдатки.

— Изъстари такъ... Молодыми и мы игрывали, а поженились и за умъ взялись.

— А трудно безъ водки-то?

— Перетерпѣли! Всѣ утерпѣлись, отвѣтило нѣсколько лицъ.

— А если откроютъ казенку?

— А мы приговоръ составимъ закрыть ее. Онъ уже утвержденъ у насъ. Безъ водки лучше не лучше, а грѣха меньше... Грѣха меньше, повторили они. Баба,

бывало, придетъ въ компанію пьяныхъ мужиковъ, разыщетъ своего мужа и начнетъ палкой одѣвать его, а тотъ ее за косынку... Вотъ и грѣхъ. А теперь у нихъ и копѣйка въ избѣ, и когда баба пріоденется и помоется—мужику веселѣй.

Побесѣдовавъ со мною еще нѣкоторое время, мужики стали расходиться, не безъ нѣкотораго, однако, страха спрашивая меня:

— Ты все пытаешь насъ о водкѣ,—ужъ не открывать ли ты хочешь казенку? Казнѣ нужны деньги на войну и тебя прислали опять открывать винополію?

Не знаю, повѣрили или нѣтъ они моимъ увѣреніямъ, когда я отвѣтилъ имъ:

— Никто не собирается разорять и спаивать васъ. Правительство само понимаетъ, какъ безъ водки спокойно прошли призывы и мобилизація, а съ водкой были бы забастовки, споры и счеты. „Я-де былъ въ Китайской и Японской войнѣ и такъ уже заслуженный“!

— Вѣрно! Правильно это ты сказалъ, согласились нѣкоторые изъ нихъ обрадованно.—Народъ какъ выпьетъ, сейчасъ дурь накидываетъ на себя... И по своему дѣлу не поспѣешь пьянымъ, а по чужему — подавно... А на войну надо въ надѣжѣ идти, а съ водкой все не такъ и не эдакъ. Никто тебѣ не угодитъ, ну и начнешь шароварить, да буянить. А нонѣ безъ водки, ометы и риги осенью не горятъ и молодежь не гуляетъ съ камнемъ въ карманѣ, убравши хлѣбъ... „Червякъ“ сосалъ въ брюхѣ и тотъ околѣлъ безъ водки, уже смѣясь повторяли мужики, прощаясь со мной...

Завѣдующій при желѣзной дорогѣ лѣснымъ складомъ дополнилъ мою бесѣду съ крестьянами замѣчаніемъ:

— На складѣ по необходимости приходилось довѣрять приказчикамъ и рабочимъ большія деньги, а слу-

чалось, они пропивали ихъ. Теперь вѣришь каждому и ошибки нѣтъ. Въ вагонахъ-мастерскихъ желѣзной дороги была всегда выпивка, драка, а теперь дебоширства нѣтъ нигдѣ...

VI.

Хорошая обработка полей.—Своевременность посѣва.—Увеличеніе спроса на сельскохозяйственныя машины. — Въ дорогѣ нѣтъ непріятностей по деревнямъ. — Торговля оживлена и т. д. — Деревня одѣлась.—Касса взаимопомощи въ деревнѣ „Гавриловка".—Мужики не богаче, а умнѣе стали.—Новыя понятія о себѣ, господахъ и войнѣ.—Кому была выгодна водка?—Въ карты играютъ „молодые ребята", когда время дѣвать некуда. — „Отчитываніе" пьяницъ и ихъ „зарокъ".—Баба шептунья всѣхъ поровняла.

На другой день я зашелъ къ Предсѣдателю земской управы А. Н. Лужановскому, который оживленно сказалъ:

— Вездѣ наблюдается хорошая обработка полей, спросъ на сельскохозяйственныя орудія увеличился въ три—четыре раза, всюду своевременность посѣва, не смотря на отсутствіе рабочихъ рукъ; нигдѣ не видишь растерзанныхъ полушубковъ и пьяныхъ рожъ въ деревняхъ; въ дорогѣ нѣтъ непріятностей и никогда не было такой оживленной торговли, какъ теперь безъ водки. Вся деревня одѣлась. Если хотите, я познакомлю васъ съ инструкторомъ по кооперацiи А. Т. Жингаревымъ, который ѣдетъ въ уѣздъ и можетъ взять васъ съ собой.

На другой день съ симпатичнымъ и преданнымъ своему дѣлу кооператоромъ я поѣхалъ въ Тамбовскій уѣздъ.

Проѣхавъ нѣсколько станцій по желѣзной дорогѣ и нанявъ потомъ лошадей, мы прибыли въ деревню

Гавриловку, близь имѣнія С. И. Комсина, бывшаго члена третьей Государственной Думы, крупнаго землевладѣльца и весьма образованнаго земца. Жингареву предстояло въ деревнѣ Гавриловкѣ прочесть крестьянамъ выработанный имъ проектъ устава о кассѣ взаимной помощи.

Въ мѣстной школѣ къ вечеру набралось до сорока человѣкъ крестьянъ и всѣ они охотно согласились, что заемъ денегъ по сосѣдству въ Самсурскомъ кредитномъ товариществѣ за 12% годовыхъ нѣсколько тяжелъ для нихъ и гораздо легче будетъ брать изъ кассы взаимопомощи деньги за 5%. Годовой взносъ 50 коп. съ каждаго члена кассы, а самъ Комсинъ обѣщалъ сдѣлать даровой вкладъ въ размѣрѣ 500 рубл.

— Въ Сампурскомъ кредитномъ товариществѣ вы дѣлаете сурьезный заемъ денегъ, говорилъ докладчикъ, а въ Гавриловской кассѣ будете перехватывать на короткій срокъ времени по мелочамъ.

— Это бы хорошо, согласились присутствующіе, приступившіе къ обсужденію проекта устава.

— Безъ водки пойдутъ дѣла хорошо, сказалъ я.

— Она всему мѣшала, отвѣтили мужики.—Во многихъ мѣстахъ сказывали: придетъ крестьянинъ за ссудой, а предсѣдатель управленія сидитъ въ пивной и если не угостишь его, такъ нѣтъ и денегъ въ кассѣ; пойдешь искать поручителей за себя—и тотъ кричитъ: ставь бутылку! А теперь безъ водки мы стали не богаче, а умнѣе. Прежде даже не каждый изъ насъ и шелъ въ кабакъ, а теперь каждый на всемъ переплачиваетъ и новые налоги платитъ. Мы рады, что нѣтъ водки, но дороговизна и налоги пугаютъ. Умнѣе только стали... Когда я былъ пьянымъ, то староста по недѣлѣ ходилъ за мной, требуя уплаты недоимокъ, а теперь я самъ сознаю, что платить надо и что безъ

того нельзя. Стали всѣ по новому думать. Не пропивать землю, а какъ бы сберечь ее. О войнѣ тоже глупо судили, когда водку пили. „Все мы, все нашимъ хребтомъ, все мужицкой спиной, а не господской“, кричали съ пьяну мужики, а того не понимали, что безъ господъ теперь нельзя было бы и воевать. Мужика пошлютъ въ Турцію, а онъ въ Китай зайдетъ... Да развѣ ему не все равно, гдѣ землю Царю завоевать, а теперь сознаніе у насъ другое. Мы повели войну не ради пріобрѣтенія земли, а для правды; не мы и начали разорять чужія земли, а германцы. Будемъ защищать себя и умирать за правду... Вотъ какъ безъ водки-то нонѣ.

Въ толпѣ мужиковъ раздался неожиданно недовольный голосъ противъ оратора:

— Вина нѣтъ и дѣловъ нѣтъ! Въ карты въ нашей деревнѣ не играютъ, книгу читать мы не пріучены и итти некуда на бесѣду.

— По твоему, спросилъ я, съ водкой было лучше?

— А сейчасъ хорошо что ли? насмѣшливо перебилъ онъ.

Толпа видимо начинала сочувствовать его словамъ.

Пріѣхавшій на сходку помѣщикъ Комсинъ предложилъ „перегонку“, т. е. баллотировать вопросъ.

— Кто хочетъ, чтобы вновь была открыта винная торговля, пусть встанетъ.

Мужики продолжали сидѣть на своихъ мѣстахъ, кромѣ говорившаго Егора Черняева. Онъ очутился въ одиночествѣ и, какъ оказалось, былъ совершенно не пьющимъ мужикомъ.

Нѣсколько смущенно онъ продолжалъ:

— Заемъ хлѣба или денегъ при кабакѣ былъ легче. Поднесешь богатому мужику изъ уваженія, онъ тебѣ и дастъ... А теперь нѣтъ.

Большинство однако не согласилось съ нимъ.

— Дастъ-то онъ дастъ, а пользы тебѣ будетъ мало... Никакого сравненія. Безъ водки только коммерческому кулаку хуже, а при винѣ онъ всегда обманетъ мужика. Пьяному всегда можно продать дурной товаръ, а трезваго-то не обманешь. Свадьбы съ водкой приносили доходъ и монополіи и кулакамъ. Послѣдніе скупали за безцѣнокъ у крестьянъ и скотъ, и хлѣбъ или давали имъ деньги въ долгъ на пропой за ростовщическіе проценты. Вотъ кому водка была выгоднѣе и кто жалѣетъ о ней.

— А въ свободное время, спросилъ я:—поди, въ карты проводите непропитыя деньги?

— При кабакахъ больше играли, отвѣтилъ за нихъ Комсинъ.—Я здѣсь живу много лѣтъ и знаю, что Сампурскіе и Гавриловскіе мужики любятъ водку, но не такъ, чтобы ходить безъ сапогъ, не посѣщать церковь, воровать и въ острогѣ сидѣть... А въ карты играли здѣсь больше, когда водку пили.

— Карты—это изстари такъ заведено, воскликнули и мужики.—И съ водкой, и безъ водки играютъ молодые ребята, а чтобы десятину ржи ставить на конъ и проигрывать—этого въ здѣшней мѣстности нѣтъ... Въ другихъ мѣстахъ сказываютъ и солдатки играютъ, а нашимъ дай Богъ на казенное пособіе прокормиться и одѣться съ малыми ребятами, да принанять мужика, чтобы засѣять поле хлѣбомъ. Солдатка получаетъ 2 руб. 10 коп. въ мѣсяцъ, дѣти до шести лѣтъ 1 руб. 5 коп., а послѣ шести лѣтъ также 2 руб. 10 коп... Не разыграешься на эти деньги въ карты. Да и молодые ребята у насъ занимаются картами, когда время дѣвать некуда. А то всѣмъ надо работать.

Я былъ радъ услышать горячій протестъ мужиковъ противъ слуховъ о бабахъ-картежницахъ.

— Нѣтъ и нѣтъ! кричали мужики. Гдѣ-нибудь, а у насъ бабы безъ картъ живутъ. Не наблюдаемъ у себя картъ... Это неправильно, что солдатки взялись за карты. Это по мѣстности: гдѣ принято, тамъ и карты и орелъ. А у насъ бабамъ царская жизнь подошла. Баба перестала бѣгать по шинкамъ и искать пьянаго мужа; не выгоняетъ дѣтей на огородъ и сама не трясется испужавшись, какъ раньше, заслышавъ по деревнѣ пьянаго мужа... Да и въ свободное время теперь и не сидитъ она безъ дѣла. Не хлопочетъ, какъ занять себя, а всѣ мы больше думаемъ, какъ пріобрѣсти землю и обработать ее, какъ подешевле жизнь сдѣлать и скоро ли война кончится. Играли и мы молодыми въ катры, а нонѣ не до игры... Другую пѣсню играемъ... Либо мать плачетъ объ убитомъ сынѣ, либо солдатка реветъ о мужѣ... А то запоемъ, какъ жизнь стала дорога, а про карты забыли, когда сну нѣтъ... Съ горемъ нашимъ все бы теперь пропилъ, да благодареніе Богу, что водки нѣтъ.

— Лучше? сочувственно спросилъ я.

Мужики продолжали:

— Бывало на ярмаркахъ карманники, жиды, барышники, а нонѣ все чисто и тихо: ни воровства, ни пьянства. Мастеровой человѣкъ и тотъ трезвъ. Пойдетъ и чайку напьется. Больше тридцати копѣекъ съ закуской не проведетъ. А ранѣе встрѣтитъ пріятеля и зоветъ: „пойдемъ выпьемъ съ устали“... Ну, первая рюмка идетъ коломъ, вторая—яснымъ соколомъ, а третьи—маленькими пташечками летятъ. Вотъ онъ и не работникъ: сегодня пьянъ, а завтра съ похмѣлья... Поѣдетъ въ городъ, а вернется лошадь съ одной оглоблей, а хозяинъ въ полѣ лежитъ. На сорокъ верстъ потомъ возили лечить его... Стонетъ и проситъ хозяйку: „умру, если не дадите водки... Жжетъ внутренность, червякъ

гложетъ... смертный часъ пришелъ“. Ну, жена и сбѣгаетъ ему за бутылочкой... Жаль, вѣдь. Дастъ чашечку винца—отойдетъ. „Везите, говоритъ, къ лѣкаркѣ „отчитываться“, или къ священнику на „зарокъ“. Вотъ и возятъ его то къ батюшкѣ, то къ лѣкаркѣ... А пройдетъ нѣсколько денъ, какъ завозится червякъ въ животѣ, такъ бѣги ему опять за водкой. „Что, кричитъ въ бреду пьяница на червяка: изгороду, что ли, поставилъ ты у меня внутри отъ водки? Не сломать, что ли, загородку? Не хочу больше терпѣть... Водки мнѣ“! А вотъ выискалась такая баба—шептунья, что всѣхъ отчитала отъ водки и „всѣмъ равно“ сдѣлала... Теперь и „червякъ“ околѣлъ и никто изъ запойныхъ не умеръ. Голова не болитъ и всѣ перестали хворать. Поумнѣлъ народъ и времени не хватаетъ ему на дѣла. То надо поговоритъ о войнѣ, то въ сберегательное и кредитное товарищество сходить послушать, то потребительскую лавку устроить, то выписать всей деревней случнаго жеребца или быка. Едва управиться одному въ хозяйствѣ. Прочіе мужики всѣ на войнѣ, а остальные въ будни работаютъ, а въ праздникъ скотину надо убрать... Когда же заниматься водкой или картами? Это гдѣ какъ, а у насъ нѣтъ. Весь народъ сталъ лучше. Осенью у насъ идутъ „выборки“: мосты чинить и строить сдаемъ, выбираемъ десятниковъ, старостъ, старшинъ... Да мало ли дѣловъ въ обществѣ? Вездѣ ранѣе водочка была нужда... Мірская земля, запольные уголки—продавались за водку, а теперь сами обрабатываемъ ихъ.

Мужики стали повторяться и мы простились съ ними.

Комсинъ пригласилъ меня и Жингарева къ себѣ въ усадьбу, расположенную вблизи деревни Гавриловки.

VII.

Радушіе въ „дворянскомъ гнѣздѣ“ Комсиныхъ.—Общеніе съ природой.—Здѣсь никого не обижаютъ и всѣхъ жалѣютъ.—Госпожа Комсина и ея наблюденія.—Земскій докторъ Каравко.—Восторженное настроеніе стараго земца Комсина съ цифрами въ рукахъ о процвѣтаніи Тамбовскаго края.

— Пойдемте я покажу вамъ ваши комнаты, сказалъ Комсинъ просто и радушно, когда мы вошли въ его стариннаго типа богатый домъ, съ обширными сѣнями и верандою въ садъ. Хотите умыться и отдохнуть,—спустите шторы и спите; хотите ѣсть, будемъ черезъ часъ обѣдать; хотите этотъ часъ посвятить осмотру имѣнія, велю заложить коляску и я покажу вамъ самые красивые уголки усадьбы... Я старался сохранить и лѣсъ, и усадьбу въ томъ видѣ, какъ они существовали ранѣе, не давая лѣсу заглохнуть, а усадьбѣ разрушиться... Вотъ эта береза, что прямо противъ балкона, посажена моимъ предкомъ въ 1812 году...

Жена Комсина перебила его:

— А другая береза, рядомъ... Видите: она росла вилкой и одна изъ нихъ сломана. Она умирала цѣлую недѣлю и я слышала всѣ дни, какъ она стонала и страдала. Мы думали, что скрипитъ нашъ старый домъ и боялись, не подгнилъ ли гдѣ балконъ... Но ничего не могли найти подозрительнаго. Наконецъ, я уже увѣренно стала говорить, что стонетъ береза и что-нибудь съ нею случится. Черезъ нѣсколько дней она раскололась и одна изъ ея вилокъ умерла.

Меня очень заинтересовало это общеніе наблюдательной женщины съ природой и я еще болѣе былъ пріятно пораженъ воробьями, которые, прилетѣвъ къ обѣденному столу на балконъ, просили себѣ изъ рукъ хозяйки не только хлѣба, но и масла, и сливокъ...

Каждый воробушекъ имѣлъ свою исторію, также какъ и собаки, научившіяся понимать человѣческую рѣчь и разучившіяся, очевидно, лаять даже на чужихъ людей.

— Здѣсь никого не обижаютъ, и всѣхъ жалѣютъ... Жалко деревца, жалко птичку. Хозяева знали въ жизни однѣ радости, но хотятъ и другимъ того же, подумалъ я и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Комсина поѣхать съ нимъ въ лѣсъ къ рѣкѣ Цнѣ съ высокимъ берегомъ и безконечнымъ лугомъ внизу на другомъ ея берегу.

Дубовый лѣсъ всю дорогу оглашался въ густыхъ кустахъ соловьями и воркованьемъ горлинокъ... А когда мы выѣхали изъ него къ обрыву надъ рѣкой и сѣли на скамейку, я невольно вспомнилъ и Гончарова, и Тургенева... Да и самъ хозяинъ съ женой были той же культуры и мнѣ казалось, что я вижу здѣсь Тургеневскую Русь въ ея облагороженномъ видѣ.

Старикъ Комсинъ, угадывая настроеніе, замѣтилъ съ нѣкоторой грустью:

— Прежде было много культурныхъ и благоустроенныхъ имѣній въ нашей степи, а теперь большинство продано купцамъ или богатымъ крестьянамъ. Старинныя усадьбы съ садами и парками распаханы и сравнены съ землей.

Мы оба замолчали и когда вернулись обратно, въ домъ, столъ уже былъ покрытъ къ обѣду.

Послѣ кофе, хозяйка дома дѣловито подѣлилась со мной своими наблюденіями о деревенской жизни.

— На каждомъ заказѣ мужику нужно было „угостить“ хозяина, кромѣ платы ему... „Штановъ себѣ, жаловался мужикъ:—не могу заказать у портного въ селѣ Сампуръ безъ водки“... Крестьянскую машину, молотилку надо, бывало, выпросить у кулака за водку.

„Ничего не подѣлаешь! оправдывался мужикъ. Сегодня ко мнѣ машина пріѣдетъ“... А выпьетъ мужикъ, погонитъ лошадь и, нерѣдко опьянѣвъ, попадалъ подъ колесо машины. Всякій пріемъ и разсчетъ рабочихъ начинался и кончался водкой. „На починѣ, баринъ“, говорилъ мужикъ, а по окончаніи—„по отдѣлкѣ, баринъ“... Въ томъ и другомъ случаѣ подносился стаканъ. Непьющій рабочій тоже бралъ стаканъ, приговаривая: „а что же моя доля даромъ пропадаетъ“. Послушайте любого хозяина войлочнаго завода, съ какой мукой онъ нанимаетъ себѣ на заводъ валенщиковъ въ Арзамасскомъ и Ардатовскомъ уѣздахъ Нижегородской губерніи... Прежде всего „Съ пріѣздомъ!“ встрѣчаютъ спеціалисты войлочнаго отхожаго промысла. Имъ ставится четверть, а то и ведро водки. Пришли, выпили и стали смѣлѣе...

— Ну, какже на счетъ дѣловъ?—спрашиваютъ.

По окончаніи переговоровъ „на счетъ дѣловъ“— рабочіе кричатъ ему:

— Съ наемкой, хозяинъ!

Прилетѣвшій воробей перебилъ разговоръ хозяйки. Покормивъ его, она продолжала:

— Къ вечеру уже всѣ пьяны, а на другой день— имъ нужны деньги впередъ, а откажешь — такъ нѣсколько человѣкъ уйдетъ. Даются авансы, но пропившіеся валенщики пріѣдутъ въ Разсказово не всѣ, а пріѣзжіе— опять требуютъ денегъ на водку или самовольно уходятъ съ работы... Такъ бьется съ выпивохами и заводчикъ, и помѣщикъ, и сами крестьяне... Безлошадные изъ нихъ нанимаютъ другихъ крестьянъ свезти копны съ поля не столько за деньги, сколько за водку. Запольные участки (мірскіе) сдавались въ аренду по пониженной цѣнѣ, если ставилась водка, а теперь безъ водки крестьяне сами обрабатываютъ землю или сдаютъ

въ аренду по нормальной цѣнѣ, а деньги идутъ на мірскія нужды.

Я быстро заносилъ на бумагу драгоцѣнныя показанія г-жи Комсиной, которыя были еще болѣе усилены показаніями пріѣхавшаго въ усадьбу земскаго врача К. Ф. Каравко.

— Мордобоя меньше теперь среди крестьянъ, сказалъ онъ тономъ Базарова. — Въ праздникъ Покрова среди перепившихся крестьянъ обязательно было три покойника въ станѣ, а теперь пьянство идетъ черезъ аптекарей, но слабо... Продавали въ аптекахъ киндеръ-бальзамъ, сосновую водку, перцовку, а въ москательныхъ лавкахъ — политуру; одинъ фунтъ ея мѣшали съ двумя бутылками воды и пили. Но нужно сказать, продолжалъ онъ:—если пьяницы и теперь еще мечтаютъ о водкѣ, то все-таки они не возмущаются запрещеніемъ торговли ею, а прочее населеніе благословляетъ ее и само уже остритъ надъ прежней своею слабостью. Говорили, что какой-то червякъ да червячки въ брюхѣ завелись и просятъ водки, а теперь всѣ червяки поколѣли, а больные мужики—выздоровѣли. Самъ народъ вышучиваетъ свой порокъ и не считаетъ его болѣе неизбѣжнымъ. Моя амбулаторія, даже по праздникамъ, не знаетъ уже пьяныхъ больныхъ... По свидѣтельству науки, среди душевно-больныхъ въ большихъ городахъ находилось 50% алкоголиковъ или дѣтей алкоголиковъ. Запрещеніе торговли крѣпкими напитками ведетъ народъ нетолько къ нравственной жизни, но и къ его физическому оздоровленію... Жаль только, что интеллигентные алкоголики все еще ухитряются доставать водку, такъ же какъ иногда въ больницахъ служителя умѣютъ вино для больныхъ превращать въ воду.

Разсмѣявшись, онъ пояснилъ, что вино для боль-

ныхъ городскихъ больницъ потихоньку разбавляется сторожами водой, когда надзоръ за ними ослабленъ.

— А мнѣ, отозвался я:—городской извозчикъ жаловался, что теперь безъ водки „немножко плохо“, но утѣшался тѣмъ, что когда онъ возитъ кататься за городъ офицеровъ, то они всегда имѣютъ водку и, случается, стаканчикъ поднесутъ ему...

Докторъ со мной согласился—или я съ нимъ—въ томъ, что прежнее презрительное отношеніе народа къ кабатчикамъ переносилось и на правительство...

— Народъ чувствовалъ, что его отравляли и разоряли.

Комсинъ радостно добавилъ:

— Но несомнѣнно, если торговля крѣпкими напитками будетъ запрещена и послѣ войны, то народъ назоветъ Государя: „Николай-трезвенникъ“... Вотъ великое и историческое прозвище нашего Царя.

Я, конечно, вполнѣ сочувствовалъ заявленію стараго земца и съ удовольствіемъ слушалъ его дальнѣйшую рѣчь:

— Имѣйте въ виду, закончилъ онъ свою бесѣду,— что одинъ Тамбовскій уѣздъ отпускаетъ 1915 году на народное образованіе 422.245 руб., на медицинскую часть—274.746 руб., на экономическое благосостояніе—49.554 руб., на дорожноую повинность—20.570 руб. и участвуетъ въ расходахъ правительственныхъ учрежденій на 80.509 руб. А со всѣми прочими расходами бюджетъ Тамбовскаго уѣзда составляетъ болѣе милліона рублей. Наши филантропы Нарышкины, Аносовы, Носовы, Асѣевы—то же милліонщики... Неужели же допустимо, чтобы такой уѣздъ послѣ войны опять принялся за водку и спустилъ мало по малу свое богатство въ „казенку“? Грѣхъ непрощенный на душѣ того, кто еще мыслитъ объ открытіи торговли крѣпкими напитками.

Самые запойные люди, босяки, и тѣ радуются своему исцѣленію, взялись за работу, пріодѣлись и получили образъ человѣка... „Обряженъ“, говоритъ каждый изъ нихъ о себѣ.

Въ саду къ балкону, на которомъ мы сидѣли, пришелъ къ Комсину крестьянинъ и, вслушавшись въ нашъ разговоръ, сочувственно поддержалъ хозяина съ своей стороны.

— Мнѣ, сказалъ онъ:—виднѣе всѣхъ запойные люди... У меня въ деревнѣ „Поповы-Кусты“ рядомъ была монополія. Такъ однѣ нищенки одолѣвали зимой... Хотѣлъ на хуторъ переселяться... Стучатся и въ окна, и въ дверь... А пустить ночевать нельзя... Заморозить на улицѣ пьянаго и полураздѣтаго человѣка тоже жалко. А пустить—такъ вши заѣли бы самихъ хозяевъ. Перемучаешься, бывало, съ ними. Жизни своей не радъ изъ за нихъ... А теперь не видать ихъ. Многіе работать стали и „обряжены“.

— Вотъ! Вотъ! Всюду одно и то же, радостно повторилъ Комсинъ, кончая разговоръ въ виду того, что были поданы лошади и мнѣ съ Жингаревымъ надо было ѣхать далѣе.

VIII.

Въ Понзаряхъ.—„Горюша“—дошкурить хуже Германца.—„Аристократическій народъ“—жесткій. — Дороговизну жизни дѣлаютъ купцы...— Потребительныя общества. — Воровства не стало...— Развѣ „по господскому дѣлу!“—Семейные раздѣлы изъ-за водки.— Чѣмъ бы война ни кончилась, ущербы пополнятся безъ водки.

Мы пріѣхали въ „Понзари“, огромное село, съ зажиточнымъ населеніемъ. Въ помѣщеніи „Ссудо-сберегательной кассы“, по случаю ея открытія, готовился молебенъ.

Крестьяне давно уже собрались, но молодой священникъ не проявилъ сочувствія къ самодѣятельности крестьянъ въ кооперативѣ и заставилъ себя ждать нѣсколько часовъ, хотя домъ его былъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Онъ соизволилъ пожаловать на молебенъ только въ четыре часа дня и, послѣ молебна, тотчасъ же удалился, не выразивъ прихожанамъ счастливаго успѣха, но не отказавшись отъ гонорара за службу.

Это безучастіе духовнаго лица къ новой жизни крестьянъ вызвано, говорили, болѣзнью его ребенка.

Послѣ его ухода, я разговорился съ крестьянами о мужицкой жизни съ водкой и безъ водки.

— На масляницу и на Покровъ у насъ въ Понзаряхъ водки ведеръ по 80 продавалось, а хорошаго ничего не было. Мы пить не умѣемъ... А теперь водку стали забывать и получилась большая разница. Деньги не пропиваются, земля не продается и не арендуется чужими... Сами обрабатываемъ. Поэтому и деньги свободны, и несутся въ кассы или ими уплачиваются недоимки.

Земля не арендуется посторонними лицами еще и потому, что крестьяне думаютъ, что аренда будетъ для нихъ выгоднѣе послѣ войны.

Жингаревъ выбралъ удобный моментъ и познакомилъ крестьянъ съ кооперативнымъ дѣломъ въ Россіи.

— Теперь, сказалъ онъ: въ Россіи болѣе 300.000 кредитныхъ кооперативовъ и 10.000 потребительныхъ обществъ. Если мы внесемъ свои паи и будемъ закупать оптомъ прямо у фабрикантовъ товаръ, то онъ будетъ и лучше, и дешевле, чѣмъ тотъ, который мы покупаемъ у купцовъ и перекупщиковъ, переплачивая въ чужихъ лавкахъ большія деньги.

Крестьяне отлично сознавали выгоду имѣть „свою лавку" и, усвоивъ принципъ кооператива, уже сами

заговорили и о покупкѣ общими силами случныхъ жеребцовъ, хряковъ и быковъ.

— Только бы водка не продавалась, восклицали мужики. Эта „горюша" хуже пожара. Дошкуритъ тебя хуже германца... Будь ты богаче Асѣева (мѣстный богачъ), а съ горюшей — пропьешь и бычковъ и жеребцовъ.

Я узналъ, что водку они называютъ „горюшей" — отъ слова горе.

Одинъ изъ смѣшливыхъ мужиковъ съострилъ:

— Назябнешь! Намокнешь осенью — надо бы водочки... Безъ водочки, да табачку — не жить мужичку.

— Табакъ бы запретить тоже не худо, перебили его недовольные голоса.

Съ этимъ, однако, не согласился присутствовавшій солдатъ, вернувшійся съ войны раненымъ. Опираясь на костыли, онъ произнесъ серьезнымъ тономъ:

— Не однимъ же германцамъ пользоваться удушливымъ газомъ, надо и намъ махорочку покурить. На войнѣ на чай и на сахаръ не обращаютъ вниманія, а табакъ привезутъ на автомобилѣ, такъ солдатики кидаются подъ колеса и разомъ табакъ растащутъ... Весь аристократическій народъ съ табакомъ.

— Какой? удивленно спросилъ я.

— Аристократическій... Жесткій!.. На войнѣ, значитъ. Видитъ онъ, что вѣтрянка въ полѣ безъ вѣтру мелитъ, ну сейчасъ тамъ и захватитъ жидка, который сигналы подавалъ германцамъ. Русскія войска въ право пошли, мельница вертитъ крылья туда же, въ лѣво — и мельница въ лѣво. „Аристократическій" народъ... казаки!.. Сейчасъ же, съ полнымъ апетитомъ, и сымутъ шпіона съ мельницы.

Солдатъ вошелъ во вкусъ и повѣдалъ намъ о тѣхъ же шпіонахъ, которые бросаютъ въ рѣку Вислу бу-

тылки съ донесеніями о движеніяхъ русскихъ войскъ и какъ необходимо вылавливать эти бутылки по нѣмецкимъ рѣкамъ.

— А лучше безъ водки жить? перебилъ я его.

Раненый солдатъ отвѣтилъ подумавши:

— Въ одинъ годъ не предвидится, чтобы лучше было... Это вѣками ощутится.

— Нѣтъ, перебили его другіе: оно и теперь лучше.

Солдатъ стоялъ на своемъ, утверждая, что прежде деньги шли на вино, а теперь на новые налоги.

— Одинаково! восклицалъ онъ. Для трезваго было даже лучше прежнее положеніе, а теперь—только лучше для пьяницъ.

Мужики тоже не сдавались и горячо возражали ему:

— Это ты неправильно судишь. Налогу теперь больше, а пропивалось еще больше. Всякая вещь была дешевле, а жилось беднѣе. Товаръ дешевъ, а народъ ходилъ голымъ и копейки не было въ карманѣ.

— Да и сейчасъ у насъ не двухъэтажные дома, находчиво отозвался солдатъ. Я вотъ и прежде не пилъ, а теперь страдаю отъ дороговизны жизни.

— Дороговизну дѣлаютъ купцы... Вотъ ты и заводи потребительныя лавки да кредитныя товарищества, замѣтили ему мѣстные кооператоры изъ крестьянъ. Товаръ будетъ дешевле, лучше, и прибыль дѣлится по забору... Ты водку не пилъ и не знаешь, этой „горюши"; ну, такъ и молчи... Попамъ безъ водки нѣтъ доходу, а и они рады. Отецъ дьяконъ у насъ членомъ правленія по кассѣ. Прежде свадьба стоила болѣе полутораста рублей, а теперь менѣе пятидесяти. Соберутся теперь на свадьбу добромъ-порядкомъ, чайку попили и мирно разошлись... Прежде монополія выручала съ деревень Каменки до Федоровки до 28 тысячъ рублей, а теперь и „Винопольскіе" рады, что

нѣтъ торговли водкой и денежки у насъ въ карманѣ. Мы водку-то уже и забыли, больше требуемъ сельскохозяйственныхъ машинъ.

Не находя серьезныхъ возраженій, солдатъ думалъ отдѣлаться дешевой остротою:

— Прежде работали за вино, а теперь за „Спаси Господи"...

— То-то, съ насмѣшкой возразилъ ему одинъ голосъ въ толпѣ:—эти пьяные работники въ девятьсотъ пятомъ году и ходили громить барскія усадьбы и рѣзать языки заводскимъ жеребцамъ, а трезвыхъ-то погромщиковъ съ ними была самая малость.

Остальные мужики глубокомысленно согласились съ нимъ.

— Зло большое уняли мы между себя, говорили они. Съ водкой, по инымъ деревнямъ, и полиція боялась ночью ходить, а теперь тихо. Никто тебя камнемъ не вдаритъ. Какъ это Господь послалъ такую благодать, что водку запретили. Какъ будто бы и не было ее раньше. Говорили о запоѣ да „червякѣ", а гдѣ же онъ? Стыдно бы и говорить, что народъ—пьяница и воръ.

— Развѣ не было воровства? сказалъ я, желая продлить разговоръ.

Мужики убѣжденно отвѣтили:

— Воровъ нѣтъ у насъ... Развѣ по господскому дѣлу! На исповѣди сознаешься священнику...

Это убѣжденіе мужика въ томъ, что „нѣтъ грѣха" въ воровствѣ у барина—я зналъ и ранѣе.

Мужики продолжали:

— Была водка, а не воровство. Не стало водки—нѣтъ воровъ и по господскому дѣлу. Трезвый-то человѣкъ посовѣстливѣе... Мы и дѣлимся въ большихъ семьяхъ больше изъ-за водки. Поѣдетъ старшій братъ

въ городъ, продастъ товаръ, часть денегъ пропьетъ, а часть утаитъ. Ну меньшіе братья и выговариваютъ ему: работали вмѣстѣ, а водку пьешь одинъ... Будемъ дѣлиться.

Мужики перечислили цѣлый рядъ бѣдствій въ связи съ водкой, но я сослался на деревню Текино, которая пила не менѣе другихъ деревень, но не разорилась и не проворовалась.

— Старообрядцы тамъ, перебили меня.—„Калчане“... Пили и они, но народъ мастеровой и торговый, а главное другъ другу помогали... Вотъ и село „Паново-Кусты“, изъ молоканъ... Есть и баптисты... Тоже пили, а бѣдности не знали.

Въ „Пановы-Кусты“ нужно было ѣхать Жингареву по дѣламъ кредитнаго товарищества и, когда къ нему собрались мужики, онъ предоставилъ ихъ въ мое распоряженіе.

— На все привычка, отвѣтили они спокойно. Пили, а безъ водки оказалось лучше... Побирушки стали обуты и „народъ подобрѣлъ“. Пьяный, бывало, и свое поле не убиралъ, а теперь мы посѣяли все, какъ надо. Тяжко безъ людей-то. Но помогали другъ другу. Сродники помогали тѣмъ, у кого работники взяты на войну. Обошлись своими силами. Деревни и села у насъ большія, сроднены всѣ и, безъ водки, жалко всѣхъ.

— Хорошее чувство, отозвался я. Ну, а ранѣе много пили?

— Запольныхъ участковъ не пропивали, гордо отвѣтили молокане. Ихъ у насъ нѣтъ... Всѣ участки въ поляхъ и обработаны.

— А солдатки?.. „Германки“, какъ вы ихъ называете—въ карты играютъ на казенные пайки?

— Заведенія такого нѣтъ. Ребятишки иной разъ

въ „Орелъ“ играютъ... Да это было и до войны. Пьяные дюжѣй играли и въ карты и орелъ.

— Говорятъ теперь завелись женскіе клубы?

Мужики отвѣтили мнѣ повышеннымъ тономъ:

— У насъ клубовъ и прежде не было... Молоканская деревня. Поаккуратнѣе жили и ранѣе, чѣмъ въ прочихъ мѣстахъ. Крадучись отъ отца и матери поигрывали молодые ребята, а открытыхъ клубовъ не бывало... Въ прочихъ мѣстахъ... Въ Марьевкѣ... поигрываютъ молодые ребята. Отъ отца они ушли, сами хозяева, женъ ни боятся... Да, и то играли, когда была водка, а нынче совсѣмъ разница. Съ водкой-то и воровать ходили... А теперь водку прекратили, всѣ „червяки“ у пьяницъ подохли, „полицейскія собаки“ пострацали немножко воровъ—стала и жизнь по иному. Теперь и въ ночное время не только на лошади, но и пѣшему нигдѣ не страшно.

Въ толпѣ нашелся скептикъ, который согласился съ общимъ мнѣніемъ, что стало „не въ примѣръ потише“, но это оттого, что „молодежи нѣтъ“...

— Бывало кто выпьетъ, такъ богатымъ дѣлается, продолжалъ онъ.—Будетъ то же и опять.

— Да, негдѣ будетъ выпить-то, перебили его. Безъ водки и мобилизація, и наборы прошли гладко, и жизнь такая же будетъ послѣ войны. Чѣмъ бы она ни кончилась, она оказала намъ такое благодѣяніе, отнявъ водку, что ущербы пополнятся...

Съ этимъ выстраданнымъ вѣрованіемъ народа въ его трезвое будущее я поѣхалъ далѣе обратно въ г. Тамбовъ, гдѣ съ глубокой признательностью разстался съ г. Жингаревымъ.

IX.

Въ акцизномъ управленіи.—Большое дѣло требуетъ героическихъ мѣръ. — „Лиссабончикъ". — Село Разсказово.—Жалоба винокуровъ. — Отзывы полиціи. — Легенда о Вильгельмѣ, который все учелъ, но не предвидѣлъ, что русскіе перестанутъ водку пить.— На войлочномъ заводѣ. — Борьба самого общества съ политурщиками и т. д.—На кожевенномъ заводѣ.—Теперь война съ Германіей, а прежде въ домѣ была война.—Теперь въ народѣ воля укрѣпится. — Для скотины выбираемъ лучшаго жеребца, а про себя забыли, какое пойдетъ отъ пьяницъ поколѣніе. — Бѣдность создаетъ пьянство, а обезпеченность—трезвость. — „Пѣтушиное слово" прекратило пьянство. — На суконной фабрикѣ.—Съ трезвостью связана судьба государства.

Въ городѣ я посѣтилъ губернское акцизное управленіе, гдѣ управляющій его, г. Вержбаловичъ, подѣлился со мною взглядами на современное отрезвленіе народа.

— Въ такомъ большомъ дѣлѣ, какъ отрезвленіе народа, сказалъ онъ: полумѣры не пригодны. Я видѣлъ, напр., какъ постепенное сокращеніе винныхъ лавокъ почти не достигало своихъ цѣлей и только окончательное ихъ закрытіе было плодотворно. Закрывали мы лавки, открывались шинки... Едва ли также цѣлесообразно открытіе торговли виноградным̆ъ виномъ 16 градусовъ и пива 4 градуса. Это уступка пьянству. Спорить въ этомъ случаѣ безполезно, а нужно установить научную логику. Если на совѣщаніи въ Москвѣ врачей Пироговскаго Общества было установлено, что алкоголь ядъ, и въ большой дозѣ и въ мелкой отравляющій организмъ человѣка, то какже можно пускать его въ продажу въ какихъ бы то ни было дозахъ? По логикѣ, долженъ получиться вредъ, какъ не хитри съ алкоголемъ. Что касается разоренія виноградарей, то это еще вопросъ, произойдетъ ли разореніе, такъ какъ

виноградъ можно утилизировать иначе, не превращая его въ алкоголь. Въ продажѣ виноградный алкоголь тотчасъ будетъ сдабриваться табакомъ или какимъ-нибудь другимъ дурманомъ. Одно вино не нравится мужику...

— Мнѣ, — перебилъ я: — членъ земской управы г. Салтыковъ приводилъ отзывъ мужиковъ Борисоглѣскаго уѣзда: „пиво мы уважаемъ, а въ винѣ (бѣломъ и красномъ) вкуса нѣтъ. . Не забираетъ. Не пьянитъ оно".

— Вотъ, это самое и есть!—воскликнулъ г. Вержболовичъ.—У насъ же былъ моментъ продажи виноградного вина и въ городѣ Козловѣ тотчасъ начали выдѣлывать изъ него суррогатъ подъ именемъ „Лиссабончикъ" и отравлялись имъ. Губернаторъ запретилъ его, а до чистаго вина мужикъ не доросъ. Есть еще въ нашемъ дѣлѣ обстоятельство, которое хотѣлось бы устранить—это разнообразіе въ разрѣшеніи отпуска вина постороннимъ лицамъ. Разрѣшается покупка вина и водки частью управляющимъ акцизными сборами, частью полиціей, а иногда допускалось военнымъ и безъ всякаго разрѣшенія пріобрѣтать вино и пиво. Въ настоящее время они представляютъ разрѣшеніе своего начальства на пріобрѣтеніе вина. Это все-таки лучше, но желательно было бы полное однообразіе въ системѣ разрѣшеній. Было бы съ кого взыскивать, если пьяные появятся на улицу, а теперь это труднѣе.

На другой день я поѣхалъ въ Разсказово, напоминающее болѣе хорошій уѣздный городъ, чѣмъ деревню.

Со станціи Платоновка я пересѣлъ въ конку, которая шла краемъ сосноваго лѣса къ селу Разсказово, населенному до тридцати тысячъ жителями. Кромѣ хлѣбной торговли, село имѣетъ винокуренный заводъ,

три суконныхъ фабрики, съ двѣнадцатью тысячами рабочихъ, войлочные и кожевенные заводы, чулочно-ручное производство и т. д. Мѣстность имѣла несомнѣнно свои отличія и я не обманулся, надѣясь услышать здѣсь какія-нибудь особенности по вопросу о трезвости и пьянствѣ.

Прежде всего на самой станціи Платоновка, едва я вошелъ въ конный вагонъ, къ нему подошла толпа молодыхъ людей, одѣтыхъ въ черную тройку и съ двухрядными гармоніями, висѣвшими у каждаго парня черезъ плечо на ремнѣ. Впереди шелъ болѣе видный молодецъ, съ колоколомъ въ рукѣ, въ который онъ и зазвонилъ, войдя въ вагонъ и обращаясь къ пассажирамъ за сборомъ...

— „На колоколъ! На колоколъ!"—восклицалъ онъ, потрясая имъ въ воздухѣ и улыбаясь тому, что пассажиры недоумѣваючи посматривали на него.

Франтоватые парни также весело ждали его на платформѣ, забавлясь своей выдумкой и шуткой.

— Рекрута! Новобранцы майскаго призыва,—воскликнула безобидно публика.—„Гожіе...".

Когда лошадь потащила по рельсамъ вагонъ и въ воздухѣ повисли музыкальные звуки хорошей гармоніи, я невольно подумалъ о художественной и поэтической душѣ русскаго солдата, идущаго завтра на передовыя позиціи съ шутками, съ музыкой и пѣснями о родныхъ нивахъ и покосахъ.

Это настроеніе солдатиковъ чувствуется теперь по всѣмъ городамъ, когда они идутъ съ ученья въ казармы, оглашая улицы маршированнымъ шагомъ и хоромъ пѣвцовъ.

Въ самомъ Разсказовѣ мнѣ говорили:

— Съ прекращеніемъ торговли водкою, всюду возросло потребленіе бѣлаго хлѣба. Въ базарныхъ селахъ:

Разсказовѣ, Тамбовскаго уѣзда, въ Трескино, Богдановѣ и Лукино, Кирсановскаго уѣзда и т. д.—увеличилось число пекарень и выпеченнаго бѣлаго хлѣба. Непропитая копѣйка идетъ на прокормленіе. Въ Разсказовскихъ магазинахъ народъ сталъ усиленнѣе покупать рыбу и мясо—чего раньше не было.

Подъѣзжая къ виннокуренному заводу А. И. Желтова, мой кучеръ, поддавшись впечатлѣніямъ отъ пустынности завода, произнесъ:

— Бывало, ѣдешь къ заводу, душа радуется. Живое дѣло... Жизнь кипитъ кругомъ. А теперь точно мы пріѣхали къ умирающему.

На обширномъ дворѣ завода, дѣйствительно, не было ни одного рабочаго, исключая сторожа, который отворилъ ворота.

Въ одномъ изъ флигелей на дворѣ помѣщалась квартира хозяина виннокуреннаго завода, который радушно принялъ меня и горячо отстаивалъ интересы винокуровъ.

— Прекращеніе навсегда торговли спиртными напитками,—говорилъ онъ:—очень желательно и безъ сомнѣнія принесетъ большую пользу населенію нашего отечества въ смыслѣ благосостоянія, во всѣхъ отношеніяхъ. Но если правительство, при ликвидаціи винокуренной промышленности, не взойдетъ къ намъ, владѣльцамъ винокуренныхъ заводовъ, съ помощью, то это гибельно отразится на насъ и вызоветъ неплатежи банкамъ, кредитнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ, у коихъ почти всѣ винокуры пользуются кредитами и залогами подъ свои имѣнія. Мы можемъ оказаться въ положеніи непорядочныхъ людей и, кромѣ того, потеря состоянія принудитъ насъ самихъ искать для себя пропитаніе въ наемномъ трудѣ.

Я занесъ въ свою памятную книжку сѣтованія

г. Желтова, какъ образчикъ сѣтованій винокуровъ на положеніе, созданное прекращеніемъ винокуренія.

Присутствовавшій въ томъ же селѣ Разсказово становой приставъ привелъ любопытную параллель между праздниками 1914 и 1915 годовъ.

— Масленица въ 1914 г. ознаменовалась въ селѣ Разсказово пожаромъ отъ поджога, 4 кражами, однимъ смертельнымъ случаемъ отъ чрезмѣрнаго употребленія водки и нѣсколькими случаями дракъ. Въ 1915 г. масляница прошла безъ происшествій. Пасха 1914 г. ознаменовалась 5 пожарами отъ разныхъ причинъ, убійствомъ и поджогомъ, причиненіемъ ранъ и многими другими. Та же Пасха въ 1915 г. имѣла только одинъ случай убійства на почвѣ мести. Такое сокращеніе происшествій на праздникахъ объясняется отрезвленіемъ населенія въ селѣ Разсказово. Кромѣ того, увеличилась потребность въ бѣломъ хлѣбѣ, мясѣ, чаѣ и фруктовыхъ водахъ; увеличился вкладъ въ крестьянскія кассы; увеличилось количество продаваемыхъ №№ газетъ; уменьшилось нищихъ; называемые алкоголики принялись за трудовую жизнь, вернулись въ семью, внеся нормальную и обезпеченную жизнь; семейныхъ ссоръ сократилось примѣрно на 60%. Въ видѣ развлеченія появилась усиленная игра въ карты, наблюдается игра въ лото, игра на билліардѣ, увеличилось число посѣтителей чайныхъ, гдѣ проводятъ время за разговорами и чтеніемъ газетъ. Наблюдается также увеличеніе числа посѣтителей кинематографа и временныхъ спектаклей. Цифра посѣтителей могла бы увеличиться, если бы на развлеченія были доступныя цѣны.

Отъ Желтова я заѣхалъ ко многимъ купцамъ села Разсказово и прежде всего услышалъ легенду о Вильгельмѣ.

— Я, говоритъ въ настоящее время Вильгельмъ, по легендѣ: все учелъ передъ войной, я все зналъ... Зналъ, что буду бить, и самъ буду битъ, но чтобы русскіе перестали водку пить—этого я не предвидѣлъ и не ожидалъ...

Крестьяне смѣются, слушая съ удовольствіемъ эту басню и всегда соглашаются съ тѣмъ, что теперь цифры протоколовъ, пожаровъ, кражъ и убійствъ уменьшились.

— Въ Разсказовѣ въ пьяное время было пять, а то и шесть пожаровъ въ день, а теперь и въ цѣлое лѣто не больше, говорятъ. Осенью, какъ уберутся съ хлѣбомъ, всюду зарево, вездѣ горятъ деревни изъ мести или отъ водки, а теперь не видать.

— Прежде,—говорили мнѣ:—были даже пожары на политической почвѣ. Въ деревняхъ Бѣломѣстная Двойная, Бѣломѣстная Кривуша и Незнановка преобладали партіи (лѣвыя и правыя).—Въ политическомъ азартѣ, подъ пьяную руку, они жгли другъ друга...

Хозяинъ войлочнаго завода И. П. Желтовъ жалуется, однако, на то, что лакъ да „бражка на бугрѣ" *) портятъ много еще людей.

— А безъ этого, у меня на заводѣ — говоритъ онъ:—работаетъ теперь 40 человѣкъ, а ихъ трудъ равняется прежнимъ 60 работниковъ. Нѣтъ прогуловъ, а есть желаніе заработковъ. Прежде тотъ же рабочій изъ 100 рублей пропивалъ 80—85 руб. и посылалъ домой 15 руб., а то и ничего... Да и самъ лѣтъ на десять пропадалъ и не возвращался домой. А теперь онъ нерѣдко хвастается тѣмъ, что не знаетъ, куда деньги дѣвать.

Другой нашъ собесѣдникъ изъ ближайшей деревни охладилъ заводчика.

*) Бражка „на бугрѣ"—одно изъ мѣстъ въ Разсказовѣ, гдѣ тайно варятъ суррогатъ водки.

— Это точно, Иванъ Павловичъ. Завелись деньги, покуда не знали лакъ и не начали пить его. Зачѣмъ торгуютъ имъ безъ всякаго наблюденія? Развѣ купецъ москательной лавки не знаетъ здѣшнихъ столяровъ и сапожниковъ? Пусть они берутъ лакъ на свое мастерство, а не всякому продавай его... Нужно и лакъ держать на учетѣ.

— Пожалуй, что это вѣрно, — согласился заводчикъ. — И лакъ долженъ контролироваться какъ отпускъ спирта...

Во многихъ другихъ мѣстахъ Тамбовской губерніи мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ о необходимости предоставить сельскимъ обществамъ право самимъ бороться съ „лакировщиками", „бражниками" и „денатуратчиками".

— Полиція ничего съ ними не дѣлаетъ и, можетъ быть, за взятку потакаетъ имъ. А общество своею властью и судомъ разыщетъ виноватыхъ... Жены крестьянъ найдутъ виновныхъ. Онѣ первыя укажутъ на лавки, гдѣ отравляется лакомъ народъ... „Мой мужъ — кричатъ и теперь жены: — „не сапожникъ". Пусть въ лавкахъ не продаютъ ему лакъ... Онъ ему не нуженъ. Купецъ и самъ знаетъ всѣхъ „политурщиковъ" и спаиваетъ народъ явно".

Въ томъ же селѣ Разсказово я посѣтилъ кожевенный заводъ Балотина. Хозяева его (отецъ и сынъ) сказали, что разница между прежней жизнью заводскихъ рабочихъ и теперешней безъ водки не только большая, но „и опредѣлить разницу нельзя".

— Товаръ не портятъ, больше вниманія къ работѣ, правильность увеличилась и порядокъ. Въ пьяномъ видѣ рабочій на льва пойдетъ, а теперь смирны и резоны берутъ во вниманіе. У насъ какъ-то на заводѣ рабочіе забастовали и ихъ разсчитали, а

когда мы наняли новыхъ, то забастовщики выгнали ихъ вонъ съ криками: „Мы здѣсь Столыпины!"

Этимъ они хотѣли сказать, что ихъ власть въ селѣ неограниченная и надо повиноваться имъ. А пока выгнанные ими рабочіе съ завода только въ теченіи шести часовъ не смѣли ослушаться ихъ и также не работали, кожевенный товаръ сопрѣлъ „въ киселѣ" *) на тысячу рублей.

Балотины закончили свою жалобу характерными словами:

— Теперь война съ Германіей, а прежде въ домѣ была война... Придутъ праздники, бывало, со двора бѣги, а теперь утромъ рабочій помолится Богу въ церкви, а домой придетъ обѣдать... Монастырь! На пристаняхъ-то по Волгѣ выходишь въ прежнее время — срамъ одинъ, а теперь и тамъ такой же монастырь. Она, водка-то, лукавая: хуже распутной женщины лишитъ человѣка его характера, а теперь въ народѣ воля укрѣпится. Мы для скотины выбираемъ лучшаго жеребца, а про себя забыли, какое пойдетъ отъ пьяницъ поколѣніе... Одно жалованье получали рабочіе, а жизнь и ихъ дѣти — разные. Трезвый человѣкъ радъ своей жизни и дѣти у него честные, а у пьяницъ — сыны бродяги и воры, а дочери торгуютъ собой. Развѣ такой народъ нуженъ государству?

Посѣтивъ другіе уѣзды Тамбовской губерніи, я не не могъ не обратить вниманія на то, что, во-первыхъ, люди пьютъ водку, по ихъ собственному признанію, „до горячаго", т. е. какъ хватилъ ложку „горячаго", такъ

*) Когда товаръ подбруется (бахрома сымется) и подчистится, наливаютъ въ чанъ воды, сыпится туда 3 пуда муки, мѣшаютъ ее съ водой и получается „кисель". Товаръ опускаютъ въ „кисель" и тамъ онъ лежитъ не болѣе сутокъ, а если не вытащить, то онъ сопрѣетъ и портится.

уже водку не надо. Это значитъ, если человѣкъ сядетъ ѣсть, хлебнетъ горячихъ щей или сядетъ за кашу съ масломъ, то водки уже не нужно.

Эта мысль подтверждается еще новымъ обстоятельствомъ. Если у мужика завелся лишній рубль, онъ бережетъ его; а если у него „послѣдняя копѣйка", онъ пропьетъ ее.

— Бѣдность создаетъ пьянство, какъ обезпеченность—трезвость.

Крестьяне Уманскаго уѣзда—землеробы и скопидомы. Они выводятъ на ярмарки лошадей по пяти и шести сотъ рублей, а сами питаются краюхой хлѣба и гораздо меньше пили водку, чѣмъ крестьяне обѣднѣлыхъ уѣздовъ.

Кромѣ бѣдноты, шибко пило и населеніе уѣздовъ съ отхожими промыслами. Въ Шацкомъ уѣздѣ многіе крестьяне—овчинники, портные и плотники. Они отвыкли отъ дома, а возвращаясь съ отхожаго промысла и увидѣвъ семью—пили; тутъ же являлись къ нимъ братья, сватья и начиналось сватовство... Опять пили.

Изъ Елатомскаго уѣзда крестьяне уходятъ въ Астрахань и ихъ зовутъ „моряками". Эти „моряки" возвращаются домой на тройкѣ, съ погремушками и колокольчиками. Ѣхали они по селу пьяными съ шикомъ и пѣснями. Крестьяне Моршанскаго уѣзда, около Сосновки, ходятъ въ Донецкій бассейнъ „шахтерами" и тоже возвращаются домой съ деньгами и пропиваютъ ихъ.

Закрытіе торговли крѣпкими напитками значительно повліяло на улучшеніе быта овчинниковъ, шахтеровъ и моряковъ. Земледѣльческое населеніе даже остритъ надъ собою:

— Точно кто „пѣтушиное слово" сказалъ между нами и сразу прекратилось пьянство и пожары.

— Лучше „кочетинаго слова" (отъ кочета) это закрытіе торговли водкою, замѣчаютъ менѣе суевѣрные крестьяне.—Царское слово лучше „пѣтушинаго". Сразу затушило по ночамъ зарево въ деревняхъ и пьяныя драки.

Я поѣхалъ далѣе на суконную фабрику г. Асѣева. Управляющій фабрики, понявъ значеніе моихъ вопросовъ о водкѣ, вспомнилъ, какъ фабричные рабочіе торжественно говорятъ:

— „Дай Богъ здоровья тому, кто войну эту выдумалъ и у насъ закрылись „казенки".—Такое благодѣяніе, что никто не ожидалъ. Кто это только придумалъ эту вещь! Даже пьяницы теперъ ходятъ приличными. Узнавъ, что войну затѣялъ Вильгельмъ, рабочіе кричатъ: „это все единственно. Лишь бы водки не было... Все остальное пустяки. Быстро поправимся и отъ войны, а отъ водки не будетъ спасенія, если пойдетъ торговля ею".

Этотъ отзывъ самихъ рабочихъ, которые теперь работаютъ на фабрикѣ даже по праздникамъ. Прежде, черезъ каждыя двѣ недѣли, по пятницамъ, они получали деньги, а въ субботу былъ базаръ. Въ ночь на субботу шелъ картежъ и пьянство... А съ воскресенья на понедѣльникъ они также были не работниками. Послѣ каждой мѣсячной выдачи были убійства, рѣзаные, битые, а теперь нѣтъ. Это подтвердятъ и доктора, и становые пристава.

— Поднялся заработокъ, продолжалъ управляющій. А игра въ карты сократилась. Съ водкой не только играли въ карты больше, но и дрались. Пьяный и трезвый игроки — разные люди. Даже на спектакли, которые иногда устраиваются въ Разсказовѣ, рабочіе менѣе ходятъ. Такая масса дѣлъ и военныхъ заказовъ—что рабочимъ не до театровъ.

Управляющій вспомнилъ, что фабричный инспекторъ ему сообщилъ о поступленіяхъ повсемѣстно вкладовъ крестьянъ въ кассы и что правительство теперь озабочено открытіемъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ на фабрикахъ.

— Много денегъ остается послѣ свадебъ безъ водки. Чтобы сыграть свадьбу по прежнему, надо было до трехсотъ рублей пропить и проѣсть. Деньги забирались впередъ у помѣщика или у кулака, продавалась корова, сдавалась въ аренду за безцѣнокъ надѣльная земля и т. д.

Я спросилъ его и объ интересахъ винокуровъ.

— Ахъ, Боже мой! отозвался онъ.—Да развѣ интересы кучки можно ставить на одну доску съ интересами народа: съ его будущностью и будущностью всего Государства. Закрытіе торговли крѣпкими напитками—это вопросъ будущности Русскаго Государства... Ну, заплатите винокурамъ и виноградарямъ всѣ ихъ убытки. За все можно заплатить. Безъ водки и вина—Россія велика. Доходы будутъ большіе. Предложи теперь душевой налогъ—всѣ заплатятъ его, лишь бы не было водки... Съ удовольствіемъ! Во сто разъ все окупится!

X.

Цифровыя данныя Губернской Земской Управы и Крестьянскаго Банка.

Къ живымъ рѣчамъ простого народа о собственномъ его возрожденіи, съ исчезновеніемъ въ его быту спиртныхъ напитковъ, интересны будутъ цифровыя данныя по Тамбовской губерніи.

Такъ, напр., въ Тамбовской лечебницѣ душевнобольныхъ ежегодный приростъ числа душевно-больныхъ

въ 1914 г. былъ равенъ 25 чел., а на 1915 годъ уменьшенъ на 10 челов.

Свѣдѣнія о поступленіи алкоголиковъ въ лечебницу, за 10 мѣсяцевъ до прекращенія продажи водки и за таковой же періодъ послѣ запрещенія, таковы:

Съ августа 1913 по іюнь 1914 г.г. было 175 алкоголиковъ, а съ іюня 1914 по іюнь 1915 г.г. алкоголиковъ поступило всего 24 человѣка.

Интересы также статистическія свѣдѣнія, добытыя мною въ Губернской Земской Управѣ:

Поступленіе окладныхъ сборовъ, вмѣстѣ съ недоимками, за 1914 г. было менѣе 5,24% къ преположенной по смѣтѣ суммы.

Въ предшествующемъ 1913 г. окладные платежи были менѣе на 12,65% суммы, назначенной по смѣтѣ.

Благодаря указанному благопріятному притоку денежныхъ суммъ, для Губернской Управы явилась возможность не прибѣгать къ стороннимъ займамъ, разрѣшеннымъ Губернскимъ Земскимъ Собраніемъ въ суммѣ до одного милліона рублей.

Обстоятельства военнаго времени, по свѣдѣніямъ изъ Управы, нисколько не имѣли отрицательнаго вліянія на платежность населенія губерніи.

Вопреки цифрамъ Земской Управы идутъ свѣдѣнія Крестьянскаго Банка о поступленіяхъ платежей его заемщиковъ за 1914 годъ.

По отдѣльнымъ группамъ заемщиковъ, поступленіе платежей въ процентномъ отношеніи къ годовому окладу за 1914 г. представляется въ слѣдующемъ порядкѣ: а) у сельскихъ обществъ 81,4%, б) у товариществъ 86,9% и в) у отдѣльныхъ домохозяевъ 79,9% и поступленіе платежей къ годовому окладу вмѣстѣ съ недоимкой: а) у сельскихъ обществъ, 58,3%, б) у товариществъ 66,5% и в) у отдѣльныхъ домсхозяевъ 51,2%.

Оставшаяся на 1 января 1915 г. недоимка въ отношении къ суммѣ всѣхъ платежей, слѣдовавшихъ къ поступленію отъ каждой группы въ отдѣльности въ отчетномъ году, составляетъ: а) у сельскихъ обществъ 41,7%, б) у товариществъ 33,5% и в) у отдѣльныхъ домохозяевъ 48,3%.

Такимъ образомъ, отдѣльные домохозяева, должники банка, по Тамбовской губерніи оказались менѣе состоятельны, чѣмъ сельскія общества и товарищества.

Значительное повышеніе недоимочности въ 1914 г. *) объясняется, во-первыхъ, почти повсемѣстнымъ недородомъ яровыхъ хлѣбовъ въ Тамбовской губ., полнымъ неурожаемъ хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи и продолжительной дождливой погодой, помѣшавшей уборкѣ хлѣба, который, какъ, напр., въ Спасскомъ уѣздѣ, попрѣлъ на поляхъ въ копнахъ, и, во-вторыхъ, призывомъ по мобилизаціи въ войска значительнаго числа рабочихъ рукъ населенія. Послѣднее обстоятельство главнымъ образомъ отразилось на платежеспособности еще не окрѣпшихъ единоличныхъ владѣльцевъ, семьи которыхъ, за призывомъ самихъ заемщиковъ, остались въ большинствѣ безъ работниковъ. Война также сказалась пониженіемъ спроса на аренду земли, отчего многія слабыя хозяйства, покрывавшія платежи по ссудамъ отъ сдачи части земли въ аренду, теперь оказались почти въ безвыходномъ положеніи **).

*) Оставшаяся къ 1 января 1915 г. недоимка въ отношеніи къ суммѣ всѣхъ платежей, слѣдовавшихъ къ поступленію въ отчетномъ году, повысилась до 39%, тогда какъ къ 1 января 1914 г. эта же недоимка составляла 29,5%.

**) Крестьяне не берутъ земли въ аренду въ ожиданіи окончанія войны, когда, въ ихъ воображеніи, и покупка земли, и ея аренда будетъ гораздо выгоднѣе, чѣмъ теперь. На томъ же основаніи они часто не платятъ и въ банкъ свои долги. „Недоимочность ростетъ, говорили мнѣ: не потому, что у крестьянъ денегъ нѣтъ, а потому что не хотятъ платить до окончанія войны". Всякое обстоятельство, связанное съ землей, крестьяне толкуютъ въ свою пользу. Циркуляръ о томъ, чтобы до окончанія войны не отводить крестьянъ на отруба — понимается ими, какъ будущія земельныя льготы.

Огромное вліяніе на пониженіе платежеспособности заемщиковъ имѣли также вызванныя войной отсутствіе товарообмѣна и повышеніе цѣнъ на продукты первой необходимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ бездорожье, длившееся до половины декабря и помѣшавшее своевременному сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства также не могло не отразиться на поступленіи платежей по ссудамъ. За всѣмъ тѣмъ запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ, кромѣ моральнаго значенія для населенія, повысило платежеспособность заемщиковъ, такъ какъ въ виду недорода хлѣбовъ и тяжелыхъ условій жизни, вызванныхъ войной, поступленіе платежей нужно было ожидать въ значительно меньшемъ размѣрѣ.

Прекращеніе торговли крѣпкими напитками отразилось и на страховомъ дѣлѣ и на горимости Тамбовской губерніи вообще.

По свѣдѣніямъ статистика Н. Жихарева, за послѣдніе 25 лѣтъ сельскими пожарами въ Тамбовской губерніи уничтожается крестьянскаго имущества болѣе чѣмъ на четыре милліона рублей ежегодно. („Тамбовскіе отклики" отъ 17 октября 1914 г.).

Если сравнить годы жизни тамбовскаго крестьянина съ водкой и годъ безъ водки, то число пожаровъ и суммы вознагражденій потерпѣвшимъ за послѣдній годъ уменьшились.

Тотъ же г. Жихаревъ въ „Тамбовскомъ Листкѣ" отъ 25 апр. 1915 г. пишетъ:

Если сравнивать число пожаровъ, бывшихъ въ

1914 году за время войны (съ іюля по декабрь включительно), съ числомъ пожаровъ четырехъ предыдущихъ лѣтъ за тѣ же мѣсяцы, то пониженіе средняго мѣсячнаго числа пожаровъ 1914 года выразится въ 27%. Особенно велико пониженіе числа пожаровъ въ сентябрѣ 1914 года. По сравненію съ сентябрьскими пожарами предыдущихъ лѣтъ оно составляетъ 43%.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что по Тамбовской губерніи по 1 іюня 1915 г. выдано по сельскимъ пожарамъ вознагражденія менѣе чѣмъ въ прошломъ году на 130.000 рублей.

XI.

Вліяніе трезвости на народъ и предпринятыя мѣры къ ея укрѣпленію.

Объѣздъ Воронежской губерніи далъ мнѣ обширный матеріалъ о борьбѣ здѣсь съ „зеленымъ зміемъ". Энергично готовятся къ укрѣпленію въ народѣ трезвости и чиновники акцизнаго вѣдомства, и земскіе дѣятели, и учителя, и доктора, и духовенство. По отзыву свѣдущихъ людей, не только матеріальное благосостояніе крестьянъ и ихъ семейные нравы улучшились, но и на крестьянскихъ сходахъ нѣтъ болѣе полупьяныхъ судей и легкомысленныхъ постановленій. Прежде на сходахъ возможно было „оборудовать" дѣло такъ, что за водку сдавались земельные участки, выпасы, переправы, аренды рыбной ловли, охоты...

— На общественныя должности,—говоритъ наблюдатель мѣстной жизни И. Боголюбскій:—сходомъ выбирались безхарактерныя лица, склонныя къ употребленію спиртныхъ напитковъ. Если же оказывался почему-либо выбраннымъ на роль старшины, старосты и др. лицо трезвое, то, какъ правило, черезъ годъ—два службы своей оно оказывалось заурядъ пьющимъ и нерѣдко отъ постоянныхъ „могарычей" и подпаиваній спивалось ранѣе другихъ. Случаи, что личное хозяйство такихъ выборныхъ, послѣ хожденія ихъ въ общественныхъ должностяхъ, разстраивалось, а ввѣренныя имъ общественныя суммы оказывались растраченными, были явленіемъ зауряднымъ. Обычно растраты прощались обществомъ, но иногда онѣ оканчивались и тюрьмой для виновнаго. Въ такихъ же условіяхъ иногда стоялъ и крестьянскій судъ. Кто заглядывалъ въ волостныя правленія во время судебнаго тамъ разбирательства, не могъ не подивиться, случалось, тому разнообразію спиртныхъ напитковъ, не рѣдко очень дорогихъ и такихъ же закусокъ, выставленныхъ въ укромной, оберегаемой, комнатѣ, коими тяжущіяся стороны, одна передъ другой, старались расположить агентовъ крестьянскаго правосудія и успѣвали въ этомъ. Не менѣе широко распространено было спаиваніе свидѣтелей для дачи ложныхъ показаній: для водки и за водку не было недостатка въ лжесвидѣтеляхъ. Послѣ запрещенія виноторговли, отмѣчается повышенный интересъ въ крестьянствѣ къ дѣламъ общественнаго хозяйства, къ разнаго рода кооперативамъ—въ области кредита, ссуды земледѣльческихъ орудій, матеріаловъ крестьянскаго хозяйства, общественныхъ засѣвовъ, заполки и выработки продуктовъ крестьянскаго обихода (общественные кирпичные заводы) и т. д. Трезвый крестьянинъ не склоненъ къ необдуманнымъ сдѣлкамъ. „Народъ грубой сталъ", какъ выражаются торговцы-скупщики, сѣтующіе на наставшія плохія ихъ дѣла и противуставляя имъ ушедшее время народной мягкости и сговорчивости („грубой"—не сговорчивый),

подогрѣтой винными парами. Замѣтны нерѣдкіе случаи возвращенія на свои надѣлы лицъ, давно покинувшихъ ее и отбившихся отъ нея на легкомъ городскомъ трудѣ. Считалось, какъ правило, угощать виномъ на свадьбѣ всѣхъ заходящихъ и этихъ заходящихъ искателей даровой выпивки были не десятки, а сотни. Въ обходъ этого разорительнаго обычая, стали дѣлать вѣнчаніе и свадебный пиръ въ одинъ день для всѣхъ брачущихся въ данный періодъ (осень) въ деревнѣ. Такимъ образомъ вся пьющая деревня распредѣлялась между многими домами и на винѣ получалась экономія для отдѣльнаго хозяйства. Но однимъ этимъ не исчерпывался вредъ для семьи отъ свободной продажи крѣпкихъ напитковъ. Если хоть одинъ членъ семьи, тѣмъ болѣе ея глава, былъ подверженъ спиртнымъ напиткамъ, начинались ссоры изъ-за пропитаго, желаніе непьющихъ членовъ возмѣстить полученіе своей части за счетъ общаго хозяйства и, если нельзя было сдѣлать этого прямо, дѣлалось тайно. Начиналось растаскиваніе хозяйства по рукамъ, затѣмъ раздѣлъ семьи и обнищаніе выдѣлившихся изъ нея новыхъ семей и дворовъ. Съ распространеніемъ трезвости, замѣчается привлеченіе къ земледѣльческимъ работамъ лицъ, утратившихъ трудоспособность, вслѣдствіе прежняго злоупотребленія спиртными напитками. По отзывамъ крестьянъ, многіе изъ ихъ среды прежде сдававшіе въ аренду свои надѣльные участки земли, въ этомъ году произвели сами посѣвы.

Замѣна спиртныхъ напитковъ суррогатами, въ видѣ денатурированнаго спирта и о-де-колона, наблюдается только въ средѣ городского населенія; между привычными алкоголиками; вообще же спиртные напитки въ жизненномъ обиходѣ населенія замѣнены частью чаемъ, въ томъ числѣ и фруктовымъ, приготовленіе

котораго не требуетъ самовара и сахара, а частью разнаго рода фруктовыми водами.

Въ моемъ распоряженіи имѣются интересныя цифры по множеству вопросовъ внутренней жизни крестьянъ Воронежской губерніи. Рядомъ съ уменьшеніемъ количества лицъ, обращавшихся въ больницы за помощью, вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками; уменьшеніемъ числа пожаровъ въ деревняхъ, протоколовъ, штрафовъ и прогульныхъ дней у рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, всюду отмѣченъ ростъ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ и кредитныхъ товариществахъ *).

Не менѣе интересны цифры по городу Валуйки.

Количество лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за уголовныя преступленія, выражается слѣдующими данными:

По камерѣ Уѣзднаго Члена Суда.

	1914 г.	1915 г.
Январь	80	13
Февраль	36	5
Мартъ	47	7
Апрѣль	21	13

*) Въ декабрѣ 1913 года поступило въ Государственныя Сберегательныя кассы 700.000 рублей, между тѣмъ въ декабрѣ 1915 года, по закрытіи винныхъ лавокъ, поступило въ тѣ же кассы 129.100.000 рублей и за 15 дней января 1914 года поступило въ ту же кассу 300.000 рублей, а за 15 дней января 1915 г.—15.300.000 рублей. Приростъ вкладовъ въ государственныя сберегательныя кассы за 4 мѣсяца 1915 года достигъ суммы около 208 милліоновъ рублей, а прежде годовой приростъ этихъ вкладовъ составлялъ отъ 40 до 50 милліоновъ рублей.

По городу Богучару интересны слѣдующія цифры.

Годъ и мѣсяцъ.	Количество лицъ, обращавшихся за медицинской помощью по болѣзнямъ, вызваннымъ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, въ больницы.		Количество лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности за уголовныя преступленія въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ.			Количество лицъ, задержанныхъ полиціей для вытрезвленія.	Количест. составл. полиціей протоколовъ за нарушеніе тишины и порядка.	Сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы и обороты учрежденій мелкаго кредита.				Количество прогульныхъ дней и случаевъ штрафовъ на мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ.	Число возникшихъ новыхъ кредитныхъ и кооперативныхъ учрежденій.
								Сберегательн. касса при казначействѣ.		Кредитное товарищество.			
	Городск. амбулаторія.	Земская больница.	Уѣздный Членъ.	Судебный Слѣдов.	Городской Судья.			Приходъ въ руб.	Расходъ въ руб.	Приливъ въ руб.	Отливъ въ руб.		
Январь													
1914	2	3	131	25	20	2	—	42.564	46.594	7.001	—	Фабрикъ и заводовъ не имѣется.	Не было.
1915	—	—	7	8	8	—	—	52.521	25.133	—	4.548		
Февраль													
1914	1	2	86	32	12	3	—	24.902	28.461	4.259	—		
1915	—	—	38	12	3	—	—	45.325	25.473	3.807	—		
Мартъ													
1914	2	—	66	15	9	1	—	27.519	27.515	927	—		
1915	—	—	6	9	6	—	—	64.151	22.099	—	1.130		
Апрѣль													
1914	3	3	67	7	9	3	1	25.859	35.885	100	—		
1915	—	—	8	14	4	1	—	61.379	38.370	833	—		

По камерѣ Земскаго Начальника представилось возможнымъ получить свѣдѣнія о количествѣ возникшихъ дѣлъ (а не лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности), и при томъ не по отдѣльнымъ мѣсяцамъ, а по третямъ года (январь—апрѣль)

въ 1914 г. — 169
въ 1915 г. — 154

Относительно прогульныхъ дней на мѣстныхъ маслобойныхъ заводахъ, винокуренномъ заводѣ, мельницахъ и разнаго рода мастерскихъ владѣльцы заявляютъ, что съ прекращеніемъ продажи крѣпкихъ напитковъ, прогулы стали явленіемъ крайне рѣдкимъ, и если бываютъ, то объясняются или болѣзнями, или личными и домашними дѣлами, не позволяющими явиться на работу. Поэтому въ настоящее время прогулы приходятся на разные дни недѣли, а не исключительно на дни послѣ праздничные, какъ было обычно при продажѣ спиртныхъ напитковъ.

Въ учрежденіяхъ мелкаго кредита поступленіе вкладовъ значительно увеличилось.

Приходъ вкладовъ въ Валуйской Земской кассѣ мелкаго кредита въ 1915 году, по сравненію съ 1914 г., выразился въ слѣдующихъ цифрахъ:

	1914 г.	1915 г.
Январь	92.835 р.	155.794 р.
Февраль	109.576 „	150.330 „
Мартъ	111.649 „	173.020 „
Апрѣль	79.832 „	130.427 „

Поступленія земскаго сбора за 12 мѣсяцевъ—съ іюня 1913 года по май 1914 года включительно.

Годъ.	Мѣсяцъ.	Съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и лѣсовъ.	Всего со всѣхъ предметовъ обложенія.
1913	Іюнь	20.428 р. 12 к.	48.555 р. 99 к.
„	Іюль	21.490 „ 91 „	135.475 „ 39 „
„	Августъ. . . .	20.313 „ 38 „	75.210 „ 23 „
„	Сентябрь . . .	208.970 „ 11 „	279.459 „ 24 „
„	Октябрь. . . .	230.714 „ 61 „	319.181 „ 14 „
„	Ноябрь	149.021 „ 38 „	208.423 „ 96 „
„	Декабрь. . . .	76.373 „ 38 „	192.455 „ 05 „
1914	Январь	16.910 „ 44 „	114.065 „ 52 „
„	Февраль. . . .	34.680 „ 84 „	56.391 „ 84 „
„	Мартъ.	65.876 „ 88 „	88.315 „ 92 „
„	Апрѣль	28.947 „ 03 „	42.958 „ 01 „
„	Май.	34.707 „ 98 „	51.809 „ 47 „
	Всего . . .	908.435 р. 06 к.	1.612.301 р. 76 к.

Поступленія земскаго сбора за 12 мѣсяцевъ—съ іюня 1914 г. по май 1915 года включительно.

Годъ.	Мѣсяцъ.	Съ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и лѣсовъ.	Всего со всѣхъ предметовъ обложенія.
1914	Іюнь	33.209 р. 28 к.	101.526 р. 79 к.
„	Іюль	8.831 „ 12 „	106.298 „ 36 „
„	Августъ. . . .	11.881 „ 21 „	33.002 „ 95 „
„	Сентябрь . . .	153.457 „ 74 „	213.495 „ 96 „
„	Октябрь. . . .	251.904 „ 47 „	340.729 „ 59 „
„	Ноябрь	171.555 „ 58 „	240.658 „ 45 „
„	Декабрь. . . .	116.912 „ 22 „	244.498 „ 95 „
1915	Январь	10.994 „ 68 „	94.336 „ 47 „
„	Февраль . . .	42.062 „ 21 „	70.331 „ 28 „
„	Мартъ	55.263 „ 02 „	74.753 „ 16 „
„	Апрѣль . . .	38.030 „ 55 „	58.351 „ 81 „
„	Май.	42.167 „ 82 „	67.629 „ 74 „
	Всего . . .	936.269 р. 90 к.	1.645.613 р. 51 к.

Не менѣе характерны данныя и по пожарно-страховому дѣлу въ Воронежской губерніи.

Число пожаровъ въ селеніяхъ:

	Всего.	На каждую тысячу застрахован. дворовъ.
Въ 1911 г. . . .	2.715	6,5 пожара
„ 1912 „ . . .	2.377	5,6 „
„ 1913 „ . . .	2.801	6,1 „
„ 1914 „ . . .	1.973	4,6 „

Число пожаровъ отъ поджоговъ въ сельскихъ мѣстностяхъ.

Въ 1911 году	990
„ 1912 „	786
„ 1913 „	910
„ 1914 „	562

Пожаровъ по полугодіямъ:

	Съ 1 января по 1-е іюля	Съ 1 іюля по 31-е декабря	въ $^0/_0{}^0/_0$
Въ 1911 г. . . .	1.306	1.409	52
„ 1912 „ . . .	1.333	1.044	44
„ 1913 „ . . .	1.593	1.208	43
„ 1914 „ . . .	1.195	778	39,5

Въ теченіе 1-хъ пяти мѣсяцевъ поступило страховыхъ платежей по обязательному (сельскому) страхованію—по окладному и дополнительному:

Въ 1914 г.	417.614 р. 19 к.
„ 1915 „	436.009 „ 09 „

т. е. въ 1915 г. поступило платежей болѣе на 18.394 р. 90 к., или на 4,4$^0/_0$.

Завѣдывающій страховымъ отдѣломъ, г. Гребенникъ, сообщая мнѣ о пожарахъ, добавилъ:

— По даннымъ акцизнаго управленія, годовая выручка отъ продажи спиртныхъ напитковъ по Воронежской губерніи выражалась въ суммѣ около 23 милліоновъ рублей. Эта сумма осталась въ карманѣ населенія *). Кромѣ того въ теченіе 11 мѣсяцевъ войны выдано семействамъ призванныхъ на войну около 10 милліоновъ рублей. Цѣны на рабочія руки, за сокращеніемъ рабочаго элемента, въ общемъ, значительно поднялись. Излишекъ въ цѣнѣ усилилъ средства населенія. То же можно сказать въ связи съ сильнымъ ростомъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты. Огромный заработокъ, который въ связи съ войной, получили ремесленники и промышленники. Съ 1909 г.— всѣ годы дали хорошій урожай; урожай и повышенныя цѣны на хлѣбъ съ 1914 г.—доставили лишнія средства. Призывъ въ ряды арміи многихъ должностныхъ лицъ

*) Сравнительно Воронежская губернія—одна изъ наиболѣе трезвыхъ. У меня имѣются любопытныя свѣдѣнія о потребленіи вина въ 40° на одну душу населенія по губерніямъ.

Губерніи.	1911 годъ.	1912 годъ.	1913 годъ.
	Въ ведрахъ.		
Воронежская	0,554	0,576	0,641
Тамбовская	0,621	0,651	0,687
Тульская	0,833	0.870	0,891
Орловская	0,662	0,700	0,732
Рязанская	0,561	0,576	0,598
Нижегородская	0,638	0.653	0,717
Ярославская	0,746	0,796	0,862

волостного и сельскаго управленія обусловилъ по многимъ же сельскимъ обществамъ и волостямъ слабое поступленіе страховыхъ платежей, въ противномъ случаѣ сборы за первые пять мѣсяцевъ 1915 года были бы, несомнѣнно, еще болѣе благопріятны, чѣмъ указано выше.

Въ селѣ Калачѣ, Богучарскаго уѣзда, интересны свѣдѣнія, данныя „Первой Калачеевской Компаніи паровой мельницы:

	Прогульные дни. 1914 г.	1915 г.	Штрафы. 1914 г.	1915 г.
Январь	170	17	14 р.	не было
Февраль	160	13	11 „	
Мартъ	100	8	5 „	
Апрѣль	170	11	13 „	

Вкладовъ въ сберегательную кассу при Калачевской Почтовой конторѣ было въ

	1914 г. число	на сумму	1915 г. число	на сумму
Январь	172	12.695 р. 75 к.	186	17.184 р. 50 к.
Февраль	120	14.448 „ 50 „	141	11.653 „ — „
Мартъ	82	9.914 „ 50 „	176	17.149 „ 50 „
Апрѣль	123	10.976 „ 75 „	162	21.460 „ 75 „
Итого	497	48.095 р. 50 к.	665	67.447 р. 75 к.

По даннымъ завода Д. Д. Чигиринцева слоб. Калачи было продано водъ:

	въ 1914 г.	1915 г.
Январь	500 вед.	800 вед.
Февраль	200 „	400 „
Мартъ	200 „	300 „
Апрѣль	400 „	800 „
Итого	1.300 вед.	2.300 вед.

Заводомъ Солодовникова было продано:

Январь . . .	80 вед.	900 вед.
Февраль . .	50 „	150 „
Мартъ . . .	60 „	150 „
Апрѣль . . .	200 „	500 „
Итого. .	300 вед.	1.700 вед.

— Чай,—говорятъ трезвенники:—вполнѣ замѣняетъ „напитки“ и годенъ, вмѣсто водки, для угощенія пріятелей...

За время съ 1 января по 1 мая сего года въ Нижнедѣвицкой чайной попечительства о народной трезвости продано порцій чая болѣе противъ прошлаго года на 8.804, при чемъ по мѣсяцамъ года продажа порцій чая распредѣляется такъ:

	1914 г.	1915 г.	Болѣе
Январь	4.276	6.527	2.251 = 52,64%
Февраль. . . .	6 233	9.503	3.270 = 52,46%
Мартъ	5.698	5.748	50 = 0,88%
Апрѣль	3.608	6.841	3.233 = 89,61%
Всего .	19.815	28.619	8.804 = 44,43%

Свѣдѣнія о суммахъ вкладовъ въ Государственную сберегательную кассу № 80 при Нижнедѣвицкомъ уѣздномъ Казначействѣ, за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1914 и 1915 г.г.—таковы:

	Сумма вкладовъ.		Разница.		Процентъ увеличенія вкладовъ.
	1914 г.	1915 г.	Болѣе.	Менѣе.	
Январь	12.603 р.	13.805 р	1.202 р.	—	9,5%
Февраль.	7.161 „	13.860 „	6.699 „	—	93,6%
Мартъ.	9.815 „	14.189 „	4.374 „	—	44,8%
Апрѣль	5.390 „	14.540 „	9.180 „	—	170,3%
Всего . . .	34.969 р.	56.424 р.	21.455 р.	—	61,4%

По городу Коротояку цифры не менѣе краснорѣчивы. Количество прогульныхъ дней и штрафовъ и друг. взысканій на мѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ:

	1914 г.	1915 г.
Январь	20	3
Февраль.	17	4
Мартъ	15	2
Апрѣль	13	3
Всего . .	65	12

По городу Новохоперску вклады сберегательной кассы были таковы:

	въ 1914 г.	въ 1915 г.
Январь	28.100 р. 80 к.	42.033 р. 33 к.
Февраль. . . .	38.394 „ 01 „	43.862 „ 53 „
Мартъ	29.876 „ 79 „	62.986 „ — „
Апрѣль	25.782 „ 29 „	52.452 р. 34 к.

Въ слободѣ Россоши, Острогожскаго уѣзда, число привлеченныхъ Россошанскимъ волостнымъ судомъ къ уголовной отвѣтственности въ первую треть 1914 г. было—63, а въ 1915 году за то же время было всего 20.

Вклады въ сберегательную кассу при почтово-телеграфномъ отдѣленіи и въ кредитное товарищество за первую треть 1914 г. выразились въ суммѣ 56.826 р. 77 к., а въ 1915 году за то же время въ 82.706 р. 14 коп.

Такихъ поступленій, какъ изнасилованіе, растлѣніе и т. п., совершеніе которыхъ происходитъ подъ возбужденіемъ алкоголя, теперь, съ прекращеніемъ продажи крѣпкихъ напитковъ, совсѣмъ нѣтъ.

Священникъ Гр. Поповъ говоритъ, что въ слободѣ стала замѣтна перестройка ветхихъ домовъ въ тѣхъ

крестьянскихъ семействахъ, гдѣ она, при свободной продажѣ питей, не могла быть произведена; ремонтъ и возведенiе новыхъ хозяйственныхъ построекъ; прiобрѣтенiе живого и мертваго инвентаря, т. е. хозяйственныхъ животныхъ и усовершенствованныхъ орудiй сельскаго хозяйства—плуговъ, сѣялокъ, жатвенныхъ машинъ и проч.; улучшенiе домашней обстановки, одежды и питанiя.

Благодаря увеличенiю матерiальнаго достатка, явилась возможность во многихъ семействахъ удовлетворять культурно-просвѣтительныя потребности: давать обученiе дѣтямъ въ школахъ, прiобрѣтать книги, музыкальные инструменты, напр. граммофоны, а также картины и священныя изображенiя хорошаго качества для украшенiя жилищъ. Помимо того, собираются вмѣстѣ отдѣльныя группы населенiя въ частныхъ домахъ, на улицахъ и площадяхъ и проводятъ время или въ пѣнiи нацiональныхъ пѣсенъ и играхъ, или въ мирной бесѣдѣ и чтенiи газетъ.

По вопросу о продажѣ винограднаго вина многiе думаютъ, что населенiе смотритъ на вино не какъ на напитокъ, умѣренное потребленiе котораго могло бы пройти безвредно, а какъ не охмѣляющiй напитокъ, а потому и пьетъ его до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ извѣстной степени опьяненiя. Если полбутылка хлѣбнаго вина вполнѣ удовлетворяла потребителя, то съ возобновленiемъ продажи винограднаго вина, поселянинъ, дабы дойти до извѣстной степени опьяненiя, долженъ выпить не полбутылки, а 2 или 3 бутылки винограднаго вина и вмѣсто 30 коп. долженъ будетъ затратить 2—3 рубля. Дороговизна вина не удержитъ поселянина отъ покупки вина, и снова деньги его пойдутъ не въ кассы, не на улучшенiе хозяйства, а на увеличенiе площади виноградниковъ; съ

этой-то стороны и не желательно возобновленiе продажи винограднаго вина.

— Народъ, говорятъ—относится къ этому отрицательно, такъ какъ благотворное значенiе трезвости для всѣхъ слишкомъ очевидно. Съ другой стороны ясно и то, что для полученiя „куража“ отъ винограднаго вина и пива, необходимо выпить большое количество того или другого, а это сопряжено съ значительными денежными затратами, да къ тому же и не безвредно, такъ какъ доступные крестьянину дешевые сорта винограднаго вина представляютъ собою фальсификацiю и случаи заболѣванiя послѣ употребленiя винограднаго вина уже были неоднократно.

По мнѣнiю же другихъ лицъ, продажа винограднаго вина не принесла бы вреда, а напротивъ отвлекла бы населенiе отъ употребленiя суррогатовъ болѣе крѣпкихъ напитковъ.

Того же мнѣнiя держится и управляющiй акцизными сборами Воронежской губернiи.

Онъ говоритъ:

— На свадьбахъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ семейной жизни получили среди деревенскаго населенiя распространенiе всякаго рода воды, носящiя названiе фруктовыхъ, но въ дѣйствительности представляющiя собой водный растворъ разнаго рода химически составленныхъ эссенцiй, и какъ по своему составу, такъ и по способу приготовленiя являющiяся напиткомъ подозрительнымъ въ гигiеническомъ отношенiи и не заслуживающимъ поощренiя. Поэтому желательно допустить по окончанiи войны продажу слабыхъ виноградныхъ винъ, но исключительно въ тѣхъ городахъ, гдѣ не будетъ составлено запретительныхъ постановленiй, а производство розлива ихъ—только въ г. Воронежѣ, гдѣ могли бы быть предъявлены болѣе

строгія санитарныя требованія при розливѣ винъ, также при условіи, если въ немъ не будетъ составлено запретительнаго постановленія Городской Думы.

Въ слободѣ Уразово, Валуйскаго уѣзда, по преимуществу женское населеніе враждуетъ съ предполагаемой продажею винограднаго вина и пива.

Онѣ въ этомъ видятъ лишь начало опять прежнихъ, отчасти забытыхъ дней. Мужчины же не находятъ никакого вреда въ открытіи продажи указанныхъ напитковъ, полагая, что послѣдніе, за отсутствіемъ привычки населенія къ ихъ употребленію, не получатъ широкаго распространенія въ населеніи деревни и опасаться возникновенія привычки въ этомъ направленіи основаній не имѣется *). Для народа важно и желательно одно: чтобы водки болѣе никогда не было.

*) По этому вопросу интересна корреспонденція въ „Новомъ Времени“ отъ 17 іюля с. г. за № 14134. А именно: „Увѣнчанный гирляндами виноградныхъ лозъ, Бахусъ начинаетъ появляться вновь не въ однихъ только городахъ, но и въ деревняхъ. Монопольное право, дарованное нѣкоторымъ фруктовщикамъ и погребамъ въ ближайшихъ отъ столицы уѣздныхъ городахъ торговать виномъ, породило особый промыселъ подпольнаго распространенія пьянаго зелья. Вино всевозможныхъ наименованій сдабривается „ханьжой“ или просто денатуратомъ и продается подъ названіемъ „союзная мадера“ или „лапландскій антитрезвинъ“ по 3—5 рублей за бутылку.

Однимъ изъ городовъ, снабжающихъ не только жителей, но и значительную часть Петроградской губерніи виномъ, является лѣтняя царская резиденція Петергофъ. Какіе размѣры приняло паломничество сюда людей, желающихъ запастись виномъ, можно судить по тому, что владѣлецъ фруктоваго магазина И. С. Алексѣевъ, первый получившій себѣ разрѣшеніе на продажу вина еще въ прошломъ году, выручалъ ежедневно 8—10 тысячъ рублей. Когда въ мартѣ нынѣшняго года такого же разрѣшенія добился и погребъ Демидова, то толпы народа перестали скопляться передъ магазиномъ Алексѣева. Утренніе петроградскіе поѣзда привозили сотни пассажировъ, направлявшихся, за недостаткомъ извозчиковъ, бѣгомъ въ магазинъ Алексѣева и Демидова. Къ столичной публикѣ присоединились и другіе элементы. Нагрянули мастеровые безъ заработка, дворники безъ мѣстъ, торговцы-разносчики, содержатели „угловъ“, деревенскіе скупщики и проч. Съ наступленіемъ весны началось уличное пьянство. Когда открылся лѣтній сезонъ, дачники стали невольными, но обязательными свидѣтелями этого пьянаго разгула. Въ Англійскомъ паркѣ, въ извѣстные часы, чуть не подъ каждымъ кустомъ можно встрѣтить лицъ неопредѣленнаго званія и сомнительныхъ профессій, распивающихъ вино и разбивающихъ пустыя бутылки о стволы деревьевъ. Это считается своего рода шикомъ и молодечествомъ. Всѣ лужайки, поляны и дорожки усѣяны битымъ стекломъ“.

По вопросу о мѣрахъ, которыми слѣдовало бы занять досугъ трезваго народа, существуетъ множество предположеній.

Острогожское уѣздное земство предполагаетъ организовать народныя чтенія, устроить подвижной театръ, открыть въ селахъ публичныя библіотеки и т. д.

Наиболѣе интересенъ по этому обстоятельству докладъ Валуйской уѣздной земской управы, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

Народные дома, какъ проводники культуры въ массы, пользуются симпатіями народа и привлекаютъ его. Густая сѣть ихъ со спеціально выстроенными зданіями—огонекъ, къ которому земства приложатъ широкую дорогу и поведутъ за собой народъ, который ищетъ этого огонька уже давно. Но для этого нужны большія средства, а слѣдовательно и время. Война же еще больше удлинитъ дорогу къ достиженію огонька, такъ какъ, несомнѣнно, выдвинетъ массу неожиданныхъ, неотложныхъ нуждъ и на время отвлечетъ вниманіе земствъ въ свою сторону. Если въ ближайшее время и будетъ отводиться народнымъ домамъ доля вниманія и средствъ, то самая незначительная. Даже

богатыя земства врядъ ли будутъ имѣть возможность открывать ежегодно болѣе однаго-двухъ народныхъ домовъ на уѣздъ. Иначе говоря, въ первые годы тѣми благами, которыя даютъ народные дома, будутъ пользоваться только избранные и, навѣрное, самые большіе пункты, а все остальное населеніе, участвующее материально въ созданіи этихъ очаговъ просвѣщенія, долго еще будетъ лишено этихъ благъ.

Это крайне несправедливо.

Чтобы приблизить народные дома ко всему населенію, нужно найти на первое время какой-нибудь иной способъ заполненія деревенскаго досуга.

Дѣйствительно, зданія народныхъ домовъ должны быть выстроены спеціально для нихъ, должны отвѣчать всѣмъ требованіямъ, такъ какъ они явятся памятниками поворота народной жизни на путь труда, самодѣятельности и культуры. Если же этого нельзя сдѣлать въ ближайшіе годы, если развитіе сѣти народныхъ домовъ придется вести десятки лѣтъ, то теперь необходимо дать народу хоть какую-нибудь возможность разумно проводить время.

Управа полагаетъ, что это вполнѣ достижимо безъ большихъ затратъ и въ настоящее время.

Уѣздное Земство имѣетъ уже въ настоящее время собственныя школьныя зданія, которыя должны служить исключительно для просвѣтительныхъ цѣлей.

Если въ каждомъ пунктѣ, гдѣ имѣется собственное школьное зданіе, будутъ организованы народные клубы, преслѣдующіе тѣ же цѣли, что и народные дома, то земство не встрѣтитъ препятствій со стороны учебной власти къ открытію такихъ клубовъ въ зданіяхъ народныхъ земскихъ школъ.

Зданія школъ заняты только въ учебные дни съ 8 часовъ утра до 1—2 час. дня, а остальное время дня

и въ праздники свободны. Въ каждой школѣ есть рекреаціонный залъ, который и можетъ быть предоставленъ населенію для клуба. Здѣсь можетъ помѣщаться и библіотека, и читальня, и эстрада для лекцій, чтеній и театральныхъ представленій. Особыхъ затратъ на оборудованіе такихъ клубовъ не потребуется—нѣсколько простыхъ столовъ, табуретовъ, лампъ, самая примитивная эстрада и нѣсколько періодическихъ изданій. За тѣ средства, которыя требуются для постройки одного народнаго дома, можно оборудовать народные клубы цѣлаго уѣзда. Тутъ же можно устроить и продажу чая, для чего тоже не потребуется большихъ затратъ—нужно только устройство куба гдѣ-нибудь на кухнѣ. Оборудованіе чайныхъ посудой и торговля чаемъ можетъ производиться на средства обществъ, открывшихъ клубъ, чтобы мѣропріятія эти ближе были къ народу. Управа считаетъ, что клубы должны открываться по приговору сельскихъ обществъ, которыя выбираютъ также и нѣсколькихъ распорядителей клуба и ассигнуютъ необходимую сумму на чайную торговлю. Распорядители клуба поочередно должны наблюдать за хозяйственной частью и соблюденіемъ чистоты и порядка въ помѣщеніи клуба, а также производить торговлю чаемъ, если не будетъ нанято для этого отдѣльное лицо.

Помѣщенія клубовъ должны служить земскимъ спеціалистамъ для устройства лекцій, чтеній и бесѣдъ.

Единственной, сравнительно большой затратой будетъ наемъ двухъ-трехъ на уѣздъ постоянныхъ разъѣздныхъ лекторовъ, на обязанности которыхъ лежало бы устройство популярныхъ общеобразовательныхъ лекцій и организація народныхъ театральныхъ кружковъ при каждомъ клубѣ. Но, имѣя въ виду дешевизну оборудованія клубовъ, этотъ расходъ будетъ посильнымъ

каждому земству и онъ окупится той огромной пользой, которую принесутъ населенію лекторы.

Весь доходъ отъ продажи чая и отъ театральныхъ представленій расходуется на нужды клуба.

Дѣятельность клуба находится подъ ближайшимъ руководствомъ раіонныхъ школьныхъ попечительствъ, гдѣ они есть.

XII.

Миссіонеръ Петръ Сергіевъ о солдаткахъ и картахъ.—Его патріотизмъ. — Желаніе единодушія между духовенствомъ и земствомъ.—Свящ. Стефанъ Мясищевъ —предсѣдатель церковно-приходскаго братства въ селѣ Истобномъ, Нижнедѣвицкаго уѣзда.— „Братство“ и міряне. — „Сектантскій Духъ...“—Л. Н. Толстой и Арцыбашевъ—еретики. — Свящ. Александръ въ томъ же селѣ.— Кредитное товарищество.

Цифровыя свѣдѣнія о народномъ отрезвленіи, собранныя мною отъ представителей общественныхъ учрежденій по Воронежской губерніи, разумѣется, характерны, но еще болѣе цѣнны по тому же вопросу „живыя рѣчи“ какъ простого народа по деревнямъ, такъ и отдѣльныхъ выдающихся лицъ въ городѣ.

Управляющій акцизныии сборами, А. Ф. Гастевъ, устроилъ у себя на квартирѣ свиданіе мнѣ съ очень популярнымъ священникомъ въ г. Воронежѣ миссіонеромъ Петромъ Сергіевымъ.

Разговоръ у насъ, случайно, начался съ „солдатокъ“, получающихъ казенные пайки на себя и дѣтей.

— Картежницъ среди нихъ, сказалъ о. Сергіевъ:— не замѣчается, а кляузницъ — порядочно. Желая увеличить паекъ, онѣ придумываютъ всякіе фантастическіе предлоги. Одна изъ нихъ получаетъ пособіе на 2 дѣтей, а жалуется на то, что у нея три ребенка.

При провѣркѣ оказывается, что на лицо всего двое дѣтей... Гдѣ же третій?—„А вонъ, въ животъ растетъ“. Ну, матушка, говоришь ей: твоя жалоба вздорная... „Какъ-такъ, кричитъ баба.—Пока будутъ судъ, да дѣло, ребенокъ уже и родится“...

Отецъ Сергіевъ не только не видѣлъ и не слыхалъ о картежницахъ-солдаткахъ, но и вообще воронежская крестьянка за картами не сидитъ, въ то время, какъ мужики играютъ очень сильно.

— Около города Валуйки, есть село Казацкое... Проѣзжаю его и вижу и парни и взрослые мужики играютъ въ карты. Почему, спрашиваю — вездѣ вы играете за кладбищами. „Дома жена“,—говорятъ. „Наши бабы не дадутъ покоя игрокамъ... За ухватъ возьмутся...“

— Игра все-таки шибко развита? поинтересовался я.

— Шибко. Выроютъ парни круглую канаву и, свѣсивъ ноги, сидятъ въ ней кругомъ, а посрединѣ передъ ними остается земляной столъ. Такъ и мечутъ на немъ карты... Игра очень развивается послѣ того, какъ брошено пьянство. Чуть не шуллера завелись по деревнямъ. Надо и очень надо занять трезвый досугъ крестьянина и наукой, и чистыми удовольствіями, особенно, когда придутъ съ войны солдаты. Впрочемъ, произнесъ онъ воодушевленно: — „трезвость“ разольется повсюду, а съ нею вмѣстѣ и просвѣщеніе. Умный и трезвый народъ броситъ карты и возьметъ книгу. Побѣда надъ зеленымъ зміемъ даетъ надежду и на побѣду надъ Германцами... Я слышалъ неоднократно, какъ народъ поетъ частушку:

Эхъ, родная Русь, страна!
Извела ты пьянство,
Теперь нѣмцевъ сокруши,
Поддержи славянство.

Лицо священника дышало красотой патріотизма, которая чувствовалась и тогда, когда онъ уже грустно замѣтилъ, что духовенство нерѣдко дичится земцевъ, а тѣ—его.

— Это взаимное недовѣріе должно бы прекратиться, продолжалъ онъ.—Уфимскій епископъ недавно открыто заявилъ, что если нѣтъ у насъ церковнаго прихода, то нѣтъ и церковно-приходскихъ школъ, и есть только одно просвѣщеніе. И земскія, и церковныя школы—даютъ просвѣщеніе столь нужное народу.

— Но есть кредиты, от. Петръ, сказалъ—я. Около нихъ идетъ споръ: гдѣ они нужнѣе. Церковное просвѣщеніе даетъ церковь, а школа нужна для прикладного знаніи и общаго развитія. Крайне желательно, конечно, чтобы духовенство внесло собою въ народную жизнь и христіанскій примѣръ и христіанское ученіе. Свѣтское учительство не противъ всего этого, и охотно пойдетъ на встрѣчу живому духовенству; но оно нерѣдко обособляется и занимаетъ враждебную къ нему позицію.

— Никогда! рѣшительно заявилъ от. Петръ и мнѣ было пріятно слышать, какъ онъ опять настаивалъ на единодушіи духовенства и земствъ въ борьбѣ съ народнымъ невѣжествомъ и пьянствомъ.

Очень много говорили о приходскихъ „братствахъ“: уѣздныхъ (съ участіемъ всего уѣзднаго духовенства) и мѣстныхъ—по слободамъ и селамъ.

— Такихъ братствъ, сказалъ онъ:—4 уѣздныхъ и 40 мѣстныхъ. Къ сожалѣнію, мѣстныя маленькія братства съ изъятіемъ вина изъ продажи почти перестали работать. Народъ считаетъ ихъ лишними.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ миссіонеромъ Сергіевымъ, я узналъ, что православное миссіонерство стремится, между прочимъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ

Воронежской губерніи ослабить вліяніе секты „Новаго Израиля“ и всякаго другого сектантства.

Я не спрашивалъ о томъ, что называютъ „братства“ случаями „соблазнительнаго поведенія прихожанъ“, чѣмъ вызываются посѣщенія миссіонерами частныхъ лицъ въ ихъ домахъ и чѣмъ кончаются ихъ „дружескія бесѣды“. Если „братство“, во главѣ съ мѣстнымъ священникомъ, стремится къ единенію съ мірянами, путемъ христіанской кротости и примѣромъ собственной жизни, то, конечно, эти братства могли бы быть жизнеспособными. Въ народѣ такъ мало культурныхъ начинаній, особенно, съ девизомъ „братства“, что невольно радуешься каждому изъ нихъ.

Чрезвычайно заинтересованный этими „братствами“, я поѣхалъ въ село Истобное, Нижнедѣвицкаго уѣзда, и посѣтилъ мѣстнаго священника Стефана Мясищева.

Онъ откровенно признался въ томъ, что въ настоящее время его „братство“ не пользуется большимъ сочувствіемъ прихожанъ.

— Какъ ранѣе у меня въ „обществѣ трезвости“ было 50 человѣкъ, такъ эти же люди вошли въ составъ „братства“ и новые члены вступаютъ въ него очень туго, несмотря на десятитысячное населеніе нашего села. На это есть свои причины, но съ теченіемъ времени, съ большимъ ознакомленіемъ прихожанъ съ „братствомъ“, взаимныя отношенія улучшатся. Наша непопулярность началась съ того, что, основавши общество трезвости, я возставалъ противъ господства водки во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни, гдѣ необходимо священнодѣйствіе. У насъ, напр., поминаніе усопшихъ всегда было „поминаніемъ водкой“. Когда меня приглашали на домъ, я требовалъ, чтобы въ домѣ не было водки. Конечно, меня обманывали обѣщаніями, а когда закрыли торговлю водкой, то прихожане обви-

нили въ этомъ членовъ трезвости. Въ селахъ Кочетовка, Турово и Истобное нѣсколько лѣтъ тому назадъ вело дѣятельную пропаганду, нынѣ осужденное Московскимъ военнымъ судомъ „революціонное братство крестьянъ“. Вліяніе его также усилило недовѣріе прихожанъ къ церковно-приходскимъ задачамъ. Наше „братство“,—основанвое въ 1912 г. какъ противовѣсъ хулиганству и пьянству—заподозрѣно народомъ въ томъ, что оно преслѣдуетъ полицейскія задачи. А между тѣмъ, подкладка церковно-приходскихъ братствъ—нравственная, а не административная. Съ сектантскимъ духомъ населенія и противогосударственными ученіями мы боремся, какъ сказано въ концѣ моего отчета за 1914 г., „мирными, духовно-просвѣтительными средствами“.

Я поинтересовался сектами и спросилъ о нихъ священника.

— Сектъ у насъ нѣтъ въ строгомъ смыслѣ этого слова,—отвѣтилъ онъ.—Но сектантскій духъ очень развитъ.

— Это уже что-то новое,—подумалъ я.—По закону, преслѣдуется секта, а не ея „духъ“.

Еще болѣе меня поразило разъясненіе от. Стефаномъ „сектантскаго духа“.

— Въ чемъ замѣчается этотъ „духъ“?

— Въ неблаговѣйномъ отношеніи къ храму,—отвѣтилъ онъ.—Въ кощунственномъ отношеніи къ иконамъ, въ нарушеніи постовъ, въ работахъ по праздникамъ, въ лжетолкованіи священныхъ словъ о томъ, что не то оскверняетъ человѣка, что въ уста идетъ, а что изъ устъ исходитъ; что царство Божіе внутри насъ и т. д.

Чѣмъ болѣе священникъ говорилъ мнѣ о „сектантскомъ духѣ“, тѣмъ менѣе его слова убѣждали меня.

Мнѣ казалось, что на такой почвѣ легко измельчать и самому „братству“ и что значитъ трудовая и трезвая жизнь народа не даетъ „братству“ болѣе серьезнаго матеріала для дѣятельности. Мнѣ начинало казаться, что „братство“ предпочитаетъ своей задачѣ: „воплощать христіанское ученіе въ жизнь дѣлами любви и милосердія“ (§ 1 „Устава Истобинскаго церковно-приходскаго братства“)—болѣе легкія и несомнѣнно растяжимыя задачи, при которыхъ очень трудно исполнить завѣтъ св. Писанія: „не убивайте духа, не угашайте пророчествъ“...

Мнѣ хотѣлось болѣе положительной дѣятельности въ самомъ „братствѣ“ и видѣть собственную жизнь „братчиковъ“, гдѣ бы прежде чѣмъ говорить „Господи! Господи!“ люди шли бы мириться съ врагомъ, а въ другихъ случаяхъ умѣли бы утѣшить несчастнаго, одѣть голаго, покормить голоднаго, посѣтить заключеннаго и т. д. Мнѣ даже казалось правильнымъ, что прежде чѣмъ увѣровать въ „субботній день“, надо вѣрить въ Бога, и что въ этомъ нѣтъ никакого „сектантскаго духа“.

Я освѣдомился о „миссіонерскихъ пріемахъ“...

— Каждому члену братства,—сказалъ от. Стефанъ:—дается раіонъ мѣстности для наблюденія за появленіемъ въ приходѣ сектантства, крамольниковъ и выдающихся случаевъ соблазнительнаго поведенія. О всѣхъ таковыхъ случаяхъ они немедленно доносятъ своему священнику (§ 7 „Устава“). Но борьба эъ этимъ ведется, повторяю, словомъ увѣщеванія и пропагандою православнаго ученія всюду, гдѣ есть народъ... Въ ночномъ, на мельницѣ, въ трактирѣ, въ „потребилкѣ“... Наши „братчики“ осуществляютъ миссіонерскія задачи и печатнымъ словомъ, раздавая книжки противосектантской и противосоціалистической литературы.

Меня также немножко удивило то, что онъ нашелъ такую литературу въ народѣ...

— А какъ же!—перебилъ онъ меня.—У насъ очень распространенъ Л. Н. Толстой и Арцыбашевъ...

— Но, эти писатели противоположны другъ другу. Одинъ — христіанинъ, другой— язычникъ („Санинъ", „У послѣдней черты")...

Мои возраженія не имѣли силы...

Истобинскій священникъ досталъ „уставъ" своего „братства" и прочелъ мнѣ § 9-й: „противники и враги церкви, кромѣ устнаго слова, пользуются, въ настоящее время, преимущественно печатнымъ словомъ, для распространенія въ народѣ, особенно по селамъ и деревнямъ, отрицательныхъ противоцерковныхъ и противогосударственныхъ ученій, а извѣстно, что подобнаго рода литература, часто, какъ искра, воспламеняетъ сердца и умы нѣкоторыхъ изъ православныхъ, особенно колеблющихся и плохо наставленныхъ въ догматахъ своей вѣры".

Я внимательно прослушалъ текстъ означеннаго параграфа и все-таки недоумѣвалъ, гдѣ же въ нашемъ скромномъ народѣ эти „враги церкви" и эта „сектантская литература".

Религіозная жизнь русскаго народа всегда была лучше застоя и подозрѣнія религіозной чистоты въ народныхъ массахъ, конечно, ослабляютъ популярность церковно-приходскихъ братствъ.

Впрочемъ, самъ свящ. Стефанъ вѣритъ, что отношенія прихожанъ къ „братчикамъ" начинаютъ измѣняться къ лучшему, со времени запрещенія торговли спиртными напитками. Онъ очень много говорилъ о религіозномъ энтузіазмѣ братчиковъ и я самъ невольно заражался его увѣренностью.

Меня радовало, что духовенство уже не безучастно

относится къ бытовому и умственному состоянію народа; что оно перестаетъ быть „кастой" и принимаетъ къ сердцу народныя нужды внѣ требъ и догматовъ.

Меня даже огорчило недовѣріе истобинскихъ обывателей къ моимъ словамъ объ активномъ духовенствѣ.

Одинъ изъ нихъ энергично возразилъ мнѣ:

— На словахъ вы правы... Было бы хорошо, если бы „Братство" было и наше, и ваше, а въ дѣйствительности это будетъ только „батюшкино". Если у насъ будетъ народный домъ, то „батюшки" и станутъ въ немъ хозяева, а намъ, всѣмъ жителямъ, нечего будетъ дѣлать въ немъ. На это слѣдуетъ обратить вниманіе. На бумагѣ „братства" стоятъ и земскій, и губернаторъ, и учитель, а на дѣлѣ „цѣлаго" на будетъ, а одно только духовенство. А на „житіяхъ" многаго въ нашей жизни не сдѣлаешь. „Братчики" и міряне— это уже партійность, а надо одно цѣлое.

Я не хотѣлъ спорить съ предположеніями о будущемъ, и желая думать по хорошему, я радушно разстался со священникомъ Истобинскаго „братства".

Въ томъ же селѣ живетъ другой священникъ Александръ, состоящій при мѣстной церкви болѣе 32 лѣтъ и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ не принимаетъ участія въ „братствѣ".

— У меня, сказалъ онъ просто: есть церковное попечительство, есть ясли и для меня довольно. Я не мѣшаю дѣлу отца Стефана, живемъ мы съ нимъ дружно, но постановленія „братства" не всегда исполнимы. Вотъ и въ прошломъ году онъ письмомъ увѣдомилъ меня, чтобы я въ церкви просилъ прихожанъ не работать въ полѣ всю страстную недѣлю, а молиться Богу. Но развѣ мыслимо нашему крестьянину и въ страстную недѣлю, и въ Пасху оставить весенніе посѣвы? Это его разоритъ. Я сказалъ свое мнѣніе

отцу Стефану, а тотъ говоритъ, что это постановленіе братства... Да вѣдь предсѣдателемъ онъ же состоитъ! Такъ я и не могъ исполнить желаніе „братства“.

Послѣ бесѣды съ от. Александромъ, я зашелъ въ Истобинское кредитное товарищество, предсѣдатель котораго, по вопросу о пьянствѣ, сказалъ:

— Населеніе Истобнаго ходитъ на заработки: на Кавказъ, преимущественно, въ Кубанскую область, около Армавира, на косьбу травъ, пшеницы, молотьбу... Изъ пятьсотъ человѣкъ одна треть, если не больше, ходитъ прямо въ разгулъ. Прежде всѣ они забирали у насъ изъ кассы ссуды подъ отхожіе промысла, но ссуды и заработки ими пропивались; а теперь безъ водки эти ссуды и заработки были возвращены исправно и работники явились домой съ деньгами. Притокъ денегъ (непропитыя деньги и казенное пособіе солдаткамъ) отражается и на вкладахъ кредитнаго товарищества. Они возросли. Мы уплатили также и долгъ купцу Сидорову въ 20 тысячъ. Крестьяне также берутъ ссуду осторожно и трятятъ также осторожно. А прежде и до дому не всякій доносилъ ссуду.

XIII.

Независимо отъ войны, отсутствіе водки, само по себѣ, дѣйствуетъ на массы всегда облагораживающимъ образомъ. Подозрительность народа по случаю сдачи Перемышля. Неплатежи... „Что-нибудь да будетъ послѣ войны“. Не суммы, а число вкладовъ въ кассы растетъ. Сѣрый крестьянинъ несетъ деньги въ банкъ. Сообщеніе о денежности крестьянъ, о вольностяхъ „солдатокъ“ и кризисѣ въ кредитныхъ товариществахъ.

Съ милѣйшимъ акцизнымъ чиновникомъ В. И. Новосельскимъ, наблюдательнымъ и образованнымъ

человѣкомъ, я поѣхалъ „На дѣвицу“, какъ говорятъ здѣсь ямщики, когда нанимаешь ихъ со станціи желѣзной дороги въ уѣздный городъ Нижнедѣвицкъ.

Заѣхавъ въ уѣздную Земскую Управу, я засталъ въ ней предсѣдателя, А. И. Харкѣевича, который какъ-то торжественно произнесъ:

— Мы не узнаемъ деревню, когда въѣзжаемъ въ нее и когда выѣзжаемъ... Это независимо отъ того, что масса народа на войнѣ. Отсутствіе водки и на большинство дѣйствовало бы отрезвляющимъ и облагораживающимъ образомъ. Это непремѣнное условіе... Тутъ двухъ мнѣній не можетъ быть. Трезвый и облагороженный народъ будетъ и продуктивнѣе и бережливѣе, и добросовѣстнѣе. Вотъ послѣ войны непремѣнно надо будетъ привлечь вернувшійся народъ съ войны къ дѣловымъ занятіямъ и чистымъ развлеченіямъ. А если—чего избави Богъ—водка опять напомнитъ народу 1905 годъ, тогда и образованіе и развлеченія не успокоятъ народъ. Безпокойству народной мысли содѣйствуютъ уже и въ настоящее время уступки врагамъ обратно Перемышля и слухи о предательствѣ господъ Масоѣдовыхъ: выдумки о сорока закованныхъ генералахъ, якобы виновныхъ въ уступкѣ Перемышля и перевезенныхъ черезъ г. Воронежъ на смертную казнь и т. д. Народъ безозначительно ищетъ отвѣтственности лицъ за событія, волнуется и близокъ къ подозрѣніямъ на всякаго рода „сюртучниковъ“. Все стало иное. Теперь нужны школы, образованіе, газеты и свободное критическое обсужденіе общественныхъ событій, во избѣжаніе кривотолковъ и легендъ.

Съ представителемъ мелкаго кредита разговоръ тоже не былъ лишенъ злободневнаго интереса.

— На общемъ собраніи кредитнаго товарищества,—сказалъ онъ:—члены были пьяные, а теперь трезвые;

потребности въ кредитѣ въ настоящее время не существуетъ: нѣтъ народа, но есть непрожитыя деньги, есть опасеніе покупать дорогой товаръ и дѣлать изъ него запасы, и всюду идетъ сокращеніе хозяйства. Воздерживаются и отъ возобновленія аренды земель на будущее время. А деньги есть, вклады растутъ такъ же, какъ и застой въ расходахъ кассъ мелкаго кредита. Уплата долговъ иногда не поступаетъ только потому, что народъ убѣжденно говоритъ: „что-нибудь будетъ послѣ войны"! Этотъ неплатежъ ссудъ вызывается не недостаткомъ денегъ, а слухами о томъ, что можно деньги не платить и что, въ такое тяжелое время, кредитное товарищество не рискнетъ продавать имущество неплательщиковъ. Поддерживаются преувеличенныя надежды и письмами солдатъ съ войны о томъ, что имъ, какъ защитникамъ родины, недоимки простятся. У насъ до сорока тысячъ неуплаченныхъ ссудъ. Но все это поправится и уладится... Не дай Богъ только опять вернуться къ старому. У насъ даже бывшіе пьяницы боятся только того, чтобы не разрѣшили послѣ войны пить водку.

Я спросилъ его въ заключеніе, что дѣлаетъ само земство для утвержденія народа въ трезвости. Предсѣдатель искренно отвѣтилъ:

— Добрыхъ пожеланій у насъ много, но до общаго собранія осенью мы не можемъ осуществить нѣкоторыя намѣренія. Мечтаемъ мы и о подвижномъ музеѣ, и о систематическомъ курсѣ чтеній и т. д. Люди у насъ есть и деньги найдутся у общаго собранія г.г. гласныхъ. Наше земство довольно живое и отзывчивое.

Слѣдующая на нашемъ пути была деревня „Никольское". Здѣсь я услышалъ характерное мнѣніе о томъ, что прежде многоземельный мужикъ сдавалъ землю въ аренду, а теперь не сдаетъ ее, а самъ обрабаты-

ваетъ; прежде сдавалъ и бралъ деньги на выпивку, а теперь этого уже никто не дѣлаетъ.

Въ огромной деревнѣ „Семидесятное" учитель школы, М. А. Кузнецовъ, бывшій членъ второй Государственной Думы, говоритъ, что къ нему нерѣдко обращаются крестьяне съ наивной просьбой:

— Къ нашему празднику не откроютъ ли „казенку"? Похлопочи, пожалуйста, чтобы ее не было у насъ. И хорошій плотникъ ходилъ прежде въ опоркахъ и рваной поддевкѣ, а теперь у всѣхъ завелись деньги, и всѣ преумылись... Не хотимъ стараго.

Будучи распорядителемъ кредитнаго товарищества, г. Кузнецовъ говоритъ, что теперь менѣе берутъ ссудъ, а больше дѣлаютъ вклады.

— Не суммы больше, а число вкладовъ больше, пояснилъ онъ.—Прежде несли крупные вклады купцы, а теперь сѣрый крестьянинъ несетъ. Его вклады мелкіе, но ихъ больше числомъ. Даже досрочная уплата явилась: ноябрьскую уплату уплатили уже въ апрѣлѣ и маѣ. Прежде передъ праздникомъ брали и маленькія ссуды на „винополію", а теперь не берутъ совершенно.

Возвращаясь обратно въ Воронежъ, мнѣ съ моимъ спутникомъ Новосельскимъ едва не пришлось погибнуть въ крестьянскомъ колодцѣ. Въ жаркій степной день лошади пріутомились и захотѣли пить. Почуявъ въ сторонѣ отъ дороги колодецъ, онѣ свернули съ пути, подхватили и бросились къ нему по крутому спуску. Кучеръ, 13 лѣтній мальчикъ, заревѣлъ благимъ матомъ, чувствуя, что не можетъ удержать лошадей, а мы, ничего не размышляя и не зная, какъ помочь дѣлу, выпрыгнули изъ тарантасика. Я ударился плечомъ о землю и получилъ сильное растяженіе связокъ. Между тѣмъ, лошади миновали обрывъ сбоку горы и

мчались, по ихъ разумѣнію туда, куда имъ слѣдовало: около самаго колодца онѣ остановились вкопанными и ждали угощенья свѣжей водицей.

По возвращеніи въ Воронежъ, я зашелъ въ Губернскую Земскую Управу. Ея предсѣдатель, В. Н. Томановскій, въ крайне обстоятельной рѣчи познакомилъ меня съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи, въ связи съ отсутствіемъ водки и, между прочимъ, обратилъ вниманіе на то, что деньги у крестьянъ есть...

— Это видно изъ того, что передъ заводами и складами черепицъ и бетоновъ, толпы мужиковъ стоятъ длинными рядами, ожидая очереди, какъ за билетами на Шаляпина. Взносъ въ Земскую Управу идетъ тоже обычно и мы не жалуемся. Солдатки не всегда вносятъ, потому что онѣ надѣются съ нихъ не будетъ взыску. Онѣ франтятъ, пьютъ чай въ чайныхъ, и ждутъ только своихъ выгодъ у начальства. Для васъ будетъ интересенъ также кризисъ кредитныхъ товариществъ... Ничего такого не бывало ранѣе. Вклады ростутъ, а ссуды сокращаются, т. е. сокращаются кредитныя операціи. Проценты на вклады товарищество должно платить, а капиталы не расходуются. Создается небывалое явленіе.

XIV.

От. Тихонъ въ селѣ Выкрестово.—Что нравится въ чтеніяхъ русскому народу?—„Туманный домъ"...—Народный домъ.—Одиночество от. Тихона на народной нивѣ.

Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ въ село Выкрестово и Усмань, Воронежскаго уѣзда. Здѣсь бросается въ глаза совмѣстная дѣятельность духовенства, земства и чиновъ акцизнаго вѣдомства.

Казалось, что мѣстные люди идутъ навстрѣчу опасности, которая грозитъ намъ, если съ отнятіемъ у народа водки онъ останется такимъ же непросвѣщеннымъ мужикомъ, какимъ былъ ранѣе.

Русскій народъ хочетъ не только работать, ѣсть и спать, но также и духовной жизни, съ ея научнымъ, эстетическимъ и гражданскимъ содержаніемъ.

Новыя силы, которыя вернутся съ войны, будутъ утѣшены, встрѣтивъ, взамѣнъ спиртныхъ напитковъ, культурную жизнь у себя дома. Въ обновленной деревнѣ каждый человѣкъ долженъ быть трезвымъ, трезвымъ уже не по чужой волѣ, а по собственной. Тогда возвратъ къ прошлому будетъ не мыслимъ и для новыхъ массъ.

Я пріѣхалъ въ Выкрестово къ священнику Тихону Черницкому, который принялъ меня и двухъ моихъ спутниковъ изъ акцизнаго управленія безъ признаковъ суетливости или подозрительности, какъ часто это бывало въ домахъ другихъ священниковъ. Отецъ Тихонъ, лѣтъ 45, былъ красивымъ и высокимъ мужчиной, съ крупными чертами лица, большимъ ртомъ и холодными, самоувѣренными глазами. Видимо, онъ привыкъ къ тому, чтобы его слушали, чтобы ему повиновались, а если не хотятъ — то онъ одинъ достигнетъ своихъ цѣлей, благодаря краснорѣчію, природному уму и, повидимому, безкорыстію.

Сидя на балкончикѣ въ тѣнистомъ садикѣ, я слушалъ его разговоръ съ В. Н. Щепетильниковымъ и И. Л. Свищевымъ, которые ѣхали въ с. Усмань читать крестьянамъ лекцію съ волшебнымъ фонаремъ и кинематографомъ Коха.

Когда рѣчь зашла о внѣшкольномъ образованіи, от. Тихонъ тотчасъ же заставилъ всѣхъ насъ слушать его одного:

— Крестьяне, произнесъ онъ:—во-первыхъ, не любятъ описанія красотъ природы и переживанія родства съ нею интеллигентныхъ писателей. Это все не мужицкія чувства. Если онъ любитъ природу, то болѣе просто: идетъ дождь въ маѣ, онъ говоритъ, что сыпятся съ неба рубли и любуется этой картиной природы. „Тысячный дождь“, говоритъ онъ въ восторгѣ. Май дождливый—годъ хлѣбородный... Задымилась рожь по вѣтру—это идетъ золотисто-сѣрое опыленіе ржи: каждая тычинка оплодотворяется и зрѣетъ зерно... Тяжелая красота, но сердечная и сильная, перебивъ самого себя, воскликнулъ от. Тихонъ.

Онъ вернулся къ прежней темѣ о внѣшкольномъ образованіи:

— Народъ любитъ, чтобы въ разсказѣ для чтенія не было длиннотъ ни въ описаніи характера, ни обстановки. Ему давай скорѣе дѣйствіе. Сценичность! Лучше сократить чтеніе, но скорѣе взбирайся на гору и говори, что тамъ такое дѣлается. Еще болѣе онъ торопится къ развязкѣ, когда узнаетъ приключеніе, и наконецъ, онъ очень равнодушенъ къ „котамъ въ сапогахъ“ и другимъ сказкамъ.

— А что же по содержанію нравится народу? спросилъ я.

— Нравятся, быстро отвѣтилъ онъ:—всѣ разсказы на нравственные мотивы. Сердечная отзывчивость писателя близка народному сердцу. „Сиротка Даша“, самая несчастная, но она помогаетъ всѣмъ; „Докторъ Гаазъ“—человѣкъ высокаго положенія и большого состраданія даже къ арестантамъ. Героизмъ тоже нравится крестьянину. У кулака бѣднякъ батракъ рискуетъ своей жизнью, спасая во время пожара дочь безсердечнаго хозяина. Великодушіе и прощеніе тоже очень нравятся. „Отецъ Кронидъ“, обезоруживающій грабителя лаской и кротостью, читается охотно. Разсказы по исторіи, естествознанію и агрономіи крестьяне любятъ слушать, но сами не читаютъ ихъ... Если будете разсказывать, то народъ коломъ не выгнать изъ зала. Бесѣда нужна, живое слово къ прочтенному...

— Ну, а газеты какъ читаются въ народѣ? спросилъ кто-то изъ насъ.

Отецъ Тихонъ задумался и отвѣтилъ не разомъ.

— Конечно, читаютъ про войну прежде всего, а потомъ про убійства и хулиганство. Народъ любитъ тревожить свое воображеніе приключеніями. Это вліяніе на толпу не нравилось мнѣ.

— А замѣтно, спросилъ я:—что народъ потянулся къ газетѣ?

— Очень. Послѣ водки онъ потянулся и къ газетѣ, и къ картамъ... Тутъ нѣтъ странности. Газета занимаетъ человѣка на минуту, а потомъ мужикъ бросаетъ ее и остальное время у него идетъ на карты.

— А если бы онъ шелъ къ вашему „дѣтищу“, продолжалъ я,—указавъ священнику на народный домъ, который стоялъ противъ его квартиры недостроеннымъ, но уже съ красивымъ фасадомъ.

Отецъ Тихонъ радостно оживился и воскликнулъ счастливымъ голосомъ:

— Это правда, мое дѣтище. Радуетъ оно меня, но ростетъ ужь очень медленно. Денегъ нѣтъ на его питаніе. Личными силами, моими просьбами да добровольными приношеніями прихожанъ, строимъ мы его. Крестьяне даромъ возятъ матеріалъ, даромъ работаютъ и только земствомъ дано было на первую закладку дома двѣ тысячи рублей. А вотъ видите, онъ уже о четырехъ стѣнахъ и въ немъ уже отведены комнаты и для чтеній, и для сцены, и для библіотеки, и для кооперативовъ... Задумано широко, но доведу ли я его

до конца—Богъ знаетъ. Просилъ я помощи у богатыхъ людей и въ комитетахъ трезвости, да толку мало. А между тѣмъ, народный домъ—это матка въ ульѣ пчелъ: это все изъ чего выростетъ и обновится деревня... Я можетъ быть увлекаюсь, но это увлеченіе необходимо мнѣ, чтобы выстроить домъ и вѣрить въ его миссію. Народъ полюбитъ то мѣсто, гдѣ онъ научится уму-разуму, и гдѣ отдохнетъ его сердце. Я вижу это въ школѣ на дѣтяхъ. Они съ необыкновенной любовью приготовляются къ елкѣ въ школѣ, къ пѣнію на дѣтскихъ праздникахъ и для нихъ нѣтъ ничего ужаснѣе исправительнаго наказанія, если сказать виновному, что ты не будешь участвовать въ елкѣ, не будешь имѣть роли въ театрѣ или не будешь пѣть въ хорѣ... Это самое большое для шалуна горе. Если онъ изъ года въ годъ привыкнетъ видѣть въ народномъ домѣ и театръ, и пѣніе, и образованіе, то когда онъ выростетъ, у юноши возникнетъ связь съ народнымъ домомъ и учительствомъ... Онъ всегда будетъ имѣть здѣсь и повторные курсы, и новые; онъ всегда здѣсь найдетъ и библіотеку и лекторовъ... Надо только, чтобы въ устроеніи народныхъ домовъ, а главное въ веденіи ихъ, участвовалъ самъ народъ, какъ онъ участвуетъ и въ кооперацiяхъ.

Я слушалъ священника съ большимъ вниманіемъ и удивлялся про себя тому, что никто не пришелъ до сихъ поръ на помощь такому идейному дѣятелю на народной нивѣ.

Онъ самъ грустно смѣялся надъ своею судьбой.

— Крестьяне не знаютъ еще хорошо, что строитъ ихъ священникъ... Трогательно, когда они везутъ сюда строительный матеріалъ и, не видя конца постройки, говорятъ мнѣ: „Чего ты все строишь? Самъ не знаешь. Туманный домъ твой“...

— Народный домъ, говорю...

— Что-жъ это? Сажать насъ туда будутъ?

Священникъ смѣялся самъ этой исторіи народнаго дома, выстроеннаго мужицкой самопомощью, а мнѣ, всматриваясь въ его воодушевленное смѣлой мыслью лицо, казалось, что я присутствую при зарожденіи великихъ драмъ Ибсена на русской почвѣ. Какими маленькими схоластиками передъ этимъ „Брандомъ“ стали казаться мнѣ множество другихъ лицъ, съ которыми судьба меня сталкивала въ разныхъ губерніяхъ.

Послѣ бесѣды съ от. Тихономъ, я поѣхалъ въ деревню „Усмань“, гдѣ мои спутники должны были читать въ сельской школѣ для народа съ волшебнымъ фонаремъ „Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ“ Лермонтова и чей-то разсказъ: „Безъ вина—одно горе, а съ виномъ—старое одно да новыхъ два“. Чтеніе привлекло множество народу, несмотря на рабочую пору.

Разговаривая объ этомъ уже въ Воронежѣ съ г. Новосельскимъ, я услышалъ отъ него интересное мнѣніе.

— Если—говорилъ онъ:—къ крѣпкимъ напиткамъ прибѣгаютъ для полученія чувства удовольствія, разнообразія и богатства впечатлѣній, то единственно раціональными мѣрами для предотвращенія пьянства естественно являются мѣры просвѣтительнаго характера (вечерніе курсы, воскресныя школы, курсы по кустарному производству и различнымъ ремесламъ, народныя чтенія и бесѣды для взрослаго населенія, народные дома, библіотеки-читальни, чайныя-читальни, музеи, кинематографы) и въ то же время такія, которыя въ психическомъ отношеніи равнозначущи алкоголю, т. е. вызывали бы въ народѣ тѣ же чувства, что и алкоголь: чувство удовольствія и разнообразіе и богатство впечатлѣній, захватывали бы его собою и за-

ставляли отрѣшаться отъ повседневной жизни. Такими свойствами вызывать въ душѣ человѣка эстетическія чувства обладаетъ искусство, а потому необходимо стремиться къ распространенію среди народа демократизированнаго искусства (народный театръ, народный хоръ, народный оркестръ, литературно-музыкально-вокальные вечера для народа, спортивные кружки, народные праздники, праздники древонасажденія, дѣтскія площадки).

Встрѣтивъ во мнѣ полное сочувствіе своимъ словамъ, онъ продолжалъ разговоръ о томъ же укрѣпленіи въ народѣ трезвости; при чемъ выяснилось, что г. Новосельскимъ велись бесѣды съ священниками Нижнедѣвицкаго собора и церквей селъ Першина, Синихъ Липяговъ, Хорошилова, Архангельскаго, Дмитріевскаго, Солдатскаго, Городища, Шаталовки, Краснаго, Истобнаго и Семидесятнаго о внушеніи крестьянамъ не употреблять крѣпкихъ напитковъ при свадьбахъ, крестинахъ, общественныхъ помочахъ и работахъ. Онъ также настаивалъ объ учрежденіи при церквахъ обществъ трезвости, приходскихъ попечительствъ и ихъ содѣйствіи въ борьбѣ съ нетрезвостью, о собесѣдованіи духовенства съ прихожанами въ праздники послѣ вечерни. Духовенствомъ выражена была полная готовность содѣйствовать укрѣпленію въ народѣ трезвости. Но при этомъ иногда проскальзывали замѣчанія, что борьба съ нетрезвостью составляетъ обязанность полиціи и низводитъ пастырей церкви на степень полиціи неудобно, что для духовенства является недоумѣнными новыя функціи акцизныхъ чиновниковъ, а однимъ изъ священниковъ высказано было, что народъ нужно не развлекать, а пріучать къ труду, такъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и потому пьянствуетъ и что поученіе народа—дѣло пастырей церкви, а не

свѣтскихъ лицъ, которые могутъ распространить Бунаковскія идеи, какъ было въ 1905 году.

XV.

По Дону. Городъ Павловскъ. Слобода Елизаветовка и ея священникъ Ев. Чернышевъ. Слобода Петровка и ея свящ. Вас. Владиміровъ. Петровскія слободы; Пузово, Клеково и Гвозда... Петровскій народъ.

Отъ станціи Лиски за Воронежемъ я поѣхалъ въ городъ Павловскъ на пароходѣ по Дону. Тихая рѣка имѣетъ съ правой стороны мѣловыя горы, а съ лѣвой—небольшіе лѣса. Не доѣзжая Бѣлогородскаго монастыря, по берегу Дона, тянется владѣніе г.г. Тевяшевыхъ и въ ихъ имѣніи „Колыбельки“ устроенъ на собственныя средства Ев. Ник. Тевяшевымъ народный домъ, въ которомъ была и сцена, и аудиторія для народнаго чтенія, и библіотека. Послѣ его смерти народнымъ домомъ перестали заниматься и онъ былъ переданъ церковному попечительству. Завѣдывающій имъ священникъ обратилъ народный домъ въ пріютъ для страдающихъ хроническими болѣзнями и народный домъ утратилъ свое назначеніе.

Одинъ изъ совладѣльцевъ, Вл. Н. Тевяшевъ, съ которымъ я познакомился на пароходѣ, грустно замѣтилъ:

— Все было заведено моимъ братомъ и держалось имъ... Были и при немъ недостатки: деревенская молодежь всю ночь гуляла въ народномъ домѣ, а надо, чтобы гулянье было до опредѣленнаго часа. Но молодежь охотно слушала концерты и чтенія. Теперь и въ другихъ мѣстахъ заводятся даже путешествующіе ки-

нематографы и возводятся народные дома, а у насъ онъ заглохъ.

Я сочувствовалъ сѣтованіямъ старика, которому, конечно, было извѣстно, что въ селѣ „Лѣвая Россошъ“, Коротоякскаго уѣзда, кредитное товарищество строитъ народный домъ, ассигнававъ на него большую сумму денегъ. Хохольское (с. Хохолъ) кредитное товарищество дѣлаетъ тоже самое; въ Богучарѣ есть народный домъ, во многихъ слободахъ—коммерческія собранія, члены которыхъ состоятъ изъ крестьянъ.

На томъ же пароходѣ я разговорился съ простонародьемъ и пришелъ къ выводу, что какъ среди москалей, такъ и хохловъ водку пили болѣе тамъ, гдѣ было болѣе бѣдности и менѣе достатка.

Одинъ изъ сѣрыхъ мужиковъ, видимо изъ обѣднѣвшихъ, ѣдущій зарабатывать деньги на Кавказъ, точно кого-то оспаривая, произнесъ:

— Еслибъ народъ былъ пропившимся, то онъ такъ скоро не примирился бы съ лишеніемъ водки и не молилъ бы Бога, чтобы и впредь не было ее. Народъ нашъ не столько пилъ, сколько соблюдалъ дурной обычай: пить при случаѣ... Бѣднякъ и тотъ бралъ для свадьбы двѣ четверти вина: одну себѣ, а другую—попу. Онъ бы и не пилъ, да нельзя. Обычай нашъ... Да, бѣднякъ и не жалѣетъ послѣднюю копѣйку. Безъ нее или съ ней—все одно, не выдти ему изъ нужды. Копѣйка не бережетъ рубля, а рубли берегутъ доходъ.

Меня начинали интересовать взгляды моего спутника, который, очевидно, ранѣе не много привозилъ съ Кавказа копѣекъ домой. Не надѣясь поправить ими свое положеніе и предпочитая, послѣ полевыхъ трудовъ, повеселиться короткое время на сбереженія, онъ утѣшался поговоркой всѣхъ несчастныхъ: „хоть часъ—да мой. Каковъ есть, такимъ и останусь“. Не смотря, однако, на собственное мотовство, онъ энергично защищалъ народъ отъ обвиненія въ непрерывномъ пьянствѣ.

— Теперь—смѣясь продолжалъ онъ:—народъ водку да селедку смѣнилъ на хлѣбъ съ сахарнымъ пескомъ. Нанимаясь въ работники, онъ прежде выговаривалъ себѣ стаканъ водки и селедку на закуску, а теперь водки нѣтъ, селедку запивать плохой водой не хорошо—ну, и стали работники выговаривать себѣ хлѣбъ съ сахарнымъ пескомъ... Добро. Совсѣмъ иначе стали рѣшать. Мухобоя совсѣмъ не стало на работѣ и на улицѣ.

— А одеколонъ пьете?

Рабочій-косарь опять беззаботно засмѣялся, признаваясь:

— Выпьешь его—пьянъ, а завтра выпьешь стаканъ воды—опять пьянъ... Добро. Шестьдесятъ въ немъ градусовъ спирта. Ну, а съ керосина пьянъ не будешь, а жжетъ... Загорится внутри лучше, чѣмъ отъ винограднаго вина. Послѣднее-то не забираетъ и не царапаетъ внутренности, а только холодно... Въ г. Павловскѣ виноградное вино продаютъ въ лавкахъ, да мужики въ деревняхъ его не уважаютъ. Вотъ „Авражій“ *) спиртъ, вмѣсто натиранья, пьемъ и мы.

Въ г. Павловскъ пароходъ прибылъ довольно поздно. Было уже десять часовъ ночи, но мѣстный акцизный надзиратель сказалъ, что у него на квартирѣ меня ждутъ исправникъ и предсѣдатель уѣздной Земской Управы. Зная, что Павловское земство и администрація были наиболѣе косны въ отрезвленіи народа и ничего не сдѣлали для борьбы съ зеленымъ зміемъ, я

*) Въ г. Павловскѣ былъ докторъ Авражіо, который прописывалъ для натиранія спиртъ.

нѣсколько удивился готовности представителей г. Павловска удѣлить мнѣ даже ночное время для бесѣды съ ними.

Эта бесѣда, однако, не была продолжительной.

Исправникъ завелъ особыя карточки, безъ которыхъ жителямъ г. Павловска нельзя покупать одеколонъ для туалета и злоупотреблять имъ.

— Съ аптекой труднѣе бороться,—сказалъ онъ.— Если покупки гофманскихъ капель въ день возросли до ста случаевъ, а ранѣе и двухъ—трехъ не было— то значитъ ими опьяняются. А какъ не продавать эти капли, если онѣ нужны въ каждомъ домѣ?

О свободной продажѣ виноградняго вина въ г. Павловскѣ онъ отозвался такъ, что бутолочка-другая уже проникаетъ и въ деревни, но покуда очень мало. Что касается картежничества, то оно усиливается, даже съ шулерствомъ; но среди мѣстныхъ солдатокъ картежницъ не замѣчается.

— Цѣны на рабочія руки страшно возросли, продолжалъ онъ.—Прежде женщина получала въ день 40 коп,, а нынѣ 75 коп. и даже рубль. Солдатки идутъ на заработки и, кромѣ того, получаютъ казенный паекъ. Всѣ ихъ получки распадаются въ нашей мѣстности приблизительно такъ: часть вносится въ банкъ, часть идетъ на наряды, часть на наемъ рабочаго для полевыхъ работъ и остальная часть на содержаніе себя и дѣтей На карты нѣтъ денегъ.

Предсѣдатель управы все время молчалъ и, видимо, ввѣренное ему земство беззаботно относится къ новому быту крестьянъ. На вопросъ о мѣрахъ къ утвержденію трезвсости, онъ дипломатично сказалъ, что всѣ средства земства идутъ на войну.

На другой день я выѣхалъ въ слободу Елизаветовку.

Мѣстный священникъ от. Евгеній Чернышевъ радостно отозвался:

— Неправильны слова Св. Владиміра о томъ, что на Руси веселіе—пити есть... Теперь у насъ веселье въ трезвости и трудолюбіи. Раньше всякій думалъ, что никакого дѣла нельзя сробить безъ горилки, а теперь не треба ее. Не якъ не треба! На иномъ пьяницѣ и кожуха въ поминѣ не было, а теперь надѣтъ. Прежде изъ церкви шли по шинкамъ, а теперь въ волость читать газеты.

— А карты?—спросилъ я.

Все что имѣетъ связь съ запрещеніемъ винной торговли,—перебилъ священникъ: все одно хорошоее, а карты были и раньше. Боже сохрани, если опять откроютъ лавки.

— А какъ свадьбы идутъ безъ водки?

— Квасовъ у насъ нѣтъ, но фруктовую воду пьютъ... Поганый обычай. Непремѣнно пить, когда невѣсту поздравляютъ и когда она сама подноситъ. А всѣ эти сидры сдѣланы на сырой водѣ, выпиваютъ много и у всѣхъ потомъ животы болятъ. Пьютъ сначала даже по рюмочкѣ, какъ будто горилку, а потомъ хозяинъ кричитъ жинкѣ, чтобы она въ миску лила, да ложки несла... Ну, и напрутся этой воды, и хвораютъ послѣ сильно. Но и это лучше, чѣмъ прежде... Я замѣчаю, что въ пьяныхъ семьяхъ много идіотовъ среди дѣтей... И не мудрено... „Какой это праздникъ—жалуется иной крестьянинъ:—всего три раза блёвалъ, а раньше каждые полчала блевалъ...“ Неудивительно, что такой родитель нерѣдко приносилъ и больное потомство.

Нѣсколько крестьянъ, однако, отозвались о прошломъ съ сожалѣніемъ:

— Безъ горилки — погано... Обмерзъ человѣкъ на плотахъ или рыбакъ на Дону, али лошадь завалится

весной въ зажору—какъ же спасти ихъ безъ горилки? А ранѣе вытащишь лошадь изъ холодной воды, залипнетъ она вся въ ледъ, вольешь ей въ горло полбутылки водки, она и разогрѣется, и ѣдетъ опять...

Воодушевленный доводами о полезности водки, пожилой малороссъ энергично воскликнулъ:

— Ну, акъ же це буть, безъ горилки? Я хворалъ— треба горилка... Что-жь мнѣ пропадать, чи що?

Конечно, этотъ жалобщикъ не знаетъ, что во время осады Плевны солдаты замерзали, которые имѣли съ собою водку, а которые были безъ водки—выживали стужу и мятель; что тѣ войска въ дурную погоду дѣлаютъ значительно большіе переходы, которые обходятся безъ чарки водки.

Въ слѣдующей слободѣ Петровкѣ священникъ от. Василій Владиміровъ не менѣе толково посвятилъ меня въ мѣстную жизнь.

— Наше больное мѣсто—это были базарные дни, понедѣльникъ и пятница, сказалъ онъ.—А теперь никто не козыряетъ дурнымъ словомъ и три призыва прошли безъ воровства. Среди хохловъ послѣ водки нѣтъ и картежничества. Пастушенки играютъ въ три листика... Скучно имъ въ полѣ, цѣлое лѣто живутъ на полѣ со скотинкой. Ну, еще на Пасху играютъ въ яйцы, пока есть красныя яица... Короткое время. Къ войнѣ относятся одинаково: жалѣютъ, что ушелъ отецъ, ушелъ мужъ, но ропота и озлобленія нѣтъ. Всѣ посѣялись, но убирать будетъ труднѣе: рабочихъ рукъ мало, особенно косарей... Для „трезваго досуга" у крестьянъ ничего не сдѣлано. Я, какъ-то, устроилъ читальню-библіотеку, но крестьяне малограмотны и не привычны читать. Они болѣе годны слушать, чѣмъ читать. Такъ и закрылась моя читальня. Да и досуга къ чтенію очень мало. Осенью и зимой—дни короткіе, а лѣтомъ нѣтъ

времени... Какъ будто нѣтъ и надобности занимать трезвый досугъ! — воскликнулъ от. Василій. Пустого времени, послѣ уничтоженія водки, тоже нѣтъ... Иногда кажется, что мужики сидятъ по-пусту въ чайныхъ, а въ дѣйствительности и здѣсь они не бездѣльничаютъ. Эти чайныя у нихъ та же торговая биржа. Народъ у насъ не только хлѣбороды, но и кустари. Въ чайныхъ онъ наводитъ справки о цѣнахъ, о спросѣ и сбытѣ, и здѣсь же онъ получаетъ заказы. Даже зимой, у кого есть деньги, тотъ либо торгуетъ и ѣдетъ съ товаромъ по губерніи, либо беретъ лѣсную дѣлянку и разрабатываетъ ее. У кого есть лошадь, тотъ занятъ вывозкой лѣса; у кого нѣтъ лошади, тотъ работаетъ въ лѣсу топоромъ... Такъ вся зима и идетъ у здѣшняго народа. Короче скажу,—продолжалъ священникъ свою интересную рѣчь: по нашей мѣстности закрытіе торговли крѣпкими напитками не особенно сильно отразилось. Здѣшній народъ—петровскій: малопьющій и работающій со временъ Петра Великаго... Вотъ вы поѣдете далѣе и увидите казенный лѣсъ („Шиповская роща") отъ слободы Петровки до Бутурлиновки. Изъ этого лѣса Петръ Великій бралъ матеріалъ для кораблей, которые изъ Павловска сплавлялъ по Дону къ Ростову. Встрѣтите вы цѣлый рядъ деревень, связанныхъ съ трудовой дѣятельностью царя-работника: „Пузово"— это деревня, откуда крестьяне дѣлали кораблямъ пузо, самую лодку; „Клеково"—это деревня, откуда крестьяне клепали корабли; „Гвозда"—гдѣ дѣлали для кораблей гвозди и т. д. Весь нашъ путь усѣянъ петровскими слободами и деревнями, съ необыкновенно трудолюбивымъ населеніемъ. Здѣшній крестьянинъ, если бы не дождь и не праздникъ, свалился бы съ ногъ на работѣ отъ переутомленія. Онъ круглый годъ работаетъ, отдыхая только въ весеннее и осеннее ненастье... Здѣсь

народъ отмѣнно рабочій. Совсѣмъ иной, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Петровскій народъ.

XVI.

Слобода Воронцовка.—Свящ. Мих. Самецкій и его вліяніе на паству словомъ Божьимъ и поэзіей. — Богъ понятіе далъ людямъ послѣ закрытія торговли крѣпкими напитками.

Почти такой же трудолюбивый, „петровскій" народъ я встрѣтилъ и въ слободѣ Воронцовкѣ.

Мѣстный священникъ Мих. Самецкій съ похвалой отозвался о немъ:

— Обликъ народа безъ водки измѣнился. Смотришь на него, бывало, весь онъ какой-то переутомленный, чорный, а теперь процвѣтлѣлъ и въ самомъ взглядѣ явилось сознаніе. У насъ развито кустарное производство. Дѣлаютъ тарантасы, сани, колеса... Въ отхожіе промыслы ходятъ только дѣвицы на Кавказъ. Матеря у насъ не одѣваютъ дочерей. Всѣ заработки дѣвокъ идутъ на наряды. На приданое. По-городски одѣваются и франтятъ. Мужики же берегутъ рубли и несутъ въ кассу. Несутъ и несутъ, а гдѣ берутъ—удивительно.

Говоря о томъ, что въ Воронцовкѣ многіе стали выписывать газеты, свящ. Самецкій прибавилъ:

— Сказать правду, нашему Воронцовскому мастеровому—кустарю, работающему съ утра до вечера—некогда читать. Книжнымъ дѣломъ некогда заниматься.

Онъ повторилъ почти то самое, что я слышалъ отъ священника Владимірова въ слободѣ Петровкѣ о труженичествѣ мѣстныхъ крестьянъ, не имѣющихъ свободнаго времени.

— Надо бы, сказалъ свящ. Самецкій:—по праздникамъ сдѣлать, чтобы народъ гдѣ-нибудь собирался для бесѣдъ. Нуженъ народный домъ въ каждой большой слободѣ. Есть у насъ училище имени фельдмаршала Воронцова. Въ немъ возможны и бесѣды, и чтенія, но прежде инспекторъ городскихъ училищъ не разрѣшалъ занимать училище, а теперь это разрѣшено и Воронежскимъ губернаторомъ, и директоромъ народныхъ училищъ, но въ г. Павловскѣ предсѣдатель уѣздной земской управы требуетъ каждый разъ отдѣльнаго у него разрѣшенія... Будто бы онъ не можетъ дать согласіе разъ-навсегда... Говорятъ такъ о немъ. Все это тормозитъ дѣло. За неимѣніемъ куда дѣваться (нельзя же все по улицамъ таскаться) парни и дѣвки идутъ въ „Шиповскую рощу" („Корабельную рощу")... Тысячу человѣкъ идетъ, а современемъ сто человѣкъ останутся въ ней до утра, не досказывая свою мысль, священникъ замолчалъ.

Я обратилъ вниманіе на рояль въ его комнатѣ и онъ опять оживленно сталъ говорить:

— Это я съ дѣтьми музицирую... Съ крестьянскими дѣтьми. Среди нихъ много музыкальныхъ и вокальныхъ талантовъ. Въ Воронцовкѣ женщины на улицѣ не поютъ, а поютъ въ церкви. Мужчины поютъ и на улицѣ. У меня былъ хоръ изъ шестнадцати пѣвицъ, отъ 10-лѣтнихъ до 15-лѣтнихъ школьницъ. Мы уже концерты платные давали во время Японской компаніи. Вечеръ въ Воронцовкѣ давалъ до 100 руб. выручки. Мы играли дѣтскія оперы: „Снѣгурочка", „Зорушка", „Снѣгирь" и „Ласточка"... А 15 января 1915 года хоръ любителей, подъ моимъ руководствомъ, пѣлъ Черногорскій народный гимнъ („Славенъ сильный"), Сербскій („Боже сильный"), Бельгійскій („Оковы рабства разбивая"), Англійскій („Боже, на долгіе дни"), Французскій („Впередъ безъ страха"), Русскій („Боже

Царя храни") и отдѣльныя народныя пѣсни. Чистый сборъ поступилъ на военныя нужды.

Передавая подробности своей артистической дѣятельности среди Воронцовскихъ крестьянъ, престарѣлый священникъ помолодѣлъ духомъ, въ особенности, когда къ намъ пришла его жена, жизнерадостная и во всемъ ему сочувствующая. Узнавъ о цѣли моихъ странствованій по слободамъ Павловскаго уѣзда, она радостно отозвалась:

— Закрытіе торговли виномъ—торжество нашихъ бабъ, а франтятъ только „солдатки" да „гожіе"... Да какъ и не пріодѣться иной женщинѣ, если мужъ безъ водки опять зоветъ ее по имени, а прежде все „стерва, да чертовка". Богъ понятіе далъ людямъ безъ водки.

Священникъ Самецкій слушалъ жену также ласково, какъ вѣроятно онъ слушалъ ее будучи еще женихомъ... Они вмѣстѣ одновременно, съ двухъ сторонъ, повѣдали мнѣ и то, что у нихъ сочинена пѣснь про тотъ „Корабельный лѣсочекъ", куда молодежь обоего пола за послѣдніе годы любитъ ходить на прогулки до поздняго часа...

— Поютъ нашу пѣсенку, радостно продолжалъ священникъ и, по моей просьбѣ, охотно продиктовалъ мнѣ ее:

Ахъ, что же это за лѣсочекъ,
За зелененькій такой?
Ахъ, что же это за молодчикъ,
За красавчикъ молодой?
Пустилъ славушку худую,
На всю улицу позоръ...
На всю улицу позоръ—
На дѣвушку наговоръ.
И всѣ люди про то знаютъ,
Всѣ сосѣди говорятъ...
За глаза его ругаютъ,

А въ глаза ее бранятъ.
„Стытно, стыдно, дѣвченочкѣ,
Поздно вечеромъ ходить,
А стыднѣе красавицѣ
Да молодчика любить".

Конечно, дѣло не въ этой поэтической шалости священнической музы, а въ чисто юношескомъ воодушевленіи пастырской четы, убѣленной сѣдыми волосами и горящей искреннимъ желаніемъ просвѣтить свою паству и словомъ божіимъ, и поэтическимъ даромъ въ пѣснѣ и звукахъ рояля... Дай Богъ больше живыхъ и отзывчивыхъ людей въ нашей Церкви на всѣ запросы большой народной жизни.

XVII.

Слобода Бутурлиновка.—„Сапожники".—Ихъ отрезвленіе и самобытность въ религіозной совѣсти.

Изъ Павловскаго уѣзда я переѣхалъ въ Бобровскій. Въ большинствѣ его деревень и слободъ народъ не додумался до суррогатовъ спиртныхъ напитковъ и въ глухія мѣста даже денатуратъ не проникаетъ. Здѣсь я услышалъ мнѣніе трезвыхъ крестьянъ о томъ, что и тотъ народъ, который на войнѣ, будетъ теперь трезвъ, если запрещеніе торговли водкою останется по прежнему. Простую логику вещей они понимаютъ...

По пріѣздѣ въ слободу Бутурлиновку, напоминающую размѣрами уѣздный городъ, мнѣ говорили, что киндеръ-бальзамъ и зубной бальзамъ поступили въ Бобровскій уѣздъ большой партіей отъ московскаго дрогиста съ нѣмецкой фамиліей.

Говоря о немъ, бутурлиновцы поясняли:

— Гдѣ запрещенъ киндеръ-бальзамъ, туда посылали зубной, а гдѣ запрещенъ зубной элексиръ (тотъ же подкрашенный спиртъ), туда отправляли киндеръ-бальзамъ. А лучше пусть мы будемъ пьяными, а не тайными виноторговцами... А еще лучше ни тѣхъ, ни другихъ.

Случалось, что больные алкоголизмомъ спрашивали меня:

— Неужели къ нашему празднику не разрѣшатъ? Неужели до конца войны не откроютъ казенку? Неужели одинъ чай пить съ барбарисовыми конфектами или фруктовыя воды?

— Шли бы въ народный домъ и послушали, что тамъ читаютъ про водку и про тѣхъ, кто отравился ею—отвѣтилъ я...

Меня перебили тѣ же алкоголики:

— Нанимало когда-то попечительство о народной трезвости подъ народный домъ чужое зданіе... Были въ немъ читальня, библіотека, чайная... А теперь попечительство прекратило давать деньги за помѣщеніе и владѣлецъ сдѣлалъ изъ народнаго дома частную свою чайную... Вонъ въ Козловкѣ, въ 12 верстахъ отъ Бутурлиновки, священникъ Василій Богатыревъ читаетъ каждое воскресенье народу... У него свои картины и волшебный фонарь. Народъ валомъ валитъ къ нему. Теперь онъ ужъ и не объявляетъ заранѣе о чтеніи. Тогда народъ, собравшись на чтеніе, всѣ окна повыдавитъ... Вотъ учительница Голодаевской школы говорила, что на устроенномъ ею въ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи земской школы спектаклѣ для дѣтей и взрослыхъ, была такая тѣснота и духота, что не горѣли лампы, чуть не подавили дѣтей и она сама едва не упала въ обморокъ. Послѣ этого случая, вечеровъ для публики она уже не устраивала.

— Надо строить собственный народный домъ,— отозвался я.—Спросъ на чтеніе огромный и жителей у васъ около пятидесяти тысячъ.

Кто-то изъ присутствующихъ замѣтилъ, что въ Бутурлиновкѣ отлично работаетъ садъ съ кинематографомъ; имѣется общественное собраніе, куда сапожники ходятъ съ женами и грудными дѣтьми.

— Играютъ въ лото,—произнесъ съ боку меня мѣстный полуинтеллигентъ.—До войны игра была запрещена, но благодаря фокусу—отчисленія 20% съ дохода клуба въ комитетъ для раненыхъ—губернаторъ разрѣшилъ лотошникамъ играть... Мало развлеченій у народа. Теперь и въ церквахъ не хватаетъ мѣста... Прежде больше старухи, а теперь безъ водки всѣ идутъ молиться и грѣховъ стало меньше. До войны въ Бутурлиновкѣ судебный слѣдователь не выѣзжалъ изъ Бутурлиновки. Всякій день убійства среди сапожниковъ... Имѣлся у насъ и ледникъ для сохраненія убитыхъ, а теперь онъ пустой. Безъ водки прекратилась и ножевщина у сапожниковъ. Теперь если и отравится гдѣ одинъ или двое отъ политуры, то прежде въ той же деревнѣ 20 человѣкъ умирало отъ водки. Это мы забыли, а надо бы помнить.

Я сталъ распрашивать о картежничествѣ и очень былъ удивленъ отвѣтомъ „сапожниковъ".

— Пріѣзжаютъ къ намъ въ Бутурлиновку,—сказали они:—гастролеры изъ другихъ деревень въ карты играть... Вотъ и недавно пріѣхали москали изъ Орловки и обыграли кое-кого.

Въ мѣстномъ кредитномъ товариществѣ я узналъ о сокращеніи вообще торговыхъ обществъ, не смотря на увеличеніе вкладовъ.

— Уходя на войну, сапожники оставшіеся у нихъ деньги вносятъ въ кредитное товарищество; рыноч-

ная торговля сапогами въ самой Бутурлиновкѣ уменьшилась... Сапожники работаютъ на армію, но не для рынка и потому деньги мелкихъ скупщиковъ остаются неизрасходованными и вносятся въ кассу товарищества. Наконецъ и непропитыя деньги идутъ въ ту же кассу. А выдача денегъ сократилась: некому давать и нѣтъ нужды въ деньгахъ. Кустарь-сапожникъ избавился отъ скупщика, имѣя военные заказы, а хулиганства и совсѣмъ нѣтъ, будто что и не было его.

Многихъ сапожниковъ я спрашивалъ и о церковно-приходскихъ „братствахъ". Они знали, по слухамъ, о наблюденіи духовенствомъ за нравами обывателей и не мирились съ „цензурой нравовъ".

— Никакое „братство" въ Бутурлиновкѣ существовать не можетъ,—восклицали многіе раздраженно и безсвязно.—Чтобы кто-то другой сдѣлалъ хорошее, а чтобы ихъ собственныя имена красовались, а сами они ничего не дѣлаютъ... У насъ полное къ нимъ недовѣріе. Никакимъ престижемъ теперь не пріобрѣтешь его. Были и у насъ запросы, а отвѣтовъ никогда...

По отрывочнымъ словамъ взволнованныхъ ораторовъ я догадывался, что они ожесточены всякимъ намекомъ о сектантствѣ среди нихъ и помнятъ хорошо Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости. Сами они даже терпимо относятся къ жителямъ села Озерки въ тридцати верстахъ отъ Бутурлиновки. По ихъ разсказамъ, тамъ живутъ русскіе мужики, но исповѣдующіе еврейскую вѣру (Талмудъ). Эти „еврействующіе славяне" болѣе евреи, чѣмъ сами евреи и, тѣмъ не менѣе, бутурлиновскіе сапожники утверждаютъ, что это никому не мѣшаетъ жить и „когда Богъ дастъ понятіе, тогда человѣкъ самъ исправится"...

XVIII.

Въ полиціи.—На фабрикахъ.—У нотаріуса.

Интересуясь вопросомъ, какъ отразилось на мѣстахъ запрещеніе торговли крѣпкими напитками, я объѣздилъ Орловскую губернію и всюду слышалъ, какъ въ деревняхъ народъ благословляетъ конецъ „смертной чаши", подразумѣвая подъ этимъ водку. Всюду замѣчается матеріальный и нравственный подъемъ населенія. У крестьянъ завелись деньги, и послѣднія обильно поступаютъ, въ видѣ вкладовъ, въ кредитныя товарищества. Наблюдавшееся раньше хулиганство почти вовсе прекратилось, и преступленія противъ чужой собственности и личности стали рѣдкими явленіями. Семейная жизнь стала протекать покойнѣе. Правда, въ деревняхъ стали распространяться азартныя игры, но лучшіе люди въ уѣздахъ готовятся къ борьбѣ съ этимъ зломъ.

Читать лекціи народу выразили желаніе въ селахъ и деревняхъ священники, доктора, кооператоры и народные учителя. Послѣдніе ходатайствуютъ о снабженіи ихъ спеціальнымъ уполномочіемъ на чтеніе, во избѣжаніе препятствій со стороны полиціи, а также о разрѣшеніи инспекторовъ народныхъ училищъ на предоставленіе помѣщеній училищъ для чтенія лекцій. Они также просятъ о снабженіи ихъ соотвѣтственнымъ матеріаломъ для чтеній и волшебными фонарями съ картинами, граммофонами, кинематографами, безъ чего чтеніе не будетъ привлекать въ аудиторіи слушателей и будетъ монотоннымъ. Начало чтеній возможно лишь со второй половины октября, когда будетъ уже закончена уборка посѣвовъ. Чтеніе должно происходить по праздникамъ и воскресеньямъ.

Акцизное вѣдомство также охотно идетъ навстрѣчу общественнымъ стремленіямъ и обращается къ содѣйствію самого населенія по вопросамъ тайнаго винокуренія; выдѣлки суррогатовъ, отпуска изъ аптекъ спиртосодержащихъ препаратовъ не болѣе 30 граммовъ; укрѣпленія трезвости въ народѣ путемъ его просвѣщенія и т. д. Разумѣется, безъ подъема общей политики, просвѣтительныя задачи на мѣстахъ будутъ „заморожены", какъ онѣ были значительно заморожены" и въ комитетахъ попечительствъ о народной трезвости.

Объѣздъ Орловской губерніи я началъ съ Елецкаго уѣзда.

Въ гор. Ельцѣ я заѣхалъ къ полиціймейстеру. Когда тотъ узналъ, что я интересуюсь отрезвленіемъ народа, то онъ позвалъ къ себѣ секретаря и торжественно воскликнулъ:

— Принесите намъ „книгу пьяныхъ"!

Секретарь принесъ нѣсколько книгъ съ записями о томъ, что въ 1913—14 году, до объявленія войны, при полиціи ежемѣсячно было зарегистровано отъ 400 до 500 пьяныхъ, а послѣ—3 или 4 человѣка.

— Книга пьяныхъ, — продолжалъ онъ,—краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Ко мнѣ часто приходили за помощью женщины, которыхъ пьяные мужья били и истязали... Теперь у всѣхъ пьяныхъ „червяки" въ животѣ околѣли, а жены тѣломъ побѣлѣли: нѣтъ синяковъ и фонарей подъ глазами.

Отъ полиціймейстера надо было зайти и въ канцелярію елецкаго исправника.

Его помощникъ подѣлился со мной интересными фактами о бытѣ крестьянъ съ водкой и безъ водки.

— Прежде въ Болховскомъ уѣздѣ, селѣ Кутьмѣ, иной крестьянинъ арендовалъ у помѣщика одну десятину, а теперь онъ арендуетъ на непропитыя деньги

три-четыре десятины. По обученію замѣчено слѣдующее: бывало дѣти носили одни сапоги и ходили въ школу по очереди, а теперь у всѣхъ сапоги и всѣ ходятъ въ школу одновременно. Въ селѣ Густоварь, того же Болховскаго уѣзда, крестьяне, бросивъ пить водку, купили въ складчину кинематографическій аппаратъ за 75 рублей, съ 12 лентами. По праздникамъ ѣздили по уѣзду и не только окупили аппаратъ, но еще собрали деньги на пожарную машину.

Пріѣхавшій въ канцелярію исправникъ, дополнилъ нашу бесѣду веселымъ случаемъ изъ дѣйствительности.

— Ѣду я по улицѣ, а бывшій пьяница изъ рабочихъ кричитъ мнѣ: „вотъ, баринъ, заработалъ рубль сорокъ копѣекъ и не знаю, что дѣлать съ ними". Иди и купи билетъ за рубль, отвѣчаю... Можетъ что выиграешь... На другой день бывшій алкоголикъ опять встрѣтилъ меня и, къ моему удивленію, показываетъ лотерейный билетъ.—Слѣдовало бы,—продолжалъ исправникъ,—что-нибудь сдѣлать для такихъ многолюдныхъ селъ, какъ бывшій заштатный городъ Чернава, гдѣ до 15 тысячъ жителей и ни одного культурнаго очага для рабочаго населенія. То же и въ „Казакахъ" имѣются цементный и паточный заводы, а культурнаго центра нѣтъ.

Изъ полиціи я поѣхалъ въ Черную слободу на кожевенный заводъ Валуйскаго.

Молодой владѣлецъ завода энергично произнесъ, сжимая свои здоровые пальцы въ огромный кулакъ:

— Крѣпкій нужно повѣсить замокъ на водку, чтобы не соскочилъ онъ съ этой дряни. Были избы у крестьянъ разваленыя, теперь онѣ поправлены; по недѣлѣ рабочіе на заводѣ пьянствовали и пропадали, а теперь хоть бы ночью готовы работать. Ну, что касается чтенія книгъ, то надо прежде „образить" народъ. Надо,

чтобы онъ походилъ на человѣка и привыкъ бы быть трезвымъ... Тогда онъ и самъ пойдетъ на чтеніе. А то онъ только бросилъ пить водку и ничего другого еще не сдѣлалъ. Видимъ мы только невиданное доселѣ дѣло: на заводѣ у меня машинистъ получаетъ 80 руб. и готовую квартиру. Когда была водка, онъ бралъ жалованье всегда впередъ, а теперь не беретъ его по два и по три мѣсяца... Сберегаетъ деньги и совѣсть.

Съ кожевеннаго завода я отправился рядомъ въ народную чайную. Она была полна грузовщиками и возчиками... Это чернорабочій народъ, запыленный съ ногъ до головы известью (Елецъ построенъ на известково-мѣловыхъ горахъ *), напоминалъ „Подлиповцевъ" Рѣшетникова. Эти сухопутные бурлаки сохранились еще въ рѣдкихъ уголкахъ Орловской губерніи. Передъ каждымъ изъ этихъ мужественныхъ и загорѣлыхъ тружениковъ-силачей стояли бѣлые чайники, съ большимъ кускомъ мягкаго ситнаго. Они пили чай молча, поѣдая большіе куски хлѣба. Ни селедки, ни печеныхъ яицъ не было на длинномъ столѣ.

— Безъ водочки-то скучно, поди?—спросилъ я компанію бородачей.

Одни изъ нихъ сочувственно разсмѣялись, но тотчасъ же послышались и среди нихъ голоса:

— Нѣтъ, лучше безъ нея. Раньше надо было бы... Если бы съ освобожденья не было водки, мы давно бы жили, какъ господа. Это только теперь мы понимаемъ... Только теперь и къ намъ солнышко проглянуло.

*) Ученый Кеппенъ въ своемъ трудѣ „Распространеніе хвойныхъ деревъ въ Европейской Россіи" подтверждаетъ свою мысль, между прочимъ, и географическимъ названіемъ города „Елецъ". Это распространеніе хвойныхъ лѣсовъ въ средней Россіи могло быть въ прошлое время, но теперь Елецъ и его уѣздъ обезлѣсены.

Какой силой звучали эти слова про „солнышко" въ жизни обездоленнаго бурлака и какими жалкими показались мнѣ скептики, не вѣрящіе въ трезвость народа. Они упиваются болтовней о томъ, что человѣчеству суждено опьяняться либо политикой, либо наукой, либо картами, женщинами, охотой и т. д. Пусть они прислушаются къ голосу нашего народа, который не хочетъ болѣе опьяняться. Даже возчики понимаютъ, что на зимнихъ дорогахъ, обмерзшимъ и усталымъ людямъ, не согрѣться чаемъ, но что миска горячихъ щей—бросаетъ на сонъ лучше водки...

— Съ водкой на утро, глядь, кошель вытащили изъ кармана,—говоритъ большинство и предпочитаетъ спать сытыми и трезвыми.

Изъ чайной я поѣхалъ черезъ Елецъ въ Лучекъ на табачную фабрику Романова. Узнавъ, въ чемъ дѣло и блестя отъ радости старческими глазами, Романовъ воскликнулъ:

— Двѣ радости было въ моей жизни... Когда освободили крестьянъ отъ рабства и когда они стали трезвыми. Радостно! Даже плачу отъ радости... Такое счастье, батюшки мои!

Вся его рѣчь прерывалась благословеніями.

— Лучше яду выпить... Издохъ и кончено, чѣмъ опять браться за водку и разорять семью. Вотъ лучше мнѣ умереть сейчасъ, чѣмъ видѣть опять народъ пьянымъ. Вотъ истинный Богъ, лучше умереть сейчасъ! Самъ я не пилъ водку, а счастливѣе буду, если умру сейчасъ.

Я успокоилъ его тѣмъ, что будемъ и въ будущемъ жить среди трезваго народа и что правительство не откроетъ „казенку" и послѣ войны.

Романовъ благоговѣйно перекрестился, и мы разстались друзьями.

Интересно, что этотъ Романовъ неграмотенъ и на махоркѣ нажилъ милліонное состояніе.

Къ вечеру я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Измалково, въ усадьбы О. Г. Хлѣбниковой и Н. А. Ростовцева (члена Гос. Думы).

Первой не оказалось дома, но были ея родственники и туда же пріѣхалъ Ростовцевъ.

Въ бесѣдѣ со мной онъ привелъ случай о томъ, какъ спрашивая мужика, почему безъ водки народу лучше, мужикъ отвѣтилъ:

— А мы разговаривать между собой стали. Прежде умѣли только кричать да шумѣть.

— Народъ, продолжалъ г. Ростовцевъ, — умственно выросъ. Когда теперь всюду вводятъ одностороннее чтеніе, мнѣ все кажется, что мужикъ хочетъ сказать лектору: „опять стращать пріѣхалъ духовно-нравственнымъ, да противоалкогольнымъ чтеніемъ, а намъ не страшно!“ Народу нужно всестороннее чтеніе обо всемъ, и о душѣ, и о землѣ... У меня въ селѣ Измалковѣ двухласная школа, дѣти учатся пять лѣтъ, и я счастливъ, что имѣю въ школѣ учителя пѣнія. Народъ нашъ музыкаленъ и пѣвецъ въ душѣ... Въ короткій срокъ времени учитель имѣлъ изъ дѣтей, въ пятнадцать и шестнадцать лѣтъ, оркестръ балалаечниковъ, фисгармонистовъ и пѣвцовъ. Это свѣтское развлеченіе, но надо видѣть, какъ оно нравится народу и какъ въ этомъ направленіи нужно отвлекать его отъ грубыхъ и низменныхъ наслажденій.

Ночью я вернулся обратно въ Елецъ и на другой день навѣстилъ В. К. Барченко, нотаріуса въ г. Ельцѣ.

Имѣя къ нему письмо отъ его сына, я былъ принятъ очень радушно. Многочисленныя бесѣды съ г. Барченко были исполнены глубокаго интереса.

Онъ зналъ за много лѣтъ фамиліи дворянъ, нынѣ

уже исчезнувшихъ въ Елецкомъ уѣздѣ, но когда-то близкихъ и мнѣ самому. Нѣтъ уже и Ляхницкихъ, и Рогачевыхъ, и Субботиныхъ, извѣстныхъ въ семидесятыхъ годахъ народолюбцевъ.

Мы заговорили о другомъ и кончили вопросами по пьяному дѣлу.

— Если бы послѣ сдачи Перемышля обратно врагамъ, — произнесъ старикъ, — народъ могъ достать водки, я не знаю, до чего бы дошла его подозрительная фантазія и что бы мы испытали. А теперь онъ прополоскалъ свою гнѣвную душу чайкомъ и весь затаился... Водка пробудитъ въ немъ звѣря, и первые, кто пострадаетъ отъ него — это интеллигенція.

— Торговля водкой будетъ закрыта и послѣ войны, — сказалъ я.

— На это разсчитываютъ и образованное общество, и крестьяне, — перебилъ Барченко. — Нѣкоторые боятся роста отравляющихся денатуратомъ и подсчитываютъ число несчастныхъ случаевъ. Но никто не считаетъ, сколько прежде несчастныхъ опивалось на смерть отъ водки. Прежде эти смертные случаи были нормальными, и ихъ было гораздо больше, чѣмъ денатуратчиковъ. Нельзя сравнивать цыпленка со страусомъ... Я не понимаю, какъ можно сожалѣть, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, о закрытіи винной торговли. Пятьсотъ или тысяча винокуренныхъ заводовъ страдаютъ, а весь христіанскій народъ страдалъ — это ничего? Крестьянинъ теперь молится на рожь, разбираетъ сельско-хозяйственныя машины, думаетъ, какъ убраться ему съ урожаемъ, побѣдить нѣмцевъ и можно ли сожалѣть, что картофель будетъ съѣденъ мужикомъ, а не перегнанъ на водку? У меня въ усадьбѣ Стегаловкѣ славился отличный кузнецъ, а пріѣхать къ нему мужику ковать лошадь нельзя было безъ бутылки

водки. Ободранный и зимой, и лѣтомъ въ г. Ельцѣ „Семка-Кобель“ ходитъ теперь одѣтымъ и, когда его не узнаютъ, онъ, усмѣхаясь, кричитъ: „Я самый... Сенька кобель! Благодарю Господа Бога...“ Не только зажиточность появилась въ народномъ быту, но и добросовѣстность увеличилась. У насъ въ попечительствѣ о трезвости было нѣсколько прошеній о пособіяхъ. На одномъ изъ нихъ засѣдавшій съ нами крестьянинъ говоритъ: эта просительница „обойдется“ и безъ помощи.

— Да ты знаешь ее?—спрашиваю.

— Знаю... это моя сестра.

Такое же безпристрастіе и добросовѣстность еще болѣе сказываются теперь на волостныхъ сходахъ и судахъ, гдѣ прежде нерѣдко дѣла рѣшались водкой.

Барченко кончилъ свою пространную рѣчь грустнымъ замѣчаніемъ:

— „Зеленый змій“ разорялъ и развращалъ не только безграмотнаго мужика, но и дворянское сословіе. Все „оскудѣніе“ дворянскаго сословія у Сергѣя Атавы произошло, между прочимъ, и отъ пропитія нашимъ помѣстно-дворянскимъ классомъ выкупныхъ свидѣтельствъ въ компаніи востроносыхъ француженокъ...

Призадумавшись о дворянскомъ оскудѣніи на почвѣ алкоголизма, Барченко вспомнилъ рядъ фактовъ изъ той же оперы въ Елецкомъ уѣздѣ.

— Княжна Волконская,—продолжалъ онъ,—выведенная Бѣгичевымъ въ „Семействѣ Холмскихъ“, покупала ведро водки и кончала его въ компаніи двухъ мужиковъ... Заѣхалъ я однажды въ Задонскъ, поклониться Тихону задонскому... Вижу у городского сада видный мужчина, въ полуразодранной одеждѣ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и сиплымъ голосомъ говоритъ мнѣ:

— Бывшему елецкому помѣщику, поручику Танѣеву, помогите чѣмъ-нибудь.

Прохожему мимо и слышу вслѣдъ слова:

— Не обращайте вниманія, и на кого же, на Танѣева?

Послѣ мнѣ и говорятъ:

— Да вѣдь это знаменитый „Корнетъ Отлетаевъ“... Кугушевъ писалъ своего офицера съ этого Танѣева. Теперь все имъ прожито, пропито и „Корнетъ Отлетаевъ“ побирается.

Взволнованнымъ голосомъ Барченко продолжалъ мартирологъ мучениковъ алкоголя по Елецкому уѣзду.

— Въ родѣ Беклемишевыхъ имѣются такіе же „оскуденыши“, даже изъ женщинъ. Одна изъ нихъ кормилась, въ концѣ концовъ, изъ милости въ деревнѣ бывшихъ своихъ крѣпостныхъ. А мой кучеръ Моисей Прилѣповъ, ранѣе по приказанію своей барыни, отвозилъ на базаръ продавать крѣпостныхъ дѣвокъ, а послѣ кормилъ свою обнищалую барыню. Незлобивъ русскій народъ!—прибавилъ Барченко.—Пугачевщина свирѣпа съ водкой, а безъ нея нѣтъ и безпорядковъ. Въ 60-хъ годахъ освобожденные крѣпостные, еще не спившіеся, все простили своимъ господамъ, и реформа прошла спокойно... Господа скорѣе мужиковъ спились и разорились. Вспоминаю еще одну здѣшнюю аристократку, которая спилась и потомъ воровала бѣлье у своихъ богатыхъ родственниковъ. Изъ дворянъ Рогачевыхъ остались двое и тоже все пропили и побираются въ городѣ. Братъ бывшаго елецкаго предводителя дворянства Александровъ не давалъ возможности пріѣхать въ Елецъ ни одному помѣщику и елецкое дворянство не знало, какъ удалить этого пропившагося дворянина отъ гостиницъ съ протянутой рукой. Такъ же погибъ и помѣщикъ Воейковъ изъ села Успенскаго, а его

сынъ—дегенератъ, рожденный на почвѣ алкоголизма, замучилъ жену и застрѣлилъ свою дочь, сидѣлъ въ тюрьмѣ и судился... Въ средѣ духовенства также было множество разжалованныхъ и преждевременно умершихъ отъ запоя архіереевъ.

Вспоминая съ грустнымъ чувствомъ потревоженныя жертвы алкоголизма, я утѣшался тѣмъ, что болѣе ихъ не будетъ съ повсемѣстнымъ и навсегда закрытіемъ торговли крѣпкими напитками.

XIX.

Въ Аргамаченской слободѣ у свящ. Н. В. Брянцева.

Подъ палящими лучами солнца и въ облакахъ бѣлой пыли, я пріѣхалъ наконецъ и въ пригородную слободу Аргамачъ.

Названіе слободы связано съ легендой о нашествіи на Русь татаръ временъ Тамерлана. У послѣдняго былъ конь Аргамачъ.

— Во время одной стычки съ русскимъ,—говорятъ жители,— Тамерлану было видѣніе, что на него идетъ Царица Небесная. Войска его бѣжали, а конь Тамерлана, Аргамачъ, упалъ съ крутой горы Пичура въ рѣку Сосну, притокъ Дона, и утонулъ. Съ тѣхъ поръ и слобода зовется Аргамачъ.

Большой популярностью пользуется здѣсь священникъ Николай Брянцевъ, онъ же учредитель въ 1898 году аргамаченскаго общества трезвости и руководитель болѣе 20 лѣтъ занятіями въ народномъ домѣ. Въ этомъ домѣ меня встрѣтила лѣтъ тридцати пяти, съ привѣтливымъ лицомъ, сестра милосердія, съ нашивнымъ краснымъ крестомъ на рукавѣ бѣлаго халата.

Это оказалась сама „матушка“, Ольга Александровна лучшая помощница своего мужа, и другъ несчастныхъ людей. Съ полнымъ достоинствомъ, во всемъ освѣдомленная, она дала мнѣ самыя пространныя объясненія по исторіи народнаго дома.

— Теперь онъ подъ лазаретомъ,—сказала она и повела меня въ самую просторную аудиторію, переполненную ранеными солдатами.—Начали мы съ мужемъ свою дѣятельность съ наемной хатки, потомъ перешли въ школу, а потомъ выстроили и этотъ домъ..,

На вопросъ о вліяніи на населеніе закрытія торговли крѣпкими напитками Ольга Александровна отвѣтила:

— Прежде мы готовили на Пасху въ народномъ домѣ для бѣдныхъ прихожанъ разговѣнья на 150 человѣкъ, а приходило больше. Куличей и пасхи всегда не хватало. Въ нынѣшнемъ году, благодаря дороговизнѣ и отсутствію средствъ по случаю войны, мы заготовили разговѣнья на сто человѣкъ. Но пришло за всѣ дни Пасхи всего только 20 или 30 человѣкъ. У всѣхъ прочихъ было заготовлено дома и каждый разговлялся въ своей семьѣ. Сами судите, что говоритъ этотъ фактъ.

Дальнѣйшую рѣчь она продолжала тѣмъ же оживленнымъ голосомъ:

— Народный домъ, кромѣ просвѣтительной дѣятельности, открылъ въ 1902 году кредитное товарищество, обороты котораго достигаютъ въ настоящее время 200 тысячъ, въ 1911 г. открыто при обществѣ трезвости потребительское общество, въ 1913 г. открыта похоронная касса. Съ прекращеніемъ продажи вина почти прекратилось вступленіе новыхъ членовъ, но работа общества крайне необходима для сознательнаго закрѣпленія въ народѣ трезвости. Наше горе въ

томъ, что мѣстная интеллигенція—чиновники банковъ, учителя гимназіи и молодежь—сначала принимала горячее участіе во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, а потомъ стала охладѣвать.

Коснувшись театральнаго дѣла, Ольга Александровна сказала откровенно:

— Мы съ мужемъ смотрѣли на театръ, какъ на школу, а не затѣмъ, чтобы въ театръ ходить, и хохотать тамъ... Архіерей тоже косо смотрѣлъ на театральное зрѣлище. Кромѣ того, въ отчетѣ аргамаченскаго общества трезвости за 1907 годъ прямо сказано: „Принимая во вниманіе слабыя силы любителей, неудачный выборъ пьесъ, сравнительно большія матеріальныя затраты на ихъ постановку, отсутствіе взрослыхъ и присутствіе почти одной молодежи на спектакляхъ, правленіе въ одномъ изъ собраній постановило впредь воздержаться до благопріятнаго времени отъ такого рода развлеченій“...

Прочитавъ эти строки въ отчетѣ, „матушка“ вспомнила о воскресной школѣ, въ которой она занималась много лѣтъ и оставила только тогда, когда нажила болѣзнь горла.

— Вотъ вечерніе классы для трезвенниковъ, продолжала она: завлекали даже стариковъ, и у насъ были случаи, что даже 60-лѣтніе научились читать. Очень большое вліяніе оказали трезвенники на народъ, когда они ходили по ярмаркамъ и подбирали на улицахъ пьяныхъ. Трезвенники приводили ихъ въ пріемный покой, оказывали имъ медицинскую помощь, сберегали ихъ карманныя деньги и т. д. Наши трезвенники бросили не только пьянствовать, но хотятъ и жизни праведной.

Я очень сожалѣлъ о томъ, что не попросилъ у Ольги Александровны болѣе подробнаго разъясненія

этой „жизни праведной“, а между тѣмъ такъ значительны были ея слова о томъ, какъ подымали изъ канавъ пьяныхъ и какъ послѣдніе впервые въ своей жизни видѣли братское къ себѣ отношеніе людей. Одно это обстоятельство въ жизни аргамаченскихъ трезвенниковъ выдѣляетъ ихъ изъ среды филантроповъ, откупающихся, обыкновенно, деньгами отъ обязанности личными поступками свидѣтельствовать свое человѣколюбіе.

Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня и самъ свящ. Брянцевъ. Онъ пришелъ къ концу нашей бесѣды и тотчасъ же овладѣлъ моимъ вниманіемъ.

— Какъ это ни странно,—сказалъ онъ,—но до 1905 года находилось много энтузіастовъ и идеалистовъ, стремившихся помочь нашей мирной и просвѣтительной дѣятельности въ народномъ домѣ... Мы съ матушкой работаемъ здѣсь 20 лѣтъ слишкомъ и не испытывали недостатка въ помощникахъ. А послѣ 1905 года, напуганные событіями и заподозрѣнные въ самыхъ невинныхъ проявленіяхъ общественности, они отстранились отъ нея и ушли къ себѣ домой. Этому содѣйствовала не мало и новая литература. Все матеріализовалось и въ литерарурѣ, и въ новыхъ людяхъ. Идеалисты стали называться не жизнеспособными людьми, а могущество эгоизма прославляться. А можетъ быть,—перебилъ онъ самаго себя грустно,—на охлажденіе къ моему народному дому вліяли и тѣ причины, о которыхъ у меня помянуто въ отчетѣ о народномъ домѣ за 1907 годъ.

Онъ далъ мнѣ этотъ отчетъ и я прочелъ въ немъ слѣдующія строки.

„Въ дѣтскихъ чтеніяхъ недостатка въ слушателяхъ не было, аудиторія была всегда полна; что же ка-

сается посѣщаемости чтенія для взрослыхъ, то нужно засвидѣтельствовать, что аудиторія въ минувшемъ году уже не видала того множества слушателей, которое было въ 1904 и 1905 г.г. Число слушателей на чтеніяхъ по сравненію съ указанными годами значительно уменьшилось и изрѣдка превышало 150 человѣкъ. Ослабленіе интереса къ чтеніямъ въ народѣ можно объяснить прежде всего тѣмъ, что съ 17 октября 1905 года у слушателей естественно явились запросы на новые предметы для бесѣды и чтенія, въ которыхъ освѣщались бы современное соціальное и экономическое положеніе ихъ и предстоящія перемѣны, причемъ каждый бывшій слушатель теперь желалъ бы не слушать только, но и говорить, говорить о своихъ нуждахъ и мѣрахъ для облегченія. Между тѣмъ предметы для народныхъ чтеній въ продолженіе многихъ послѣднихъ лѣтъ остаются до сихъ поръ одни и тѣ же, чтеній же, отвѣчающихъ на злободневные вопросы, съ спокойнымъ, правильнымъ, безпристрастнымъ и достаточно полнымъ освѣщеніемъ руководители общества не могли устроить за отсутствіемъ лекторовъ и по другимъ причинамъ“.

Воспользовавшись молчаніемъ среди насъ, Ольга Александровна снова начала говоритъ:

— Война помѣшала обществу заниматься нашимъ домомъ, а доброжелатели нашлись бы и теперь... Заѣхалъ къ намъ однажды крупный дѣятель по министерству финансовъ и говоритъ Николаю Васильевичу: „Я знаю вашу полезную дѣятельность и сочувствую ей... Мой кучеръ всю дорогу поминалъ васъ тѣмъ, что вы остепенили его и сдѣлали трезвенникомъ... Цѣлыми деревнями мужики записываются къ вамъ въ общество трезвости“. Въ дальнѣйшемъ съ нимъ разговорѣ выяснилось, что для алкоголиковъ нуженъ еще

пріютъ, послѣ того, какъ кто-нибудь изъ нихъ бросилъ пить водку. Надо еще время, чтобы прослѣдить за ними и укрѣпить ихъ. Приходится хлопотать за нихъ и искать для нихъ работу; надо одѣть ихъ и чтобы они сами себя оплачивали. Мы съ мужемъ рѣшили устроить для нихъ домъ трудолюбія съ мастерскими: кто что можетъ, то и дѣлай. Сапожникъ долженъ будетъ шить сапоги и т. д. На этотъ пріютъ для алкоголиковъ было отпущено намъ изъ министерства финансовъ 3.000 руб. Мы купили мѣсто, старый домъ, но началась война, запретили продажу водки и задача дома рухнула. А средства уже были затрачены. Тогда этотъ домъ мы приспособили подъ пріютъ дѣтей убитыхъ воиновъ, чтобы обучать дѣтей грамотѣ и ремесламъ. Пріютъ начали строить, но денегъ 3.000 руб. не хватило и нужно новое вспомоществованіе, чтобы достроить его.

Священникъ мягко перебилъ жену замѣчаніемъ, что теперь деньги нужны на войну.

— Приходится задуматься также и о самомъ народѣ,—продолжалъ онъ.—Работая для него, я въ то же время не хочу скрывать отъ себя и его отрицательныхъ сторонъ. Лично меня и жену онъ любитъ, но не наше дѣло... Онъ протрезвѣлъ несомнѣнно и поумнѣлъ. Но къ культурнымъ задачамъ въ самомъ народѣ пока нѣтъ стремленій. Нѣтъ у него инициативы къ этому. Кромѣ газетъ, которыя ему самому нужны, онъ не станетъ своими средствами организовывать даже библіотеку. Онъ будетъ многому сочувствовать, но жертвовать чѣмъ-нибудь для этого не будетъ. Если на его благоутробіе мы иногда даемъ ему 15 коп. на чай, то онъ готовъ брать и полтинникъ; ему нашъ домъ служитъ всемъ, а онъ ему—ничѣмъ. Онъ не считаетъ себя обязаннымъ поддержи-

вать народный домъ, но признаетъ его полезнымъ. Крестьяне работаютъ тамъ, гдѣ есть что получить имъ, но сами не доросли для пользы другимъ... Они—глубокіе эгоисты и долгое время считали меня съ матушкой такими же. Они долго не вѣрили тому, что мы работаемъ въ народномъ домѣ десятки лѣтъ безвозмездно. „Если деньгами не берутъ, то награду получатъ",—говорили они и удивлялись тому, что и награды меня обходили. Долгое время они боялись, что священникъ это дѣлаетъ для себя и все въ народномъ домѣ достанется не имъ, а мнѣ, если я захочу перевестись въ другое мѣсто. Недовѣріе это, конечно, съ годами уничтожалось, но нерѣдко оно и огорчало меня съ женой. Хотѣлось иногда даже передать домъ въ вѣдѣніе земства, но и земству нужно народное довѣріе. Населеніе должно понимать, что нужна школа для дѣтей, нужны систематическіе вечерніе курсы для подростковъ, нуженъ для взрослыхъ народный домъ съ мастерскими и лекторами... А людей съ идеалами все меньше и меньше... Это, конечно, переходное время...

Откровенно говоря, меня очень поразило сознаніе пастыря о томъ, что въ самомъ народѣ нѣтъ пока стремленія къ культурнымъ задачамъ, и что только за чужой счетъ онъ очень цѣнитъ ихъ.

— Какъ же такъ, — думалось мнѣ: — многолѣтняя дѣятельность священника Брянцева и около 25 тысячъ членовъ въ его обществѣ трезвости до сихъ поръ не пробудили въ народѣ собственной иниціативы, тогда какъ даже дѣятели кооперативнаго дѣла, въ болѣе короткій срокъ времени, добились самодѣятельности въ народѣ? За границей дѣятели школьнаго дѣла (Ланкастеръ, Песталоци, Фребель, Букэръ Вашингтонъ въ Америкѣ *) и наши Рачинскіе умѣли проникнуть въ

*) См. Букэръ Вашингтонъ: „Отъ рабства къ свѣту".

народную массу и вызвать симпатіи къ самому ихъ дѣлу. Почему также дѣятельность проф. А. Н. Энгельгардта въ семидесятыхъ годахъ въ области сельскаго хозяйства („Фосфоритъ и Сидерація") проникла сначала въ крестьянство Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губерніи, а потомъ типъ энгельгардтовскаго сѣвооборота, съ искусственными удобреніями, распространился по всей сѣверной полосѣ Россіи? Почему даже маленькая дѣятельность земскихъ агрономовъ, пчеловодовъ и т. д. пробуждаетъ въ широкихъ массахъ не только симпатію, но и самодѣятельность крестьянъ въ желаемомъ направленіи? Почему же въ аргамаченскомъ пастырскомъ домѣ народъ остался къ его задачамъ холоденъ? Готовенькое въ немъ онъ не прочь получить, а жертвовать для него нородъ ничѣмъ не хочетъ—почему это? Мнѣ кажется, что въ лучшей части нашего духовенства существуетъ сильное тяготѣніе отдѣлять духовный міръ человѣка отъ его матеріальнаго. Между тѣмъ, и тѣло человѣка заслуживаетъ также къ себѣ глубочайшаго вниманія. Оно также свидѣтельствуетъ божественное творчество и тайны Бога, какъ и душа. Я не могъ признать также „въ отчетѣ" аргамаченскаго общества за 1907 г. доводы о закрытіи театра достаточно обоснованными и неустранимыми. Закрытіе сцены, до сихъ поръ невозобновленной; неудачи съ постройкой пріюта для алкоголиковъ и пріютомъ для дѣтей убитыхъ воиновъ, все это минусы въ кипучей дѣятельности свящ. Брянскаго. Даже самое главное въ народномъ домѣ аудиторія для чтеній, сильно страдаетъ, по словамъ того же „отчета". Конечно, указанные въ „отчетѣ" тормазы очень значительны, но нужно же хлопотать объ устраненіи ихъ и принять мѣры, чтобы безнадежное состояніе народной аудиторіи не превратилось въ постоянное. Вообще что-нибудь да есть осла-

бляющее въ дѣятельности духовныхъ пастырей, если даже талантливѣйшіе изъ нихъ по Воронежской губерніи, какъ миссіонеръ Петръ Сергіевъ въ Воронежѣ, говорилъ мнѣ, что народъ въ нѣкоторыхъ селахъ принималъ миссіонеровъ за „антихристовъ"; если свящ. Стефанъ въ селеніи Истобномъ, Нижнедѣвицкаго уѣзда, указывалъ мнѣ на равнодушіе населенія къ его церковно-приходскому братству; если от. Тихонъ Черницкій въ с. Выкрестовѣ боится, что онъ не достроитъ народный домъ самопомощью крестьянъ, а свящ. Брянцевъ рѣшительно сомнѣвается въ инаціативѣ крестьянъ даже основать своими средствами сносную библіотеку...

Сами священники на мое недоумѣніе отвѣчали мнѣ тѣмъ же и, по пріѣздѣ въ г. Орелъ, я обращался съ тѣми же вопросами ко многимъ другимъ лицамъ также безуспѣшно...

Относительно свящ. Брянцева и его дѣятельности я былъ, однако, успокоенъ высказанными сужденіями извѣстнаго въ гор. Орлѣ дѣятеля по борьбѣ съ алкоголизмомъ С. Н. Савинова. Онъ цѣнитъ дѣятельность Брянцева очень высоко и удивленъ тѣмъ, что самъ Брянцевъ умаляетъ себя и не видитъ, какъ народъ всей душой идетъ за нимъ...

— Кто много любитъ, тотъ многаго и требуетъ,— сказалъ Савиновъ. Брянцевъ живетъ въ постоянномъ напряженіи тревожнаго искательства новыхъ путей жизни, отсюда его неудовлетворенное чувство въ дѣлѣ отрезвленія и просвѣщенія народа. Онъ слишкомъ горячо откликается на всѣ надвигающіеся запросы жизни и потому передъ нимъ всегда большая неоконченная работа. Но одно вамъ скажу: до отца Николая Брянцева и его супруги въ Аргамаченской слободѣ поздно вечеромъ нельзя было пройти женщинѣ по улицѣ, а съ учрежденіемъ общества трезвнниковъ и

кипучей дѣятельности его основателей въ народномъ домѣ и церкви, женщина въ Аргамаченской слободѣ можетъ идти вечеромъ куда ей угодно, не опасаясь обиды. Развѣ это не правда? Развѣ это не величайшая заслуга? Развѣ аргамаченскіе трезвенники, подымавшіе во время ярмарокъ изъ канавъ и подъ заборами пьяныхъ людей, будутъ забыты елецкимъ населеніемъ? Можно ли это забыть и можно ли этому не подражать?

Мнѣ было пріятно слышать эти убѣжденныя слова свѣдущаго человѣка, который въ заключеніе произнесъ:

— Имя Брянцева не умретъ въ исторіи просвѣщенія спившагося народа въ слободахъ Елецкаго уѣзда. Такихъ пастырей у насъ немного. Орловская губернія знаетъ ихъ наперечетъ: въ Елецкомъ уѣздѣ, свящ. Іосифъ Бунинъ; въ Брянскомъ уѣздѣ, села Деньгубовки, свящ. Яковъ Казанскій; въ Карачевскомъ уѣздѣ, села Самово, свящ. Константинъ Архангельскій; въ селѣ Верхопольѣ свящ. Михаилъ Переверзевъ; въ Малоархангельскомъ уѣздѣ, села Губкина, свящ. Александръ Богословскій и села Верхососенья свящ. Ив. Нецвѣтаевъ; въ Сѣвскомъ уѣздѣ, села Добрика, свящ. Тихонъ Невскій; села Березкина, свящ. Владиміръ Кореневъ... Всѣ эти дѣятели, добавилъ г. Савиновъ, заслуживаютъ глубокаго почитанія. Многимъ изъ нихъ пришлось встрѣтить противодѣйствія, насмѣшки и крупныя непріятности. Но они претерпѣли ихъ до конца и я рѣшительно не согласенъ съ тѣмъ, чтобы народъ сочувствовалъ имъ только на словахъ и не сталъ бы помогать ихъ дѣятельности деньгами и работой... Рѣшительно не согласенъ, повторялъ онъ все болѣе и болѣе воодушевляясь заступничествомъ за достойныхъ пастырей на народной нивѣ.

XX.

Брянскій уѣздъ.—Мальцевскіе заводы.—Брянскій заводъ.

Изъ Елецкаго уѣзда я поѣхалъ въ Брянскій, посѣтивъ въ самомъ городѣ арсеналъ, гдѣ временно-управляющій генералъ Лукашевъ любезно откликнулся на всѣ мои вопросы.

— Въ арсеналъ,—сказалъ онъ,—конечно, не могъ войти пьяный рабочій, но послѣ дневной работы многіе изъ нихъ прежде пропивали большую часть своихъ заработанныхъ денегъ. Жили они въ долгъ, кредитуясь по мелочнымъ лавочкамъ и разсчитываясь въ нихъ отъ получки до получки. Теперь рабочіе свободны отъ долговъ и несутъ вклады въ кассы мелкаго кредита. Одному мнѣ—хуже, улыбаясь, продолжалъ онъ: наливокъ нельзя дѣлать, а я люблю этотъ сладенькій и легенькій ликеръ. Рабочіе находятъ себѣ денатуратъ и пьютъ его съ цитро и въ чистомъ видѣ. Заработокъ у нихъ въ арсеналѣ сравнительно большой, и такъ какъ нѣтъ водки, то многіе изъ рабочихъ тратятъ деньги на игру въ карты. Но большинство изъ нихъ не пьетъ и не картежничаетъ...

Я интересовался у многихъ горожанъ, чѣмъ рабочее населеніе гор. Брянска занято въ праздники. Мнѣ говорили, что попечительство о народной трезвости арендуетъ садъ съ помѣщеніемъ для театра, и рабочіе посѣщали его, когда входная плата была 10 коп. Но послѣ того, какъ попечительство сдало театръ въ руки частнаго предпринимателя Боброва, и тотъ сталъ ставить въ театрѣ пьесы болѣе сложныя, болѣе обстановочныя и дорогія, входная плата естественно повысилась (25 коп.) и стала не по карману бѣдному классу.

Поздно вечеромъ я поѣхалъ въ „Дядьково"—центръ

Мальцевскихъ заводовъ, изъ которыхъ славятся Радица-Стеклянная, Радица-Чугунная, Ивотъ, Вытоша, Старъ, Знеберъ и т. д. Району Мальцевскихъ заводовъ было удѣлено въ свое время очень много вниманія и литературой и учеными („Мальцевскіе заводы"—А. П. Субботинъ). Вас. Ив. Немировичъ-Данченко назвалъ эту мѣстность „Америкой въ Россіи". Но, кажется, правильнѣе было бы назвать ее „Германіей въ Россіи". Мальцевъ впервые развилъ у насъ промышленность и хрустальную, и чугунную, и лѣсную въ широкихъ размѣрахъ, но онъ чрезвычайно при этомъ пользовался иностранцами, ставилъ ихъ во главѣ предпріятія и даже въ рядахъ простыхъ рабочихъ было много нѣмцевъ. Они и до сихъ поръ поражаютъ меня здѣсь... Въ Дядьковѣ, завернувши въ клубъ дядьковскаго общественнаго собранія закусить и напиться чаю, я встрѣтилъ буфетчицу и буфетчика несомнѣнно нѣмцевъ, судя по ихъ выговору и грубому невниманію къ предъявляемымъ требованіямъ. Въ „домѣ для пріѣзжихъ" я встрѣтилъ за общимъ столомъ опять-таки нѣсколько лицъ съ „акцентами". На другой день, проходя по самому Дядькову, мнѣ бросались въ глаза флигеля съ многоугольниками для служащихъ, построенные чисто въ европейскомъ стилѣ... Конечно, эти впечатлѣнія незначительны, но все-таки чувствуешь, что здѣсь „Германіи" гораздо болѣе, чѣмъ „Америки". Процвѣтала здѣсь на чисто-капиталистическихъ основахъ промышленность и ничего общаго она не имѣла ни съ „Народнымъ дворцомъ" въ Брюсселѣ, ни съ фамилистеромъ Годэна въ Гизѣ во Франціи, ни съ его отдѣленіями въ Лекэнѣ, въ Бельгіи.

Главноуправляющій заводами, П. И. Шестаковъ (смѣнившій нѣмца Зелиха), склоненъ объяснять въ данный моментъ народное благосостояніе мальцевскаго района

болѣе закрытіемъ торговли крѣпкими напитками, чѣмъ самымъ строемъ мѣстной промышленности. На мой вопросъ о водкѣ, онъ характерно отвѣтилъ:

— Все измѣнилось къ лучшему безъ водки. Хулиганства меньше, послушанія больше; покупается одежда, животныя и строятся жилища... Отношенія рабочихъ къ мастерамъ и хозяевамъ улучшились; народные дома, съ театрами и кинематографами, охотно посѣщаются... Вечеромъ рабочіе должны же чѣмъ-нибудь развлекаться. Если нѣтъ культурныхъ развлеченій, они берутся за карты... Это естественно. Нужны улучшенія ихъ быта, но не полицейскія улучшенія, а культурныя. Рабочій только и слышитъ: того нельзя, на это требуется разрѣшеніе губернатора, то-то разрѣшено высшей властью, да низшая ничего не знаетъ и препятствуетъ... Даже футболъ, „городки", лаунъ-теннисъ возбуждали вопросы: „для чего это? Зачѣмъ? Что за сборища?" А между тѣмъ, народу нужна жизнь и послѣ работъ на заводѣ. Очень жаль, что народныя библіотеки на время войны у насъ въ Дядьковѣ закрыты... Это волнуетъ и раздражаетъ рабочихъ. Что касается культурнаго улучшенія рабочаго быта, то въ самомъ рабочемъ нѣтъ еще такой самодѣятельности, которая развивала бы его. Возлагаютъ большія надежды на духовенство и земскія школы. Однако, духовенство наше не всегда на высотѣ своего призванія. Необходимо, чтобы оно ближе стояло къ жизни рабочаго класса и его нуждамъ. Съ церковнаго амвона недостаточно рѣчей на тему о томъ или другомъ праздникѣ. А живого и близкаго слова къ народу, въ его избѣ, у нашего духовенства до сихъ поръ не наблюдается. Да и примѣры собственной жизни духовенства мало поучительны.

Бесѣду со мной, г. Шестаковъ закончилъ интересными и горячими словами:

— Молодежь, которая теперь растетъ и не знаетъ водки, надо развивать. Она должна будетъ сдерживать народныя силы, которыя вернутся съ войны и которыя могутъ рваться къ старой жизни. Большая задача предстоитъ всему русскому обществу и правительству. А земскія школы въ ихъ настоящемъ видѣ даютъ одну слабую грамотность населенію, а чтобы изъ школъ выходили люди, желающіе жить иначе, чѣмъ живетъ неграмотное населеніе, — этого нѣтъ. Нѣтъ даже того, чтобы изъ нея вышелъ мастеръ: столяръ, маляръ, художникъ,—красящій или годный служить счетоводомъ въ конторѣ завода. Онъ можетъ знать старославянскій языкъ, но онъ не можетъ служить ни въ конторѣ, ни въ мастерской.

Я перебилъ его вопросомъ о надеждахъ мѣстнаго населенія насчетъ водки, послѣ войны. Онъ отвѣтилъ увѣренно:

— Неисправимые пьяницы ждутъ послѣ войны открытія „казенки", но они до тѣхъ поръ всѣ перепьются денатуратомъ и перемрутъ, а рабочее населеніе счастливо безъ водки и благословляетъ прекращеніе торговли ею.

Отъ главноуправляющаго мальцевскими заводами я пошелъ къ С. И. Хабарову, директору хрустальной фабрики. Тотъ также охотно разговорился о водкѣ въ народномъ быту:

— Въ утробѣ матери,—началъ онъ,—многіе уже были пьяницами, а теперь мы не узнаемъ себя и окружающую насъ жизнь. Еще пятьдесятъ лѣтъ пьяной жизни, и нашъ народъ потерялъ бы всякую энергію и трудиться, и сопротивляться врагу. Нѣмецъ могъ бы брать насъ голыми руками и вязать... Удивительно, какъ ранѣе правительство этого не сознавало, строя благосостояніе на пьяномъ бюджетѣ. Теперь у насъ

плата рабочимъ не увеличилась, но въ трезвомъ видѣ они работаютъ издѣльно правильнѣе, болѣе внимательно, и у нихъ браку посуды меньше. Поэтому и заработокъ ихъ сталъ больше.

Случайно въ разговорѣ мы коснулись восторженныхъ описаній мальцевскаго района Немировичемъ-Данченко и не менѣе увлекающагося экономиста Субботина. Директоръ фабрики далъ этому вполнѣ резонное объясненіе.

— Я,—сказалъ онъ,—былъ здѣсь на фабрикѣ мальчуганомъ, когда эти литераторы посѣтили насъ... Это была заря русской промышленности. Она только что начиналась и зарождалась... Самъ Мальцевъ былъ увлекающійся и даровитый человѣкъ. При немъ все прогрессировалось. Онъ умѣлъ замѣстить мѣста по заводамъ экономически образованными людьми, пригласить множество иностранныхъ мастеровъ, понастроить техническія училища, рисовальныя и воскресныя школы. Его энтузіазмъ заражалъ людей и отражался на самомъ ходѣ дѣлъ. Неудивительно, что въ эту пору промышленныхъ начинаній и въ ближайшее къ ней время всѣ судили о ней болѣе благопріятно и радужно, чѣмъ она стала при наслѣдникахъ Мальцева, при казенномъ и конкурсномъ управленіяхъ. Въ настоящее время учредилось Московское акціонерное общество мальцевскихъ заводовъ, возродившее вновь заводскую дѣятельность на значительную высоту.

Послѣ разговоровъ съ заводской администраціей и съ нѣсколькими рабочими, я отправился на поѣздъ, долженствующій идти изъ мальцевскаго района къ „Брянскому заводу“, въ поселокъ „Бѣжица“.

Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на разстилающійся передо мной Брянскій уѣздъ, изрѣзанный узкоколейными желѣзными дорогами, заводами, съ высокими на нихъ трубами, дымящимися надъ сплошными вдали лѣсами... Этотъ уголокъ Россіи, правда, очень рѣдкій, и И. А. Мальцеву несомнѣнно принадлежитъ заслуга, что онъ сумѣлъ песчаную мѣстность Брянскаго уѣзда превратить въ кипучій промышленный центръ. Когда-то эта мѣстность, послѣ ледниковаго періода, была морскимъ дномъ, и до сихъ поръ здѣсь находятъ скелеты морскихъ рыбъ и растеній въ ископаемыхъ залежахъ, столь годныхъ для обработки въ фосфоритную муку, какъ это извѣстно изъ научныхъ трудовъ о фосфоритѣ проф. А. Н. Энгельгардта.

Теперь здѣсь фабричный районъ преобладаетъ надъ земледѣльческимъ и даетъ яркую западно-европейскую картину взаимоотношеній капитала и труда.

Брянскій заводъ принадлежитъ также акціонерной компаніи. Онъ изготовляетъ паровозы, рельсы и машины; имѣетъ менѣе сложную исторію, чѣмъ мальцевскіе заводы, но обороты его также значительны. Мнѣ пришлось прежде всего говорить здѣсь съ главнымъ бухгалтеромъ завода, И. И. Жмуровымъ. Онъ, видимо, очень доволенъ правленіемъ Брянскаго завода въ дѣлѣ укрѣпленія въ народѣ и трезвости, и просвѣщенія.

— У насъ,—сказалъ онъ,—имѣется пожарное общество съ участіемъ самихъ рабочихъ; общество трезвости, при которомъ устраивается театръ, приглашаются фокусники, акробаты и т. д. Основываются кружки велосипедистовъ, футболистовъ, легкой атлетики и разнообразнаго спорта. У насъ при заводѣ, при 10--15 тысячномъ населеніи, около 4 тыс. учащихся. Низшихъ народныхъ училищъ 4, двуклассныхъ—1, высшее начальное училище (прежнее городское) 1, ремесленное училище съ параллельными классами, 1 мужская гимназія, въ которой до 40 проц. учится дѣтей рабочихъ, и одна женская гимназія, гдѣ 50 проц. учится дѣво-

чекъ изъ рабочаго класса. При отдѣленіи Императорскаго техническаго общества существуютъ вечерніе курсы для рабочихъ, гдѣ преподаютъ русскій языкъ, математику, химію и т. д. Имѣется похоронная касса, сберегательная и благотворительное общество, въ которомъ 5,000 членовъ. Это общество содержитъ на средства рабочихъ пріютъ, богадѣльню и столовую. Общество взаимнаго кредита выдаетъ рабочимъ ссуды подъ постройки, которыя переходятъ въ ихъ собственность съ погашеніемъ долга; до полуторы тысячи раздается рабочимъ земельныхъ участковъ подъ жилища...

— А картежная игра среди рабочихъ все-таки усиливается?—перебилъ я.

Онъ развелъ руками и упавшимъ голосомъ отвѣтилъ:

— Усиливается. Какъ мы ни стараемся занять трезвый досугъ рабочихъ всякими ученіями и развлеченіями, у нихъ все-таки еще остается досугъ на карты и на страсти... Это естественно,—продолжалъ онъ, видимо успокаиваясь собственными словами.—Я очень занятой человѣкъ. Очень. А все-таки я нахожу время пойти съ ружьемъ лѣтомъ на птицу, а зимой—на звѣря. Такъ и каждый.

— Это не одно и то же, какъ будто, —отвѣтилъ я, желая продолжать разговоръ съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.—Карты въ народномъ быту погубятъ людей не менѣе водки... Съ этимъ нельзя мириться.

Онъ согласился со мной, сказавъ:

— Уровень развитія нашихъ рабочихъ разнообразенъ. Картами увлекаются менѣе развитые, а болѣе сознательные не увлекаются. Стало быть, умственное и нравственное развитіе должно быть у нихъ наиболѣе полно, почти какъ у серьезныхъ людей изъ культурныхъ классовъ... Такое героическое дѣло—это отрезвленіе и просвѣщеніе народа. Нужны и героическія

средства, а „игрушечныя" покуда не годятся. Лучшіе люди изъ завода, заработавъ средства, покупаютъ землю, приглядываются къ тому, какъ въ Брянскомъ уѣздѣ хорошо устроились эстонцы и латыши, устраиваютъ вмѣстѣ съ ними маслодѣльныя артели, и этимъ людямъ некогда играть въ карты. Да, они и не хотятъ ихъ. У нихъ есть лучшая цѣль въ жизни. Вотъ бѣда, когда у рабочаго нѣтъ цѣли въ жизни и онъ живетъ, какъ поэтъ, вопрошая: жизнь, даръ случайный, даръ мгновенный — зачѣмъ ты мнѣ дана? Онъ даже иногда не знаетъ, имѣя теперь непропитыя деньги, что съ ними дѣлать. Приходитъ, зачѣмъ-то, въ аптекарскій магазинъ, покупаетъ—чортъ его знаетъ зачѣмъ—пуховку съ пудрой или ненужныя ему совершенно патентованныя средства... Прямо удивительно. Видимо, не знаетъ, что дѣлать и съ собой и съ деньгами.

— Значитъ,—спросилъ я: —онъ не сталъ бы картежничать и покупать пуховку, если бы его просвѣтили болѣе полно, чѣмъ просвѣщаютъ до сихъ поръ? Болѣе развитые рабочіе не покупаютъ же себѣ пуховку?

Нашъ разговоръ былъ прерванъ приглашеніемъ меня въ кабинетъ директора завода Б. И. Буховцева. Послѣдній также признаетъ среди рабочихъ развитіе картежничества и потребленіе суррогатовъ.

— Пили раньше денатуратъ, а теперь пьютъ еще лимонный, апельсинный и рябиновый одеколонъ. Очевидно, одеколонъ приготовляется для питья. Со стороны дирекціи завода,—продолжалъ онъ,—на это было обращено вниманіе. Нужно сказать, что мы принимаемъ въ заводъ рабочихъ съ хорошимъ зрѣніемъ и потому на стѣнахъ завода было вывѣшено объявленіе...

Буховцевъ порылся у себя въ ящикахъ и передалъ мнѣ бумагу отъ 14 февраля 1915 г. слѣдующаго содержанія:

„За послѣднее время очень участились случаи обнаруженія мастеровыхъ и рабочихъ завода, напившихся денатурированнаго спирта и другихъ суррогатовъ водки. Какъ извѣстно, денатурированный спиртъ, равно какъ и различныя другія алкогольныя жидкости, содержатъ примѣси, чрезвычайно вліяющія на зрѣніе отравляющихся имъ. Опасность усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что губительное для зрѣнія дѣйствіе примѣсей къ спирту оказываетъ свое дѣйствіе не моментально послѣ отравленія, а спустя нѣкоторый промежутокъ времени. Поэтому настоящимъ довожу до свѣдѣнія мастеровыхъ и рабочихъ завода, что тѣ изъ нихъ, которые будутъ обнаружены въ состояніи опьяненія, получатъ съ завода расчетъ безъ права обратнаго поступленія, такъ какъ въ заводъ не могутъ быть принимаемы лица, зрѣніе которыхъ въ скоромъ времени должно пропасть".

На мой вопросъ о вліяніи этой бумажки на поведеніе рабочихъ, — директоръ только развелъ руками, какъ бы находя вопросъ неразрѣшеннымъ. А мнѣ казалось, что только съ разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, провѣркой ихъ фактами, и возможно придавать какое-нибудь значеніе мѣрамъ на бумагѣ, будь то даже самые благодѣтельные проекты о просвѣщеніи народа.

Знакомство, по моемъ возвращеніи, въ г. Орлѣ съ С. Н. Савиновымъ, знатокомъ Орловской губерніи, было для меня чрезвычайно полезнымъ. Самая его служба при губернскомъ комитетѣ попечительства о народной трезвости полна интереса. Онъ долженъ былъ читать по уѣздамъ противоалкогольныя лекціи и руководить дѣятельностью уѣздныхъ комитетовъ попечительства о народной трезвости.

Самъ Савиновъ говорилъ о себѣ, что въ началѣ ему его дѣятельность лектора по алкоголизму—казалась фантастичной.

— Не донкихотство ли вліять на пьянство словами? Не чистая ли фантазія воображать, что пьяницы не знаютъ вредъ водки и всѣхъ ея послѣдствій? Мнѣ ли просвѣщать ихъ „Правдой о винѣ"?

Такими запросами къ самому себѣ Савиновъ очень мучился, пока жизнь не утѣшила его.

— Первыя мои лекціи,—говорилъ онъ,—всюду вызывали одобренія, и онѣ поддержали во мнѣ увѣренность, что я приношу людямъ пользу. Инспектора народныхъ училищъ тѣхъ городовъ, гдѣ я читалъ лекціи, свидѣтельствовали мнѣ письмами, что даже учащіеся давали клятву не прикасаться къ водкѣ, когда выростутъ, и передавали своимъ роднымъ и знакомымъ розданныя имъ брошюры объ алкоголизмѣ. Мѣстная печать также горячо привѣтствовала мои лекціи въ дворянскихъ собраніяхъ, въ народныхъ домахъ, въ госпиталяхъ, въ деревняхъ и т. д. Дѣйствительно, на умы слушателей производили сильное впечатлѣніе свѣтовыя картины, діаграммы, картограммы, таблицы и фактическія данныя въ лекціи о дѣйствіи алкоголя на растеніе, птицъ, животныхъ и на внутренніе органы человѣка, на его долголѣтіе и заболѣваемость. Съ интересомъ слушали мои слова о вліяніи спиртныхъ напитковъ на нравственную сторону жизни человѣка; о типахъ алкоголиковъ; о томъ, прибавляетъ ли алкоголь силы человѣку и согрѣваютъ ли спиртные напитки или нѣтъ; каково дѣйствіе алкоголя на физическую и умственную трудоспособность, на преступность и на вырождаемость потомства?

Савиновъ радостно продолжалъ:

— Многія земскія управы обращались ко мнѣ съ просьбою указать имъ, откуда можно выписать коллекцію демонстрированныхъ мною картинъ для волшебнаго фонаря, а также и читанныя мною брошюры. Теперь

легко и дешево можно найти картины по алкоголизму для фонаря. Въ гор. Харьковѣ, въ книжномъ магазинѣ по Московской улицѣ, д. 4, продается брошюра: „Какъ дѣйствуетъ водка на человѣка“, съ приложенiемъ къ ней 12 картинъ для волшебнаго фонаря, и цѣна всей серiи всего 3 р. 60 к. Каждому сельскому учителю можно прiобрѣсти теперь серiю картинъ для фонаря за нѣсколько рублей по самымъ разнообразнымъ вопросамъ русской жизни.

Савиновъ съ видимымъ удовольствiемъ вернулся къ своимъ наблюденiямъ надъ жизнью крестьянъ, послѣ прекращенiя продажи водки.

— Совсѣмъ другая жизнь стала въ деревняхъ,— продолжалъ онъ.—Многiе крестьяне, ходившiе всегда въ лаптяхъ, теперь щеголяютъ въ сапогахъ, несмотря на то, что сапоги стали вдвое дороже въ послѣднее время. Почти всѣ завели самовары и пьютъ чай всей семьей, дружно, спокойно и любовно. У мастеровыхъ въ городахъ и у рабочихъ на фабрикахъ также улучшилась жизнь. Бывало, въ субботу получатъ они заработанныя деньги, вечеромъ уже пьяны. Воскресенье опять пьяны. Иной свою семью-то мало и зналъ. Четыре дня работаетъ — семьи не видитъ, а три дня пьянъ. Ругается съ женой, и дѣтямъ достается не мало тычковъ, а теперь и жена-то мила мужу и дѣти дороги. „Гдѣ я прежде былъ?—восклицаетъ рабочiй.— Гдѣ я былъ! Не понималъ, какое зло—эта проклятая водка“.

Мнѣ было, конечно, все это прiятно слушать, и мы договорились наконецъ о совмѣстной поѣздкѣ въ Кромской, Дмитровскiй и Сѣвскiй уѣзды.

XXI.

Кромской, Дмитровскiй и Сѣвскiй уѣзды.

Изъ Орла въ гор. Кромы тянется прекрасно вымощенное шоссе, по сторонамъ котораго встрѣчаются нерѣдко дубовые лѣсочки, подъ тѣнью которыхъ всегда увидишь прiѣзжихъ горожанъ и дачниковъ, наслаждающихся за самоваромъ красотой природы.

— Вотъ уже и Крома,—сказалъ Савиновъ, указывая съ моста на извивающуюся рѣку. Она тянулась кромкой по Московской Руси, и здѣсь находились наши войска для защиты родины отъ нашествiя татаръ. Черезъ нѣсколько часовъ мы будемъ въ городѣ Кромы.

Городъ этотъ, съ невозможной мостовой и пылью, производитъ жалкое впечатлѣнiе и, тѣмъ не менѣе, отсутствiе водки встрѣчается всѣми радостно.

Исправникъ характерно отозвался:

— Я знавалъ много семействъ, гдѣ мужъ пьянствовалъ, жена побиралась, а пятеро дѣтей голодали... Теперь онъ работаетъ и деньги приноситъ въ домъ. Въ деревняхъ тоже: ранѣе давали казенное пособiе и на ѣду, и на сѣмена, но и то и другое болѣе пропивалось, теперь населенiе обходится безъ пособiя и вноситъ вклады въ сберегательныя кассы. Въ лавкахъ съ обувью и платьемъ купцы острятъ: „съ водкой-то народъ раздѣвался передъ лавкой, а теперь онъ въ лавкѣ одѣвается“. Ну, а вотъ карты и тайное винокуренiе— это наши будущiе враги. Надо побѣдить ихъ и приблизить народъ къ культурной жизни.

— Всякiй исправникъ нынѣ это сознаетъ,—сказалъ торжественно Савиновъ, когда мы изъ полицейскаго управленiя пошли въ чайную комитета попечительства о народной трезвости:—Очень меня увлекаетъ моя

служба,—продолжалъ онъ увѣренно.—Отымите отъ меня теперь вопросъ объ алкоголизмѣ, я сразу постарѣю.

Я хотѣлъ утѣшить его тѣмъ, что и съ переходомъ изъ министерства финансовъ попечительствъ о народной трезвости въ руки городовъ и земствъ его дѣятельность будетъ тоже нужна, но онъ скорбно замѣтилъ:

— Сейчасъ же всюду полѣзутъ „свои человѣчки“, и я не имѣю увѣренности, что буду нуженъ. А между тѣмъ избраніе меня въ непремѣнные члены губернскаго комитета попечительства о народной трезвости состоялось не безъ основаній... Бывшій управляющій акцизными сборами Орловской губерніи К. Р. Адамовичъ заявилъ губернскому комитету, что, сидя въ Орлѣ, онъ не знаетъ, что дѣлаютъ уѣздные комитеты и, вообще, что дѣлается въ уѣздахъ, такъ какъ нѣтъ лица, которое бы ѣздило по губерніи и направляло дѣятельность уѣздныхъ комитетовъ на болѣе правильный путь. Теперь губернскій комитетъ освѣдомленъ ежегодно по моимъ докладамъ о дѣятельности уѣздныхъ комитетовъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

— Это,—повторилъ я,—будетъ полезно и при переходѣ попечительствъ изъ министерства финансовъ въ любое министерство.

— Хорошо бы такъ, — согласился Савиновъ, продолжая путь къ чайной.

„Городской староста“, то же что городской голова, завѣдывающій „комитетской“ чайной, повелъ насъ въ одну изъ комнатъ, которая такъ же, какъ и другія комнаты, была переполнена простымъ народомъ. Люди шли въ чайную со связками баранокъ и калачей, требовали себѣ порцію чаю и пили стаканъ за стаканомъ, пока была вода въ большомъ чайникѣ.

„Городской староста“ угостилъ и насъ чайкомъ, указывая въ то же время на тѣсноту помѣщенія и желательность его расширенія.

— Я съѣзжу къ предводителю дворянства, В. А. Шеншину,—отозвался г. Савиновъ.—Онъ предсѣдательствуетъ въ комитетѣ и всегда сочувствуетъ добрымъ начинаніямъ. Ему около восьмидесяти годовъ и сорокъ пять лѣтъ онъ—безсмѣнный предводитель дворянства въ Кромскомъ уѣздѣ. Отзывчивый, гуманный... Онъ васъ заинтересуетъ... Поѣдемте къ нему,—предложилъ мнѣ Савиновъ.

— Отлично.

„Городской староста“ также былъ радъ этой поѣздкѣ Савинова къ Шеншину. Онъ разговорился и, на мой вопросъ о пьянствѣ въ Кромахъ, радостно воскликнулъ:

— Міръ переродился. Недавно встрѣчаю я на улицѣ бывшаго пьяницу и что же вы думаете онъ сказалъ о себѣ? „Былъ босякъ, а теперь „интеллигентъ“. Не хочешь ли наняться? — спрашиваю. „Нѣтъ, мы сами теперь двухъ наймемъ. Бросилъ водку пить и занялся у себя огородомъ“. А вотъ посмотрите въ эту сторону, — повернувшись назадъ, сказалъ онъ, — видите господина съ длинной бородой? Это бывшій учитель... Могъ „медвѣдя“ перепить и, конечно, потерялъ мѣсто; а теперь онъ трезвый, ходитъ сюда каждый день чай пить и ему обѣщана опять школа. Радовалось мое сердце недавно и тому, что я встрѣтилъ священника, который еще до войны объявилъ прихожанамъ, что будетъ вѣнчать даромъ, если свадьба безъ водки. Теперь онъ весь горитъ желаніемъ укрѣпить въ народѣ трезвость.

Савиновъ перебилъ „городского старосту“, обращаясь ко мнѣ:

— Эта читальня даетъ комитету тысячу рублей доходу, а другія, по преимуществу въ деревняхъ, не

даютъ его и даже закрываются. Крестьяне любятъ пить чай у себя въ семьѣ и только пріѣзжая въ городъ идутъ въ чайную. Но здѣсь строгій учетъ и имѣется доходъ, а въ другихъ чайныхъ—убытокъ. Теперь во всѣхъ ломбардахъ самовары повыкуплены и чай замѣняетъ вполнѣ водку. Если хотятъ мужики побесѣдовать, то несомнѣнно они будутъ бесѣдовать за чаемъ въ гостяхъ другъ у друга, какъ и мы, интеллигенты... Меня поражаютъ разговоры о замѣнѣ у крестьянъ водки новымъ легонькимъ винцомъ, когда у нихъ она уже замѣнена чаемъ и когда они ничего новаго не требуютъ...

Къ вечеру мы поѣхали въ имѣніе Кривчиково къ Шеншину.

Преклонный старецъ, очень напоминающій собою Аф. Аф. Шеншина Фета, смѣшилъ насъ тѣмъ, что Шеншиныхъ очень много въ Орловской губерніи и его часто смѣшивали съ другими: то судебныя учрежденія требуютъ, чтобы онъ уплатилъ долги, которыхъ у него нѣтъ, и назначаютъ усадьбу къ торгамъ, то почта пересылаетъ къ нему письма другихъ Шеншиныхъ и т. д.

Онъ, однако, быстро перешелъ къ дѣловому интересу, по которому къ нему пріѣхалъ Савиновъ,

— Расширить чайную надо, но какъ? — спросилъ онъ.—Гдѣ взять земли? Чайная почти вплотную подошла къ чужому владѣнію.

Съ необыкновенной ясностью онъ представилъ расположеніе чайной и сказалъ въ заключеніе, что надо „городскому старостѣ" представить не только смѣту, но и планъ будущаго расширенія чайной.

Я любовался работоспособностью старика и его умѣньемъ быстро оріентироваться въ подробностяхъ вопроса. Когда г. Савиновъ сталъ говорить о необходимости прочесть въ гор. Кромы лекцію объ алкоголизмѣ и пригласить на нее земскихъ учителей, учительницъ и законоучителей, старикъ произнесъ:

— Это всего лучше сдѣлать въ день педагогическаго акта. Въ этотъ день всѣ педагоги съѣдутся въ Кромы: кто за наградами, кто за жалованьемъ и т. д. А ранѣе—многіе изъ нихъ въ отпуску, и того... ихъ не собрать. А познакомить ихъ съ вопросомъ закрѣпленія въ народѣ трезвости и того... — необходимо. Всѣмъ необходимо и того... участвовать въ обновленіи деревни.

Изъ дальнѣйшаго съ нимъ разговора я убѣдился, что онъ чрезвычайно занятъ школьнымъ дѣломъ, имѣетъ у себя въ имѣніи прекрасную школу, нерѣдко предпринимаетъ съ дѣтьми паломничество даже въ Москву и пишетъ для нихъ пьесы, которыя дѣти и разыгрываютъ на сценѣ.

Я пересмотрѣлъ эти пьесы, среди которыхъ есть и для солдатъ. Въ нихъ важны не столько литературныя достоинства, сколько гуманное направленіе восьмидесятилѣтняго предводителя дворянства, съ любовью черпающаго сюжеты для пьесъ исключительно изъ народнаго быта.

Я сказалъ ему, что „игрушечное" чтеніе для народа и таковыя же пьесы не имѣютъ вліянія на него.

— Разумѣется,—согласился онъ.— Лошадь не кнута боится, а корма. Тоже и человѣкъ. Народъ уже не увлекается сантиментально-нѣмецкими сюжетами въ разсказахъ и ищетъ хорошаго въ нихъ „корма". А вотъ въ интеллигентныхъ кругахъ все еще боятся развитого крестьянина и того... Привыкли болѣе къ пьяному народу... и того.

Уѣзжая отъ г. Шеншина обратно въ Кромы, я невольно вспомнилъ его приговорку „и того" въ тѣхъ

мѣстахъ рѣчи, гдѣ старику улыбалась его собственная мысль.

На слѣдующій день я поѣхалъ въ городъ Дмитровскъ, привыкнувъ уже къ ужасающей жарѣ нашихъ пыльныхъ степей. Было, однако, так тяжко и такъ томила жажда, что я не разъ вспоминалъ, какъ въ воронежскихъ степяхъ мои лошади почуяли деревенскій колодецъ, свернули съ большака въ сторону и помчали меня въ экипажѣ къ водопою, не разбирая дороги, канавъ и овраговъ.

На пути въ городъ, въ мѣстечкѣ Лубянки, я заѣхалъ въ земскую школу и заинтересовался библіотекой въ ней.

— Книгъ очень мало, — сказала учительница. — Предложишь книгу, а тебѣ говорятъ: „Это мы читали. Это читано. Дайте что-нибудь историческое или разсказы, а это прочтено... Это не надо. Не интересно.

Очевидно, книги схоластическаго содержанія, съ авторитетомъ преданій, мало привлекаютъ народъ, и ему нужны живыя соображенія и живыя доказательства о правотѣ жизни и ея святости. Слушая жалобы учительницы на скудость библіотечнаго матеріала, г. Савиновъ утѣшилъ ее словами:

— Пополнять надо библіотеку новыми книгами... Придется подталкивать комитетъ попечительства... Желаніе читать большое въ народѣ, а подборъ книгъ устарѣлъ. На закрѣпленіе трезвости нельзя жалѣть денегъ... Всѣ этому сочувствуютъ и въ деньгахъ на библіотеку не откажутъ.

Не доѣзжая до Дмитровска, принадлежащаго когда-то поэту Антіоху Кантемиру, мы заѣхали къ предводителю дворянства г. Чапкину, который также охотно откликнулся на призывъ г. Савинова собрать въ городъ сельскихъ учителей и выработать совмѣстно съ ними планъ укрѣпленія трезвости.

Въ Дмитровскѣ по этому поводу мнѣ говорили:

— Отрицательныя стороны принудительнаго отрезвленія, какъ-то: суррогаты, картежничество и т. д., здѣсь почти отсутствуютъ, но, несмотря на это, просвѣтительная работа идетъ... Надеждъ очень много. Городъ поддерживаетъ мысль о народномъ домѣ и предлагаетъ подъ домъ даромъ землю въ чертѣ города. Онъ же отводитъ площадку для дѣтскихъ игръ и нѣкоторую сумму денегъ на ея оборудованіе. Частный кинематографъ г. Нестерова не пошелъ почему-то, и городъ хочетъ войти съ нимъ въ переговоры, чтобы онъ устраивалъ сеансы для надобности комитета попечительства о народной трезвости. Затѣваются также народные клубы (въ родѣ „комитетскихъ" чайныхъ); увеличивается число участковыхъ попечителей; хочется, чтобы духовенство усилило свою дѣятельность и устраивало при церквахъ „союзы трезвости".

Послѣднее сообщеніе меня очень заинтересовало. Я сказалъ, что въ Воронежской губерніи „церковно-приходскія братства" не чужды административныхъ задачъ и этимъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отталкиваютъ отъ себя прихожанъ.

— У насъ, — перебили меня: — задача чистаго отрезвленія и укрѣпленія его въ народѣ. Вотъ посмотрите уставъ трезвенниковъ въ селѣ Большое Боброво, во главѣ которыхъ стоитъ свящ. В. П. Богдановъ изъ бывшихъ акцизныхъ чиновниковъ.

— Акцизныхъ? — переспросилъ я.

— Да, онъ семинаристъ по образованію и служилъ въ акцизѣ. А теперь священнодѣйствуетъ. По „уставу" для уменьшенія потребленія хмѣльныхъ напитковъ, должны служить у трезвенниковъ исключительно вос-

питательныя средства: а) собственный примѣръ членовъ союза, б) бесѣды о вредѣ пьянства и сквернословіи, в) организація общедоступныхъ чтеній, какъ религіозно-нравственнаго содержанія, такъ и по сельскому козяйству; г) содержаніе безплатной библіотеки; д) устройство общенароднаго пѣнія и литературныхъ вечеровъ съ пѣніемъ, и е) устройство паломничествъ въ ближайшія обители.

Пересмотрѣвъ весь уставъ, я не нашелъ въ немъ устрашающихъ „жупеловъ" о сектантской литературѣ и противогосударственныхъ ученій, въ которыхъ воронежскіе „братчики" подозрѣваютъ мірянъ.

Мнѣ продолжали перечислять „благіе порывы" дмитровскихъ горожанъ.

— Имѣется намѣреніе привлечь учительскій персоналъ къ укрѣпленію трезвости въ народѣ; образовать свѣтскіе „кружки трезвости" среди учащихся въ городѣ въ высшихъ начальныхъ училищахъ и т. д. Кромѣ запретительныхъ мѣръ, нужны и сознательныя... А штрафы и тюрьмы алкоголикамъ не страшны. Они изъ земли выкопаютъ водку и жить не хотятъ безъ нея. Они и ранѣе умирали подъ заборомъ.

Савиновъ при этомъ вспомнилъ, какъ въ гор. Трубчевскѣ онъ хотѣлъ пообѣдать въ клубѣ и ему отвѣтили:

— Клубъ давно закрытъ. Если запретили водку, такъ зачѣмъ же клубъ держать?

— Неужели,—спросилъ я,—клубы даже интеллигентныхъ людей держались водкой?

— Водкой да картами...

— Ну, а чѣмъ же будутъ держаться народные дома?

— Чтеніемъ и развлеченіями,—увѣренно отозвался Савиновъ.—Конечно, нужны культурныя занятія...

Интелигентное общество ищетъ сильныхъ ощущеній за хмѣльными напитками и картами, а простой народъ счастливъ посидѣть въ чистотѣ и послушать умныя рѣчи.

Изъ города Дмитровска намъ предстояло ѣхать въ Сѣвскъ. Но мое продолжительное пребываніе въ „экипажѣ" по разъѣзду черноземныхъ губерній на степномъ солнцепекѣ и напряженная умственная работа расшатали даже мое желѣзное здоровье. Я вернулся обратно въ гор. Орелъ, а Савиновъ поѣхалъ въ Сѣвскъ одинъ.

Я былъ очерь ему благодаренъ, когда получилъ отъ него слѣдующее письмо.

Глубокоуважаемый
Анатолій Ивановичъ.

Разставшись съ вами въ Дмитровскѣ, по окончаніи своего дѣла, я отправился въ сосѣдній Сѣвскій уѣздъ, и очень пожалѣлъ, что вы не поѣхали со мной дальше, но я рѣшилъ продолжать ваше дѣло, и о томъ, что найду интереснымъ, сообщать вамъ, что я исполняю настоящимъ письмомъ.

Въ Сѣвскомъ уѣздѣ мнѣ указали явленія, о которыхъ, быть можетъ, вамъ говорили и въ другихъ губерніяхъ, но я про эти явленія услыхалъ въ первый разъ.

Предводитель дворянства, къ которому я заѣхалъ по дорогѣ въ Сѣвскъ, указалъ, что запрещеніе продажи водки отразилось благотворно и на содержаніи крестьянскаго скота, а исправникъ и земскій начальникъ вполнѣ подтвердили мнѣ это явленіе.

Прежде крестьяне, побывавъ на базарѣ, почти всегда возвращались домой выпивши, и потому крестьянскія лошади гнались пьяными владѣльцами домой

не напоенныя, не накормленныя. Теперь не то. Возвращаясь изъ города трезвымъ, онъ заботится, чтобы накормить свою лошадь, и ѣдетъ степенно домой, покупая для корма своего скота конопляные жмыхи, а для своей семьи не только ржаную, но въ послѣдніе полгода почти всякій изъ нихъ увозитъ изъ города и пшеничной муки, чего прежде, при продажѣ водки, почти никогда не водилось.

Исправникъ къ этому добавилъ: всего въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на девяти маслобойныхъ заводахъ, вырабатывалось ежегодно 485,000 пудовъ конопляного жмыха. До войны почти все это количество жмыха шло за границу, въ Германію, гдѣ нѣмцы откармливали свой скотъ этимъ прекраснымъ кормомъ, удобряли затѣмъ свои поля отличнымъ, полученнымъ отъ такого корма, навозомъ. Съ открытіемъ войны, съ октября мѣсяца прошлаго года, когда маслобойные заводы стали пробивать коноплю для добычи масла, все выработанное количество жмыха осталось въ уѣздѣ. Крестьяне мало-по-малу стали покупать жмыхи на заводахъ для корма своего скота и цѣна на жмыхъ постепенно съ 22 коп. дошла до 50 коп. за пудъ. Крестьяне стали кормить лошадей и коровъ конопляными жмыхами, коровы стали давать больше молока, а лошади стали поправляться и наѣдать тѣло.

Замѣчено, что съ прекращеніемъ продажи водки крестьяне стали больше любить свою скотину и болѣе заботливо относиться къ ней, а это мнѣ представляется, какъ намекъ на признакъ уже нѣкоторой культурности.

Второе, что мнѣ сообщили въ Сѣвскомъ уѣздѣ, это относится къ разницѣ, замѣченной при бывшихъ уже во время войны призывахъ новобранцевъ. Замѣчено при наборахъ, бывшихъ въ октябрѣ прошлаго

года, и въ январѣ и маѣ настоящаго года, что въ первомъ наборѣ, хотя призываемые были старше, оказалось больше хилыхъ, которымъ дана отсрочка, а въ послѣдующихъ, особенно это замѣтно въ послѣднемъ майскомъ наборѣ, гдѣ, несмотря на болѣе младшій возрастъ призываемыхъ, оказалось менѣе забракованныхъ. Это, конечно, надо приписать лучшему питанію людей. Изъ призванныхъ за 1914 годъ была дана отсрочка по Сѣвскому уѣзду 274 лицамъ, а изъ призванныхъ за 1916 годъ уже только 193 лицамъ, при томъ же количествѣ призываемыхъ. Въ послѣднемъ наборѣ, по заявленію предводителя дворянства, при самомъ строгомъ отношеніи къ физическому состоянію призываемыхъ, громадное большинство изъ нихъ было „съ жиркомъ", какъ выразился предводитель.

Это послѣднее явленіе — уменьшеніе числа забракованныхъ при послѣднемъ наборѣ—подтвердили мнѣ и въ Мценскомъ уѣздѣ.

Если это замѣчено въ двухъ уѣздахъ, то, надо полагать, что прекращеніе продажи водки отразилось такъ же благотворно на питаніи крестьянскаго населенія и во всей нашей матушкѣ Россіи.

Крестьяне, пивши водку, меньше и хуже ѣли, теперь же лучше питаются. Они уже покупаютъ пшеничную муку въ большемъ количествѣ, сахаръ и другіе продукты, которыхъ прежде покупали рѣдко.

„Совсѣмъ другая жизнь пошла безъ водки",—вотъ общій отзывъ, какъ городскихъ, такъ заводскихъ и сельскихъ обывателей по Сѣвскому уѣзду.

Письмо г. Савинова я привожу цѣликомъ въ виду его интереса.

Передъ отъѣздомъ изъ Орловской губерніи, я зашелъ къ управляющему акцизными сборами, г. Подобѣду. Онъ очень интересовался моими поѣздками по

уѣздамъ и счелъ нужнымъ дополнить ихъ характернымъ обстоятельствомъ о томъ, что малоархангельскій исправникъ обратился къ орловскому губернатору съ предложеніями, отъ 17 и 20 іюня 1915 года за № 1988, слѣдующаго содержанія:

„Въ районѣ ввѣреннаго мнѣ уѣзда имѣются винокуренные заводы: 1) при селѣ Куракинѣ, той же волости, принадлежащій князю Борису Александровичу Куракину; 2) при селѣ Кубани, Алексѣевской волости, дворянъ Мейеръ; 3) при деревнѣ Емельяновкѣ, Алексѣевской волости, дворянина Дмитрія Михайловича Емельянова; 4) при с-цѣ Кузнечикѣ, Губкинской волости, князя Валентина Ивановича Волконскаго; 5) при дер. Маховой Каменкѣ, Успенской волости, д. с. с. Алексѣя Августовича Давидова; 6) при селѣ Троицкомъ, Скарятинской волости, ген.-лейт. Владиміра Владиміровича Скарятина; 7) при с. Архаровъ, купеческихъ сыновей Федора и Михаила Герасимовичей Косиковыхъ; 8) при д. Александровкѣ, Красненской волости, дворянки Маріи Николаевны Новицкой и 9) у Макова и Черникова.

Въ означенныхъ заводахъ въ настоящее время хранятся запасы спирта въ слѣдующихъ количествахъ:

На зав.	князя Куракина	23.000	вед.	40%	нормы
„	дворянъ Мейеръ	12.000	„	„	„
„	дв. Емельянова	9.500	„	„	„
„	кн. Волконскаго	11.475	„	„	„
„	двор. Новицкой	7.501	„	„	„
у Маркова и Черникова		1.497	„	33	„
„ ген.-лейт.	Скарятина	30.000	„	40	„

У Давидова — ретификованнаго и принятаго въ казну—745,307 проц. и не принятаго казною 10,575°; 2 сорта 40,275 проц., альдегиднаго 49,474 проц. и сивушнаго 1,898 проц. Приблизительное количество спирта, по объясненію винокура завода Косиковыхъ, находится до 8,000 ведеръ, 32,000 градусовъ.

Хотя въ настоящее время мѣстное крестьянское населеніе, въ смыслѣ какого-либо недовольства существующимъ порядкомъ вещей, не оставляетъ желать лучшаго, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду переживаемыя событія военнаго времени, нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ, что въ будущемъ какія-либо непридвидѣнныя обстоятельства не вызовутъ обратнаго настроенія и подъ вліяніемъ злонамѣренной агитаціи разразятся аграрными безпорядками, какъ это имѣло мѣсто въ районѣ перваго стана Куракинской волости, въ 1905 году, гдѣ подверглось разгрому имѣніе князя Куракина. Въ такой моментъ наличность въ 10 пунктахъ громаднаго количества спирта можетъ лишь усугубить броженіе и создать непоправимыя послѣдствія, такъ такъ вполнѣ возможно, что хранилища спирта при означенныхъ заводахъ, неимѣющія никакой охраны, могутъ быть разгромлены толпой, что помимо причиненія громадныхъ убытковъ казнѣ усилитъ до крайнихъ предѣловъ безпорядки разбушевавшейся пьяной толпы. Въ виду изложеннаго, является вполнѣ желательнымъ и цѣлесообразнымъ, какъ въ интересахъ казны, такъ и въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, заблаговременное освобожденіе означенныхъ винокуренныхъ заводовъ отъ скопившихся въ нихъ большихъ запасовъ спирта, путемъ перевозки послѣдняго въ города для помѣщенія въ казенныхъ винныхъ складахъ или другихъ хранилищахъ, гдѣ во всякомъ случаѣ легче организовать надежную охрану. Это желаніе вполнѣ и настоятельно поддерживается нѣкоторыми владѣльцами означенныхъ винокуренныхъ заводовъ и крупными землевладѣльцами“.

Я былъ чрезвычайно изумленъ такимъ положеніемъ дѣлъ, хотя мимоходомъ слышалъ о таковыхъ же дѣлахъ и ранѣе въ другихъ губерніяхъ.

Самъ г. Подобѣдъ, кажется, склоненъ къ тому, что исправникъ здѣсь хлопочетъ исключительно объ интересахъ винокуровъ и что, на основаніи положенія Совѣта Министровъ отъ 3 ноября 1914 года, постановлено, въ случаяхъ невозможности принимать въ казну выкуриваемый на заводахъ спиртъ, производить пріемку такового въ казну на заводахъ, съ оставленіемъ его на храненіи у заводчиковъ за ихъ отвѣтственностью.

Въ настоящее время и казенныя спиртохранилища всюду переполнены и это обстоятельство, конечно, тревожитъ людей.

Тѣмъ не менѣе я говорю объ этомъ въ виду того, что орловская администрація вѣритъ въ трезвый народъ и что всякія ссылки на давно прошедшіе годы неубѣдительны даже для чиновниковъ.

Еще не такъ давно репутація орловскаго обывателя была самая отвратительная. Орловцы — проломленныя головы, Орелъ и Кромы — первые воры, Карачевъ — имъ на поддачу, Амшанина (изъ Мценска)—не пускай на дворъ, Елецъ и Ливны всѣмъ ворамъ дивны, и т д. Теперь этого мнѣнія о жителяхъ Орловской губерніи уже никто не держится. Трезвый народъ никому не опасенъ, и всѣ страхи о томъ, что онъ можетъ испортить „праздникъ трезвости“ грабежомъ и хулиганствомъ, — признаются ложными и необоснованными. Во время первой мобилизаціи во многихъ губерніяхъ случались погромы запасными воинскими чинами винныхъ лавокъ и складовъ. А при перевозкѣ спирта изъ одного мѣста въ болѣе безопасное или для уничтоженія, населеніе нападало на транспорты со спиртомъ, охраняемые даже вооруженными лицами. Послѣдніе

говорили мнѣ: „Во избѣжаніе открытаго грабежа толпой, мы иногда приступали къ продажѣ толпѣ спирта, и вырученныя суммы представляли въ акцизныя управленія...“ Тѣмъ не менѣе эти факты свидѣтельствуютъ, что во время первой мобилизаціи были еще живы въ народѣ и среди новобранцевъ пьяныя традиціи; что заря трезвости только что занималась и еще не успѣла плѣнить собой массы. Наконецъ, изъ десятковъ тысячъ винныхъ лавокъ и складовъ, почти не охраняемыхъ, подверглись разгрому какой нибудь одинъ или два процента. Поэтому, смѣло можно вѣрить, что чѣмъ далѣе отъ прошлаго, тѣмъ менѣе будетъ его повтореній, въ особенности, если будетъ одновременно и культурный подъемъ народа.

XXII.

Общая характеристика вліянія запрещенія торговли крѣпкими напитками на населеніе Тульской губерніи.

Пріѣхавъ въ Тульскую губернію, я получилъ, между прочимъ, отъ управляющаго акцизными сборами С. В. Горскаго любопытныя свѣдѣнія о томъ, что, когда послѣдовало запрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ, населеніе отнеслось къ этому поначалу совершенно безразлично, какъ къ мѣрѣ временной; затѣмъ, когда стали говорить о прекращеніи продажи вина до окончанія войны и даже навсегда,—отношеніе стало скептическое. Народъ не допускалъ возможности такого рѣшительнаго оборота дѣла и ждалъ открытія продажи, при чемъ народная молва пріурочивала это открытіе къ извѣстнымъ опредѣленнымъ днямъ. Въ настоящее же время, населеніе испытало на себѣ всѣ благія послѣдствія прекращенія продажи вина и увидѣло воочію,

что потребленіе вина не есть необходимость и что безъ него могутъ обходиться свободно даже завзятые пьяницы. Такое отношеніе народа къ запрещенію продажи вина вполнѣ сознательное,—но, конечно, откройся сейчасъ явная или тайная продажа вина,—населеніе, въ особенности деревенское, не выдержитъ соблазна и начнетъ пить.

Съ этимъ мнѣніемъ нельзя было не согласиться...

— Слишкомъ мало еще прошло времени со дня прекращенія продажи вина и слишкомъ соблазнительно искушеніе, — говорятъ всюду. — Безъ полнаго запрещенія вина никакія чтенія о вредѣ пьянства, никакія брошюры и картины на эту тему не помогутъ. „Возьмите ту же интеллигенцію", говоритъ одинъ священникъ: „и много знаютъ, и много читаютъ и всякими развлеченіями пользуются, разумными и полезными, а горя и муки развѣ пьянство не вносило въ эти семьи и даже большихъ, ибо все тамъ нѣжнѣе и хрупче?" Нужно, чтобы выросло одно, два поколѣнія, незнавшія вкуса вина, тогда деревня будетъ спасена и не будутъ для нея опасны никакіе соблазны, а для этого необходимо, чтобы вино ни въ какомъ видѣ не проникло въ деревню. Иначе это, по выраженію другого священника: „было бы похоже на то, какъ человѣка вынули изъ грязи, обмыли, одѣли въ чистую одежду затѣмъ только, чтобы снова его бросить въ вонючій пометъ".

Цѣлый рядъ фактовъ указываетъ на повышеніе экономическаго благосостоянія населенія:

1) Исправное поступленіе налоговъ и даже уплата ихъ впередъ.

2) Исправная уплата арендныхъ денегъ.

3) Приливъ новыхъ вкладчиковъ въ сельскихъ сберегательныхъ кассахъ.

4) Аккуратные платежи кредитнымъ товариществамъ и уменьшеніе ссудъ.

5) Надѣльная земля, раньше сдававшаяся всегда въ аренду—обсѣивается для собственной потребности.

6) Проявленіе интереса къ сельскому хозяйству и поднятіе трудоспособности населенія.

7) Пріобрѣтеніе сельско-хозяйственныхъ орудій и живого инвентаря. Переходъ къ хозяйству механической силой.

8) Улучшеніе построекъ.

9) Улучшеніе питанія населенія.

10) Уменьшеніе числа нищихъ.

Въ настоящее время правительственныя и общественныя пособія далеко не покрываютъ тѣхъ убытковъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которые вызваны войной, неурожаемъ, дороговизной и безкормицей скота. Если, несмотря на всѣ перечисленныя неблагопріятныя условія, платежныя способности населенія стали лучше: оно исправнѣе вноситъ подати, увеличиваетъ свои вклады въ ссудо-сберегательныя кассы, устраиваетъ кооперативы (кредитныя товарищества) и т. д., то такое матеріальное улучшеніе слѣдуетъ приписать исключительно вліянію трезвости. Вотъ нѣсколько цифръ въ подтвержденіе сказаннаго. По даннымъ центральной ссудо-сберегательной кассы Ефремовскаго казначейства за январь, февраль и мартъ 1914 года было:

Поступленій	97.635	руб.	82	коп.
Выдачъ	96.972	„	71	„

Въ тѣ же мѣсяцы 1915 года:

Поступленій	154.777	руб.	48	коп.
Выдачъ	127.266	„	32	„

По Ефремовской почтовой кассѣ за тѣ же мѣсяцы было:

Въ 1914 г.:	поступленій .	2.919 руб.	—	коп.
	выдачъ	4.521 „	—	„
Въ 1915 г.:	поступленій .	7.786 „	25	„
	выдачъ . . , .	3.050 „	92	„

По Буреломовскому кредитному товариществу Ефремовскаго уѣзда взносы превышаютъ выдачу ссудъ:

за весь 1913 годъ на	6.221 руб.
„ „ 1914 „ „	14.535 „

Улучшеніе благосостоянія населенія необходимо отнести на счетъ прекращенія продажи крѣпкихъ напитковъ, а не на счетъ пособій (пайковъ), выдаваемыхъ семьямъ призванныхъ на войну. Пособія эти въ большинствѣ случаевъ и сами по себѣ не велики, въ особенности при той дороговизнѣ жизни, которая существуетъ въ настоящее время, и замѣняютъ только заработокъ, получавшійся работникомъ, ушедшимъ отъ семьи на войну. Во-вторыхъ—улучшеніе благосостоянія наблюдается и въ тѣхъ семьяхъ, которыя никакихъ пособій не получаютъ, и среди тѣхъ одиночекъ-бѣдняковъ, которые также никакихъ пособій не получаютъ и которые ранѣе были главными потребителями вина. Пайки принадлежатъ лично солдатскимъ семьямъ, а не всему населенію. Выдаваемыя правительствомъ денежныя пособія, пайки, только въ малой степени уравниваютъ убытки, связанные съ уходомъ на войну рабочихъ рукъ. Эти пайки и пособія въ былое время (японская война) пропивались населеніемъ и не приносили ему ровно никакого матеріальнаго улучшенія.

„Вскорѣ послѣ прекращенія продажи водки, завзятые пьяницы совершенно измѣнились", пишетъ земскій врачъ Чернскаго уѣзда. „Они утратили свой жалкій видъ, стали здоровѣе, бодрѣе и усердно принялись за работы по полеводству и ремесламъ. Такое явленіе

имѣетъ громадное научное значеніе, такъ какъ совершенно и какъ нельзя болѣе просто разбиваетъ извѣстное заблужденіе въ публикѣ, имѣвшее мѣсто даже и въ медицинѣ, что пьянство есть не порочная привычка, дурной обычай и недостатокъ нравственной силы, а болѣзнь. Теперь стало вполнѣ очевидно, что понятіе о пьянствѣ, какъ болѣзни, есть не болѣе какъ абсурдъ, потому что никакая болѣзнь не излѣчивается простымъ запрещеніемъ хворать".

По общимъ отзывамъ лицъ, близкихъ къ населенію, никакихъ суррогатовъ алкоголя въ деревню не проникаетъ и сама деревня никакихъ суррогатовъ не приготовляетъ, за исключеніемъ единичныхъ случаевъ изготовленія домашней и для домашняго употребленія браги. Что касается денатурата, то таковой въ деревню не проникаетъ и, если имъ пользуются, какъ суррогатомъ, то только въ городахъ и при этомъ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, такъ какъ книжки на полученіе денатурата выдаются акцизнымъ надзоромъ съ большою осторожностью.

О тайномъ винокуреніи и пивовареніи никто и не слыхалъ.

По вопросу объ азартныхъ играхъ сообщенія расходятся — по однимъ такія игры и раньше существовали, существуютъ и теперь, по другимъ—азартныхъ игръ совсѣмъ нѣтъ въ деревнѣ или они очень мало развиты, но почти всѣ сходятся въ одномъ, что женщины въ играхъ не участвуютъ.

Время свободное отъ работы крестьяне проводятъ безцвѣтно и безсодержательно; собираются иногда вмѣстѣ и проводятъ время въ обычныхъ будничныхъ бесѣдахъ; малая часть интересуется газетами, къ нимъ иногда собираются послушать военныя извѣстія и ведутъ по этому поводу бесѣды. Карточная игра суще-

ствуетъ въ томъ видѣ, какая была и при винной торговлѣ. Игра бываетъ иногда азартная, проигрываютъ большіе куши. Но количество игроковъ не увеличилось, а остались прежніе любители игръ и продолжаютъ это дѣло въ томъ же духѣ, какъ и раньше. Правильнѣе заключить, что прекращеніе продажи крѣпкихъ напитковъ не внесло какихъ-либо существенныхъ измѣненій въ эту сторону народной жизни. Есть большое стремленіе у народа къ чтенію книгъ, которыхъ къ сожалѣнію почти нѣтъ въ деревнѣ. Очень желательны и необходимы въ деревняхъ библіотеки съ хорошими книгами. Но до сихъ поръ со стороны сельской и городской интеллигенціи, въ особенности владѣльцевъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій: заводовъ, большихъ экономій, угольныхъ копей — вовсе не наблюдается стремленія къ организаціи культурныхъ начинаній, хотя бы путемъ незначительныхъ для этого долевыхъ отчисленій отъ заработной платы или отъ дивидендовъ у капиталистовъ. Отрицательное отношеніе къ этому дѣлу людей, отъ которыхъ можно было ожидать должной иниціативы и матеріальной поддержки, къ сожалѣнію наблюдается повсюду. Въ видѣ исключенія имѣются указанія кое-гдѣ на устройство мѣстнымъ помѣщикомъ кинематографа или спектакля. Книгъ для чтенія, да и сельскихъ библіотекъ почти не существуетъ. Не хватаетъ даже книгъ для школьнаго возраста. Количество чайныхъ и посѣщаемость ихъ значительно возрасли. Для заполненія пустоты, образовавшейся послѣ изъятія изъ народнаго обихода крѣпкихъ напитковъ, среди сельскаго и городского населенія назрѣваетъ крайняя потребность въ устройствѣ постоянныхъ мѣръ для полезныхъ и разумныхъ развлеченій (народныхъ домовъ, библіотекъ, мастерскихъ), но за недостаткомъ средствъ—это дѣло будущаго.

— Вообще же,—добавилъ г. Горскій,—борьба съ „врагомъ человѣчества“, ведется въ настоящее время всюду и чиновниками акцизнаго надзора, и народными учителями, и земскими управами, и мѣстнымъ духовенствомъ. О всѣхъ лицахъ, особо выдающихся своей дѣятельностью по укрѣпленію началъ трезвости, окружные надзиратели доводятъ до моего свѣдѣнія съ подробнымъ описаніемъ ихъ дѣятельности. Въ столь же тѣсное соприкосновеніе, какъ съ духовенствомъ и учителями, чинамъ акцизнаго надзора предписано войти въ сношеніе съ союзами трезвенниковъ и съ ссудо-сберегательными товариществами, всякаго рода мѣстными кредитными учрежденіями и кооперативными обществами. Учрежденіямъ предполагается оказывать возможное содѣйствіе въ устройствѣ библіотекъ, чтеній, народныхъ клубовъ и т. п. Они же съ своей стороны будутъ воздѣйствовать на лицъ нетрезваго поведенія, корчемниковъ и т. п. путемъ лишенія ихъ кредита, его сокращеніемъ или другими мѣрами въ предѣлахъ ихъ компетенціи.

Доставъ изъ папки нѣсколько новыхъ донесеній окружныхъ надзирателей и бѣгло просматривая ихъ, г. Горскій продолжалъ:

— Иногда немногіе выражаютъ сожалѣніе въ невозможности добыть вина въ особыхъ случаяхъ, при которыхъ установившійся изстари обычай освятилъ употребленіе вина, какъ напримѣръ на свадьбахъ. Кромѣ того, въ крестьянской средѣ существуетъ твердое убѣжденіе въ томъ, что умѣренное потребленіе вина, напримѣръ при усиленныхъ работахъ, въ пути во время холодовъ и сырой погоды, необходимо и полезно, вслѣдствіе чего и приходится нерѣдко слышать жалобы на невозможность пріобрѣтенія вина. Къ употребленію суррогатовъ вина стали прибѣгать лишь неисправимые алкоголики и при томъ главнымъ образомъ въ г. Тулѣ,

какъ центрѣ фабричной промышленности и скопленія рабочаго люда. Употребленіе денатурата и другихъ суррогатовъ внѣ городовъ не замѣчается, и напримѣръ, въ такомъ значительномъ поселкѣ, какъ при ст. Узловой Сызр.-Вяз. жел. дор., продажа денатурированнаго спирта изъ казенной винной лавки составила въ январѣ мѣсяцѣ 31 ведро, въ февралѣ — 14,6 вед., въ мартѣ—19,7 вед. и въ апрѣлѣ—14,6 ведеръ. Въ Тулѣ развито кустарное производство гармонныхъ ящиковъ, которые передъ полировкою чистятся спиртомъ. Занимающіеся этимъ производствомъ кустари обыкновенно снабжаются полицейскими приставами особыми удостовѣреніями на полученіе талонныхъ книжекъ, которыя выдаются на пріобрѣтеніе денатурированнаго спирта въ самыхъ ограниченныхъ количествахъ, но прослѣдить, сколько каждый такой кустарь употребитъ на надобность своего производства и сколько для питья, весьма сатруднительно.

XXIII.

Недовольстно интеллигентныхъ людей народной трезвостью.

Дѣлясь со мною драгоцѣнными свѣдѣніями о пьянствѣ и трезвости въ Тульской губерніи, С. В. Горскій простеръ свою любезность до того, что вызвался вмѣстѣ со мной поѣздить по фабрикамъ Тулы, чѣмъ я и воспользовался впослѣдствіи. А передъ этимъ, мнѣ надо было выѣхать въ одинъ изъ глухихъ уѣздовъ, гдѣ я встрѣтилъ, однако, очень интересное общество.

Мнѣ пришлось быть у богатаго помѣщика въ обществѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, пріѣхавшихъ изъ губернскаго города къ хозяину на имянины въ его усадьбу.

Разговоръ о водкѣ начался у насъ въ „мягкихъ тонахъ“.

— Мы безъ нея „огрубѣли“, теноркомъ и насмѣшливо произнесъ изящно одѣтый и выстриженный ежомъ, лѣтъ сорока, служащій по судебному вѣдомству, господивъ. — Съ челобитной въ Петроградъ поѣдемъ на эту трезвость.

Я спросилъ о причинахъ его недовольства въ томъ же тонѣ.

— Да помилосердствуйте! — уже демонстративно закричалъ онъ.—Все же мы бояре и не хотимъ, чтобы нами командовали трактирщики. Ну, на что это похоже? Бывало, пріѣдешь въ гостинницу обѣдать, подаетъ лакей водку и считаетъ, сколько ты выпьешь рюмокъ, а потомъ убираетъ графинъ и говоритъ тебѣ: „невозможно больше. Довольно съ васъ“. Каково? А? Теперь еще того лучше... Совсѣмъ не даютъ ни водки, ни вина. Уже никакого довѣрія ни мнѣ, ни лакею... За что же это? Чѣмъ мы провинились, чтобы лишать насъ всѣхъ правъ состоянія? Да я, право, скоро перейду въ иностранное подданство... Ей же ей перейду, если послѣ войны не откроютъ торговлю виномъ и водкой. Франція расторгнетъ союзъ съ Россіей, если у насъ не будутъ пить шампанское и коньякъ!

Онъ громко смѣялся и продолжалъ весело острить:

— Неужели же въ Старый Осколъ, Курской губерніи, ѣздить намъ за виномъ? Тамъ еще сохранили свободу виноторговли и во время войны...

„Какъ чару пьешь—другой хочется,
Другую пьешь—по третьей душа горитъ“.

Слушая этого Іеремію по водкѣ, я удивлялся, какъ онъ близко принимаетъ къ сердцу свободу личности и какъ мало было вообще у русскаго общества этого со-

чувствія къ свободѣ ранѣе. Отняли водку—заговорили о свободѣ!

Ораторъ обратился вскорѣ ко мнѣ уже лично:

— „Ваша трезвость“ напоминаетъ трезвость человѣка, котораго заперли въ комнату и лишили свободы пить крѣпкіе напитки. Но развѣ такая нужна трезвость? Нѣтъ, вы отоприте комнату и, если человѣкъ на волѣ не будетъ пить водку, тогда радуйтесь и поздравляйте его съ отрезвленіемъ.

— Радуешься и тогда,—отозвался я:—когда его возьмутъ въ клинику для алкоголиковъ и выпускаютъ оттуда уже излѣченнымъ. Трезвый человѣкъ хорошъ и по чужой волѣ и по собственной... А закрытіе торговли спиртными напитками не мѣшаетъ вамъ развивать въ населеніи сознаніе о вредѣ алкоголя. Но важно и то, чтобы тотъ, кто хочетъ напиться, не могъ напиться... Это „не могъ“ достигается желѣзнымъ замкомъ на дверяхъ винныхъ лавокъ.

Мой оппонентъ почему-то обидѣлся на „желѣзный замокъ“ и волнуясь воскликнулъ грубо:

— Да позвольте! Позвольте! Вы развѣ не знаете, что законы издаются за тѣмъ, чтобы люди обходили ихъ?

— Кромѣ законовъ добра и любви, когда ими одухотворено законодательство...

— Да позвольте! Позвольте!—перебилъ онъ вновь довольно грубо. — Какое это добро? Я водки не пью, но я люблю распить бутылку хорошаго краснаго вина... Я люблю шампанское... Дорогой Шато-Икемъ... Это веселое вино... Это создаетъ настроеніе... А вы мнѣ ничего не даете и говорите о любви.

Среди гостей нашлось много сочувствующихъ ему лицъ и я почувствовалъ, что надо сказать имъ правдивое слово о томъ, что всѣ они говорятъ только о себѣ...

— Какое же дѣло государству,—спросилъ я:—до утонченныхъ вкусовъ образованныхъ и богатыхъ людей, которые не хотятъ знать насущныхъ нуждъ разоряющихся и спивающихся массъ безграмотнаго народа? Государство создано для тѣхъ, кто нуждается въ его помощи, а не для пресыщенныхъ и просвѣщенныхъ людей. На самомъ дѣлѣ, кому какая печаль отъ того, что на вашемъ столѣ, вмѣсто лафита и шато-икема, подаютъ квасъ, когда ваша жизнь нисколько отъ того не бѣднѣетъ и вы сами не глупѣете? Между тѣмъ, если у народа не будетъ водки, онъ принимаетъ образъ человѣка и государство богатѣетъ. Если даже не весь народъ дѣлается инымъ безъ водки, то все-таки, въ значительной своей части, онъ иной и нѣтъ возможности перечислить всѣ матеріальныя и нравственныя благодѣянія трезвости.

Мнѣ казалось, что я былъ правъ, приписывая государству задачи о спасеніи несчастныхъ массъ, а не избраннаго, во всемъ счастливаго меньшинства.

Но тѣ же оппоненты возражали мнѣ горячо:

— Ваши мѣры укрѣпленія трезвости ничѣмъ не помогутъ народу. Ваша наука, развлеченія и внѣшкольное образованіе—пустыя слова... Наука и въ культурное общество проникаетъ слабо. Она никогда не проникала въ него, а только „касалась“. А „волшебные фонари“ имѣютъ одно игрушечное значеніе. Да темный народъ и не ходитъ на эти лекціи, а посѣщаютъ ихъ полуинтеллигенты.

Ораторъ не давалъ мнѣ возможности возразить ему и, перебивая меня крикомъ: „да позвольте! Это одна фантазія“,—продолжалъ:

— Такъ называемыя нравственныя развлеченія развиваютъ въ массахъ однѣ порочныя стороны... Это мы видимъ въ народномъ домѣ въ Петроградѣ и въ

народномъ домѣ въ Ковно имени Столыпина. Что касается внѣшкольнаго образованія, то если оно будетъ плохо, тогда и толковать нечего, а если оно пойдетъ въ сторону общественныхъ задачъ, то администрація его „заморозитъ“... Заморозитъ,— повторилъ онъ.

Совершенно неожиданно для себя, я услышалъ кругомъ дамскіе голоса противъ оратора:

— Чему же вы радуетесь? Это можетъ случиться, но лучше, если бы это не случилось.. Пора и веснѣ быть...

— Что называть „весной“?—возразилъ тотъ упрямо. Благосостояніе народа не зависитъ отъ запрещенія виноторговли... Есть другіе факты, которые создаютъ у народа и нравственность, и зажиточность. Вы забыли патріотическій подъемъ духа и казенные пайки...

— Это вы забыли,—закричали дамы.—Вы забыли, что при торговлѣ водкою казенные пайки были бы пропиты и, вмѣсто патріотизма, было бы одно хулиганство. Это вамъ послѣдній мужикъ скажетъ... Поговорите съ народомъ.

Я нисколько не удивился тому, что дамы изъ помѣщичьихъ семей прекрасно знали народъ и судили о немъ болѣе безпристрастно и безкорыстно. Ихъ сбилъ съ толку все время кокетничавшій съ ними юный офицеръ, задавшій одной дѣвицѣ вопросъ:

— У насъ съ вами ровно пятьсотъ рублей. Скажите, у кого больше, у кого меньше? Какъ вы не можете отвѣтить на этотъ вопросъ, такъ нельзя отвѣтить и на другой: повліяло ли на благосостояніе народа запрещеніе виноторговли или патріотическое настроеніе, сокращеніе народонаселенія, пайки и т. д.?

Офицеръ самодовольно любовался смущеніемъ среди дамскаго персонала и, подхвативъ одну изъ нихъ подъ руку, ушелъ влюбленнымъ турухтаномъ (порода куликовъ) на веранду дома любоваться чуднымъ вечеромъ. Его смѣнилъ незнакомый мнѣ аграрій, въ широчайшемъ пиджакѣ и такихъ же брюкахъ.

— Анкета преждевременна,—густымъ басомъ произнесъ онъ.—Она ведется сторонниками трезвости и потому не будетъ убѣдительной для лицъ, не сочувствующихъ прекращенію торговли виномъ. Если бы анкета произведена была винокуренными заводчиками и трактирщиками, то результаты получились бы совершенно противоположные.

— Разница несомнѣнно скажется въ анкетѣ,—согласился я.—У меня она произведена во всѣхъ слояхъ общества и народа. При томъ, я особенно дорожу доводами противниковъ запрещенія торговли крѣпкими напитками. Мнѣ особенно нужна ихъ аргументація, но ее-то и нѣтъ у нихъ. Ссылаются на отсутствіе народа, ушедшаго на войну... Но если отсутствіе водки благотворно вліяетъ на меньшинство, то можетъ ли оно иначе вліять и на большинство? Война тоже не отвлекаетъ отъ водки и люди съ горя отлично пили бы ее, если открыть виноторговлю.

„Просторный“ помѣщикъ горячо воскликнулъ:

— Жизнь требуетъ постоянныхъ раздраженій и возбудителей... Въ настоящее время обстоятельства жизни и безъ вина пьянятъ людей и дѣлаютъ излишними искусственные возбудители, какъ спиртъ. Но минуетъ война, дѣйствительность, и для многихъ ужасная дѣйствительность, скажется!.. Масса семей не дождется дорогихъ своихъ друзей и кормильцевъ, павшихъ на полѣ брани. Страна будетъ наполнена калѣками и больными, утратившими трудоспособность, и вотъ тогда-то повысится потребность въ одурманивающихъ средствахъ. Пойдутъ въ ходъ разные кумышки, ханжи и т. п. напитки, эфиръ, денатуриро-

ванный и древесный спиртъ, а можетъ быть и опій, морфій, гашишъ.

Опять неожиданно для меня дамы стали поддерживать мою мысль и говорили, что „возбудители“ жизни могутъ быть не въ склянкѣ; что въ мирное время народъ, безъ „одурманивающихъ средствъ“, захочетъ истинно-гражданскихъ средствъ, ведущихъ его къ сознательной жизни. Защитники наркотическихъ средствъ ссылались на „Русское Слово“ отъ 10 февраля 1915 года, гдѣ, по собраннымъ Министерствомъ Финансовъ свѣдѣніямъ за 6 мѣсяцевъ запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ обнаружено 1.825 заводовъ, занимавшихся производствомъ особаго сорта водки „кумышки“, 160 винокуренныхъ заводовъ, оборудованныхъ по всѣмъ правиламъ современной техники, 92 завода, спеціально занимавшихся очисткой политуры и лака и 60 заводовъ, занимавшихся очищеніемъ денатурированнаго спирта. „Петроградскій Курьеръ“ собралъ свѣдѣнія изъ Пензенской, Тамбовской, Симбирской и другихъ губерній о новомъ напиткѣ „квасокъ“. Составъ этого зелья характеризуется такъ: „плесни собакѣ на хвостъ,— облѣзетъ“. Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ была помѣщена замѣтка Огановскаго, подъ заглавіемъ „Выдержитъ ли?“ Въ ней приводится масса данныхъ о широкомъ размѣрѣ потребленія разныхъ домашнихъ пьяныхъ напитковъ. Такимъ образомъ, говорятъ, что совершенно изъять употребленіе пьянящихъ напитковъ невозможно. Очевидно человѣчество обойтись безъ нихъ не можетъ и не хочетъ. Всемірная исторія убѣждаетъ въ этомъ. Тамъ, гдѣ населеніе не въ состояніи доставать менѣе вредные напитки, оно будетъ вынуждено употреблять вреднѣйшіе.

Большинство присутствующихъ были подавлены фактами и всѣ забыли, что нѣтъ реформы безъ отрыжки

старой жизни, что все наше несчастіе въ 60-хъ годахъ заключалось въ томъ, что реформы застали насъ беззаконниками и потому онѣ не были своевременно увѣнчаны.

— Ну, на самомъ дѣлѣ,—произнесъ я:—темные спекуляторы занимаются корчемствомъ и находятъ сбытъ водки, также, какъ воры сбываютъ краденыя вещи, фальшивомонетчики—деньги... Статистика о нихъ еще болѣе обильна цифрами. Но кто скажетъ, что „очевидно, человѣчество обойтись безъ нихъ не можетъ и не хочетъ“? Кто скажетъ, что преслѣдуя или исправляя преступность, — „вредные поступки замѣняются еще болѣе вреднѣйшими“? Мнѣ не приходилось наталкиваться въ черноземныхъ губерніяхъ на ростъ тайнаго винокуренія. Я имѣлъ дѣло съ массами и никогда не видѣлъ въ народѣ стремленія „открыть предохранительный клапанъ“ въ трезвости, допустивъ въ продажу слабыя вина и т. д. Напротивъ, я слышалъ всюду благословенія абсолютной трезвости; боязнь и тревогу, что послѣ войны это положеніе измѣнится непрошенными печальниками за трезвый народъ. А что касается отрицательныхъ явленій на почвѣ отрезвленія, то у Бога времени много и надо надѣяться, что правительство используетъ его согласно самочувствію трезваго народа.

На меня посыпались возраженія, одно за другимъ несостоятельнѣе, одно другое повторяющее...

— Запрещеніе продажи крѣпкихъ напитковъ путемъ законодательнаго акта рискованно, говорили. Вы не сдѣлаете мужское населеніе институтками! Вслѣдствіе усиленной работы нервовъ въ нашъ вѣкъ, алкоголь необходимъ, какъ успокаивающее и подбадривающее средство. Теперь, вмѣсто алкоголя, прибѣгаютъ къ его суррогатамъ, что гораздо губительнѣе

для человѣческаго организма. Всѣ начинанія вѣдомствъ и общественныхъ организацій о заполненіи народнаго досуга должны быть строго систематичны, лекціи должны быть цѣльнымъ курсомъ и вестись подъ руководствомъ какого нибудь одного учрежденія. Лекторами должны быть не идейные работники, отъ которыхъ нельзя ожидать пользы за неимѣніемъ у нихъ свободнаго времени, а платные.

Споръ начиналъ увлекать и меня. Перебивая другихъ, я кричалъ:

— Алкоголь никогда „не успокаивалъ“ и не „подбадривалъ“ людей; лекціи хороши и тогда, когда онѣ курсовыя, и тогда—когда онѣ дѣльно касаются отдѣльнаго вопроса; естественнѣе, конечно, чтобы земство взяло на себя заботу о школьномъ и внѣшкольномъ образованіи народа, но нужна въ этомъ дѣлѣ свобода и частныхъ лицъ. Можно людямъ и деньги платить, а можно и безплатно принимать ихъ трудъ, если его даютъ. Развѣ все это мѣшаетъ торжеству трезвости и чѣмъ вы недовольны ею?

— Мужику—да: надо запретить водку пить, а не намъ, воскликнули болѣе откровенные мои оппоненты. Мы въ чемъ угодно либералы, а по пьяному дѣлу у насъ такое мнѣніе.. Намъ и свобода, и все, а мужикъ не созрѣлъ... Оно, конечно, мужику тоже нужна свобода, но постепенно, не сразу. Назначь за бутылку водки десять рублей, ну мужикъ и не будетъ пить, и богатые люди не будутъ жаловаться, что изъ-за мужиковъ они не могутъ пить хорошаго и дорогого вина. Это неправда, что мужика не запугаешь пятью или десятью рублями за бутылку. Если я не могу купить автомобиль за 2000 рублей, хотя я хотѣлъ бы имѣть его, такъ точно и мужикъ не выпьетъ, если за бутылку надо заплатить 5 или 10 рублей.

Весь этотъ потокъ словъ, очевидно былъ направленъ къ тому, чтобы доказать необходимость пить крѣпкіе напитки богатымъ классамъ, а не бѣднымъ,

Думая, что алкоголь вреденъ, какъ принцу крови, такъ и фабричному рабочему, я считалъ споръ объ этомъ излишнимъ. Оппоненты разошлись во всю и съ серьезнымъ видомъ повторяли:

— Самъ Христосъ превращалъ воду въ вино, а мы, что же, не христіане, что ли? Почему же? Съ какой стати не даютъ намъ пить. У насъ есть самолюбіе и мы сами знаемъ, какъ себя и гдѣ вести. Мы не мужики... Многихъ изъ насъ ѣда не беретъ, и сонъ не одолѣваетъ безъ водки. Бабы деревенскія, правда, просятъ иногда подать прошеніе не открывать винныя лавки, да такъ бабъ и послушаютъ. Торговлю виномъ всячески можно упорядочить, но не уничтожать. Подъ контролемъ общества можно торговать виномъ даже въ деревняхъ, На мірской сходкѣ, на совѣтѣ, должно рѣшить, кому продавать водку и кому нельзя. Въ деревняхъ всѣ знаютъ другъ друга... Можно и слѣдить за покупателемъ и штрафовать его, залоги брать и отбирать, если будетъ пьянствовать.

Я былъ поглощенъ откровеннымъ признаніемъ мѣстныхъ политиковъ о свободѣ въ виноторговлѣ для просвѣщенныхъ людей, а не для народа.

— Правительству удалось запретить торговлю виномъ, но пріостановить производство спирта никогда не удастся, продолжали они. Государство поощряло послѣднее. Многіе помѣщики понастроили винокуренные заводы, ввели въ сѣвообороты корнеплоды, заготовили всюду въ изобиліи картофель... Что же онъ долженъ, ради трезвости мужиковъ, погнить? Можетъ быть казна скупитъ его, высушитъ въ порошокъ и, сдѣлавъ удобнымъ для перевозки, будетъ кормить сол-

датъ? Но на это нужно время и умѣнье... Мы еще будемъ пить! Такъ, даромъ, мы не подаримъ казнѣ наше веселье! Это вздоръ, что навсегда запретили водку! Почему тогда не запретить флиртъ?.. Это не менѣе вредно... Не нужно намъ опеку. Даже народъ протестуетъ злоупотребленіями. Вотъ что пишутъ въ газетахъ про наши восточныя окраины: „Дрожжи замѣняютъ спиртъ. Пьютъ квасъ и закусываютъ дрожжами. Опьяненіе ужасное и мучительное. Въ сосѣднемъ селѣ этой весной, кажется, въ Троицу или въ Духовъ день, было продано 108 фунтовъ дрожжей; народъ чуть не разнесъ палатку, потому что у торговки вышелъ весь запасъ, а спросъ все увеличивался... Тогда и умеръ одинъ въ тотъ самый день,— съѣлъ около фунта, запивая какимъ-то лимонадомъ. Ужасъ, что творится". (Новое Время, № 14163). Никакое образованіе здѣсь не поможетъ. Возьмите Америку... Тамъ имѣются штаты, гдѣ спиртные напитки запрещены, а пьянство процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ въ свободныхъ штатахъ. Это какъ вы объясните? Это ли не доказательство безплодной борьбы съ потребностью человѣка время отъ времени опьяняться? А кажется Америка—страна образованная. Неужели вы будете и это отрицать.

— Что же удивительнаго въ томъ, отвѣтилъ я; если въ такъ называемыхъ „сухихъ" штатахъ Америки процвѣтаетъ пьянство, когда рядомъ съ запрещеніемъ торговли спиртными напитками, разрѣшается этимъ штатамъ свободно провозить крѣпкіе напитки изъ сосѣднихъ „мокрыхъ" штатовъ. Вотъ здѣсь и „зарыта собака".

Я уже не сталъ говорить о другой „собакѣ" въ народномъ образованіи янки. Послѣдній еще въ начальной школѣ знаетъ законодательство своей страны

изучаетъ и дебетъ, и кредитъ, понимаетъ вексельное право, учетъ всякихъ бумагъ и т. д. Утилитарное знаніе, конечно, нужно всякой странѣ, но нужно и этическое образованіе. Его всегда не доставало въ Америкѣ. Тамъ были мистическія ученія съ примѣсью соціализма, какъ у мормоновъ, шекэровъ, спиритовъ, перфекціонистовъ (библейскіе коммунисты), о чемъ краснорѣчиво изложено у В. Диксона въ его „Новая Америка". Мистицизма въ утилитарномъ сектантствѣ Америки гораздо болѣе, чѣмъ эпическаго ученія о чистотѣ нравовъ и хистіанствѣ сердца. Иначе трудно допустить, при идеальномъ политическомъ строѣ Америки, широкое въ ней распространеніе съ одной стороны бездушнаго милліардерства, а съ другой—пауперизма, проституціи, сифилиса, туберкулеза, алкоголизма, линчеваніе негровъ и т. д. Аналогичное наблюдается и въ современной Германіи, гдѣ утилитарныя знанія вполнѣ усвоены массами простого народа, а ихъ этическій уровень напоминаетъ дикарей. Потому нѣтъ надобности ссылаться на образованіе европейскихъ народовъ, если это образованіе всюду чисто утилитарно-техническое и если оно не отвращаетъ людей даже отъ пьянства.

— Да оно, это самое пьянство, перебили меня: вовсе не скотское состояніе человѣка. Оно потому и уживается съ цивилизаціей. Ваша борьба со спиртомъ безплодна, а бюджету убытокъ.

Меня удивляло ихъ непониманіе того, что если „пьяный бюджетъ" лишается почти милліарда рублей, то вѣдь этотъ милліардъ остается все-таки въ странѣ. Онъ не пропалъ. Чего же тужить? Извлечь его обратно въ казну—надо другимъ способомъ. Народъ придумалъ этотъ способъ, покупая предметы потребленія и вспоминая винную монополію характер-

ными словами; „Куда дьяволъ не можетъ самъ пройти, туда онъ посылаетъ водку“.

— Вспомните, продолжалъ мой противникъ:—какіе произошли нѣсколько лѣтъ тому назадъ на югѣ Франціи безпорядки, когда законодатели хотѣли посягнуть на свободу виноградарей.

Я замѣтилъ, что русскій народъ уже по собственному желанію хочетъ быть трезвымъ и боится именно вновь свободной торговли водкой.

— Это голословное утвержденіе, перебили меня.— Никогда русскій народъ по собственной волѣ не откажется отъ водки.

Я видѣлъ у хозяина на столѣ книгу Прыжова: „Исторія кабаковъ въ Россіи“ и тотчасъ же нашелъ у него краснорѣчивыя страницы о томъ, какъ народъ нерѣдко самостоятельно добивался отрезвленія и какъ администрація ранѣе этому препятствовала.

Я началъ читать:

„Въ 1859 году проносится по всей землѣ мысль о воздержаніи и трезвости (см. соч. Н. Доброл. IV. 65—108). Когда откупъ достигъ крайняго своего предѣла, когда для того, чтобъ споить народъ, были употреблены всевозможныя изобрѣтенныя средства, и слухи, что по цѣлковому съ ведра пойдетъ за выкупъ земли (М. Вѣдом. 1859, I) и на уплату недоимокъ (Русс. Вѣстн. 1859, 5), а цѣна вину все возрастала, народъ сталъ требовать водки по указанной цѣнѣ. Пробовали заставить откупщиковъ понизить цѣну, но оказалось, что съ откупомъ тягаться опасно (М. Вѣд. 134, 150 и др.). И вотъ безъ всякихъ уговоровъ, безъ всякой стачки, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, народъ самъ собою перестаетъ пить вино. Жалобы на недоборъ слышатся даже и тамъ, гдѣ о трезвости совсѣмъ и не думали, но скоро и здѣсь начинаютъ появляться общества трезвости. Въ половинѣ января было извѣстно о попыткѣ образовать общество въ Курской губерніи, а къ концу мѣсяца дошли подобные слухи изъ Саратова, въ половинѣ февраля изъ Тулы, а въ концѣ мѣсяца общества уже существовали во Владимірской, Екатеринославской, Тверской и т. д. и все это—должно теперь признаться—дѣлалось по одной лишь инициативѣ народа. Въ мѣстечкѣ Лукникахъ, Шавельскаго уѣзда, одинъ государственный крестьянинъ, не смотря на данный имъ обѣтъ, напился пьянъ, и крестьяне, узнавъ объ этомъ, схватили его, приклеили ему на спину вывѣску: пьяница, и съ барабаномъ обвели его два раза вокругъ села. Въ Виленской губ. откупщики стали продавать вино по 8 грошей за кварту, вмѣсто прежнихъ 14-ти; потомъ вино подешевѣло въ шесть разъ, наконецъ стали выставлять передъ корчмами даровое вино,—и никто не пилъ. Въ Воронежѣ выставили даровую водку. Вышли шалуны ребята, выпили водки, поблагодарили за угощеніе и объявили, что они всетаки покупать водки не будутъ. Въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губ. крестьяне отказались пить водку; откупщикъ заплатилъ за нихъ недоимки 85 руб., чтобъ только пили, но все-таки никто не пилъ. При такомъ положеніи дѣлъ, откупщики стали задабривать народъ благочестіемъ, стали жертвовать на храмы, и т. д., но должны были убѣдиться, что съ народомъ ничего не сдѣлаешь. Откупщики обратились къ доносу. Прежде всего они шли поклониться исправнику. Исправникъ пріѣзжалъ и начиналъ прицѣпляться, нѣтъ ли безпаспортныхъ, всѣ ли внесены повинности, отчего дурна дорога, и потомъ мало по малу дѣло шло дальше. Вотъ мужики не пьютъ вина, а масляная приближается. Откупщикъ ѣдетъ опять объясниться съ ис-

правникомъ. Исправникъ, не желая дѣйствовать прямо въ пользу откупа, передаетъ дѣло во временное отдѣленіе, снабдивъ его надлежащими совѣтами. Временное отдѣленіе, прибывъ въ имѣніе одного графа, начинаетъ убѣждать мужиковъ, чтобъ они пили водку. Начальство собираетъ крестьянъ, при управляющемъ питейными питейными сборами, и спрашиваетъ, почему это они не пьютъ вина?—Такъ, не желаемъ,—отвѣчаютъ крестьяне.—Отчего же не желаете?—Очувствовались,—отвѣчаютъ крестьяне; это вино одинъ раззоръ хозяйству. Шутка сказать: восемь рублей за ведро.—Въ апрѣлѣ 1859 года виленскій акцизный откупщикъ ходатайствовалъ у министра внутреннихъ дѣлъ, чтобы обязать ксендзовъ объявить публично, что данные народомъ обѣты относятся только къ пьянству, а умѣренное употребленіе вина необходимо; но министръ нашелъ такое требованіе неумѣстнымъ. Въ іюлѣ того же года откупщики жаловались министру внутреннихъ дѣлъ и на православныхъ священниковъ, удерживающихъ народъ отъ пьянства. Министръ на этотъ разъ сообщилъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, который и отвѣчалъ, что „онъ благословляетъ священнослужителей ревностно содѣйствовать возникновенію въ нѣкоторыхъ городскихъ и сельскихъ сословіяхъ благой рѣшимости воздержанія отъ употребленія вина“. Но откупщики не унялись, и снова просили отмѣнить указъ Св. Синода, ибо, при содѣйствіи его, общества трезвости разведутся повсемѣстно, и министръ финансовъ сообщилъ оберъ-прокурору Св, Синода, „что совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно-дѣйствующихъ на умы простого народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо, какъ противное не только общему понятію о пользѣ

умѣреннаго употребленія вина, но и тѣмъ постановленіямъ, на основаніи которыхъ правительство отдало питейные сборы въ откупное содержаніе (Свѣд. о пит. сбор., II,—236—240). Затѣмъ уже министръ финансовъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы приговоры городскихъ и сельскихъ обществъ о воздержаніи уничтожить, и впредь городскихъ собраній и сельскихъ для сей цѣли нигдѣ не допускать (Свѣд. I. 202—207; II, 218—242)“.

— Это было раньше,—озадаченнымъ тономъ отвѣтили мои противники.—А теперь мы добьемся запретительными мѣрами того, что въ каждой избѣ крестьянина будетъ маленькая винокурня, а весь народъ не пересажаете въ острогъ. Онъ самъ говоритъ о себѣ:

„А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ“...

Процитировавъ Некрасова, одинъ изъ ораторовъ продолжалъ:

— Народъ хочетъ „гулять“. Алкоголь не только ядъ, но и веселье... Не забывайте этого. Никому не дано право мѣшать этому труженику веселиться и отдыхать...

Защитникъ свободной торговли спиртными напитками, видимо, увлекся поэзіей Некрасова о водкѣ и, не стѣсняясь, ораторствовалъ:

— Въ этомъ вопросѣ о трезвости не слѣдуетъ забывать и другія цѣли, которыя должна преслѣдовать интеллигенція. Вы хотите знать какія? А такія, что кромѣ благоутробія, которое скрашиваетъ жизнь обезпеченныхъ классовъ, необходима и власть въ рукахъ этихъ классовъ надъ неорганизованными и необразованными массами.

— Вотъ оно что!.. Вотъ гдѣ еще „зарыта собака“.

— Да, да! Это еще большой вопросъ,—храбро воскликнулъ онъ:—легче ли будетъ намъ управлять непьющимъ народомъ, вкусившимъ понятія о своихъ правахъ.

Я уклонился отъ спора на политическую тему. Но имѣя подъ рукой книгу проф. И. Х. Озерова объ алкоголизмѣ, я закончилъ нашу бесѣду его словами, сказанными въ январѣ 1913 года въ Государственномъ Совѣтѣ.

„Возьмемъ,—говоритъ профессоръ:—хоть, напримѣръ, устройство народныхъ чтеній и народныхъ клубовъ. Организованные рабочіе меньше пьютъ. Рабочіе союзы на Западѣ борются съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Возьмите Англію,—мы видимъ, что вся страна покрыта тамъ сѣтью рабочихъ клубовъ, и эти клубы объединены между собою. Здѣсь дешевые спектакли, въ которыхъ жены и дѣти играютъ. Я въ Англіи нерѣдко проводилъ въ нихъ вечера съ цѣлью посмотрѣть, какъ проводятъ досугъ рабочіе, тамъ же я видѣлъ прекрасныя библіотеки. У насъ, господа, ничего нѣтъ этого. Когда вводилась винная монополія, то для того, чтобы устроить народное чтеніе въ деревнѣ,—въ деревнѣ, а не въ городѣ, требовалось разрѣшеніе трехъ министровъ; министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода,—и этого разрѣшенія ждали по нѣскольку мѣсяцевъ. При томъ разрѣшеніе давалось именное, т. е., что врачъ Соколовъ можетъ прочитать такую-то брошюрку, а такъ какъ эти врачи или агрономы—птицы перелетныя, сегодня онъ здѣсь, а прошло шесть мѣсяцевъ — и его, быть можетъ, здѣсь уже не будетъ, то для того, чтобы эту брошюру могъ прочитать не Соколовъ, а, положимъ, Павловъ, нужно было опять-таки возбуждать такое же ходатайство, потому что старому

режиму все казалось подозрительнымъ. Одно лицо можетъ это прочесть такъ, а другое можетъ сдѣлать такую паузу при чтеніи этой брошюры, хотя и прошедшей цензуру, которая произведетъ извѣстное впечатлѣніе, быть можетъ, и такое, котораго авторъ, написавшій эту брошюру, и не желалъ. Вотъ съ такими условіями не можемъ мы опять-таки не считаться. И я говорю, что нужно поднять тонусъ общественной жизни, поднять общественность, создать бюро для прісканія труда, рабочія организаціи, клубы, ассигновать средства на постройку удешевленныхъ жилищъ, затѣмъ, конечно, реорганизовать наши попечительства, привлекши къ участію въ нихъ общественный элементъ, и только тогда, при этихъ условіяхъ, дѣйствительно, мы будемъ въ состояніи поставить этотъ вопросъ во весь его ростъ".

Прочитавъ эти строки изъ книги г. Озерова и вспомнивъ, что мнѣ нужно было торопиться на станцію желѣзной дороги, я сталъ со всѣми прощаться.

— Вы не думайте, что мы стоимъ за пьянство народа, — стали неожиданно увѣрять меня въ передней мои оппоненты.—Нѣтъ, это было бы отлично... Безъ водки. Въ теоріи—конечно... На практикѣ нигдѣ нѣтъ... А мысль сама по себѣ прекрасная... Эта трезвость... Воздержаніе во всемъ. Но человѣкъ—остается человѣкомъ. Не надо этого забывать... А мысли прекрасныя. Мы сочувствуемъ... Кто же будетъ спорить съ вами?!

Я вскорѣ вернулся обратно въ Тулу и не могъ не вспоминать характернаго въ глухихъ уголкахъ провинціи недовольства интеллигентныхъ людей запрещеніемъ виноторговли.

Въ городѣ Тулѣ я услышалъ иныя рѣчи и, на ряду съ дряхлыми мѣрами въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, я

встрѣтилъ рядъ фактовъ, которые, только благодаря скромности русскихъ дѣятелей, остаются неизвѣстными и міру, и наукѣ...

XXIV.

Комитетъ попечительства о народной трезвости.—Народныя чтенія и ихъ направленіе.—Пріютъ для алкоголиковъ д-ра Тейзинга.

Принявъ самое живое участіе въ моемъ изслѣдованіи о трезвости, г. Горскій собралъ чиновъ управленія въ общее засѣданіе и познакомилъ меня съ регистраціей талонныхъ книжекъ на покупку спирта, контролемъ надъ книжками, и даже съ „летучимъ контролемъ" надъ самими покупателями спирта, если возникаетъ сомнѣніе въ правильномъ пользованіи покупнымъ спиртомъ. По вопросу объ укрѣпленіи трезвости, г. Горскій не скрывалъ того, что общество захвачено въ настоящее время, по преимуществу, интересами войны и очень мало тратитъ и денегъ, и времени на на всякія другія нужды страны.

— Это тоже надо учитывать, когда идетъ рѣчь объ укрѣпленіи трезвости и ея успѣхахъ...

Вмѣстѣ съ Горскимъ мы пошли къ Тульскому губернатору, Тройницкому, который охотно выразилъ желаніе собрать засѣданіе губернскаго комитета попечительства о народной трезвости, на которомъ черезъ нѣсколько дней и были разсмотрѣны ходатайства нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ о пособіяхъ то на устройство народнаго дома, то на библіотеку и т. д.

Одно, что меня поразило — это присутствіе на засѣданіи комитета однихъ губернскихъ персонъ: губернатора, жандармскаго полковника, управляющаго акцизными сборами, чиновника государственнаго контроля и казенной палаты... Общественнаго элемента не было.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ доставили и одно изъ распредѣленій чтеній въ аудиторіяхъ Тульскаго городского комитета попечительства о народной трезвости съ 11 января по 15 марта и съ 4 ноября по 20 декабря 1909 года.

Несомнѣнно, что это чтеніе односторонне-богословское или историко-археологическое и „не даетъ отвѣта ни на одинъ изъ тѣхъ мучительно тревожныхъ вопросовъ, какіе постоянно, на каждомъ шагу, задаетъ природа и жизнь". (См. Аѳ. Щаповъ: „Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа", стр. 313—314).

Объ этомъ съ прискорбіемъ говорилъ и свящ. Брянцевъ въ отчетѣ за 1907 г. о народномъ домѣ въ слободѣ Аргамачъ, Елецкаго уѣзда, Орловской губерніи.

Съ особеннымъ удовольствіемъ я принялъ приглашеніе С. В. Горскаго съѣздить съ нимъ къ д-ру К. А. Тейзингу, въ его пріютъ для алкоголиковъ. О возникновеніи этого пріюта П. Волгинъ въ отчетѣ Тульскаго городского комитета попечительства о народной трезвости за 1909 г. говоритъ:

— Въ городѣ Тулѣ, при многочисленномъ малокультурномъ рабочемъ населеніи, часто наблюдались случаи опьянѣнія, которое угрожаетъ жизни, или потерѣ здоровья и работоспособности лицами не только страдающими алкоголизмомъ, но и впавшими въ безсознательное состояніе отъ единичнаго случая чрезмѣрнаго употребленія алкоголя. Оставляемые на произволъ судьбы, опьянѣвшіе подбирались на улицахъ полицейскими чинами и отправлялись для вытрезвленія въ полицейскіе участки, гдѣ, за отсутствіемъ особыхъ помѣщеній, содержались въ грязи, сырости и холодѣ вмѣстѣ съ разнаго рода преступниками и вообще съ разными подонками общества. Принимая во внима-

ніе, что опьянѣвшіе люди легче поддаются внушенію, можно предположить, что масса преступленій задумывается и совершается подъ вліяніемъ этихъ внушеній. Содержащіеся въ участкахъ до неполнаго вытрезвленія и выпускаемые въ полупьяномъ состояніи, эти люди бродятъ по улицамъ города въ состояніи полуугара. Потрясенный отравою алкоголя, организмъ находится въ состояніи наибольшей воспріимчивости разнаго рода внушеній, подъ вліяніемъ которыхъ совершаются уличные дебоши, драки, разбиваніе стеколъ, площадная ругань, воровство и даже грабежи и убійства. Полупьяныхъ, едва получившихъ способность передвигаться, влечетъ въ какой-либо притонъ „опохмелиться", гдѣ ихъ гостепріимно принимаютъ и, обобравъ все, что можно, вновь выталкиваютъ на улицу. Исходя изъ того положенія, что опьянѣніе алкоголемъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ самое опасное, благодаря доступности и особыхъ свойствъ яда, отравленіе, съ одной стороны часто нуждающееся въ немедленной помощи, а съ другой—въ упорномъ продолжительномъ леченіи, Тульскій городской комитетъ попечительства о народной трезвости пришелъ къ заключенію о необходимости придти на помощь больнымъ этого рода. Онъ ограничился на первыхъ порахъ скромной задачей и открылъ 7 ноября 1905 г. пріютъ для вытрезвленія лицъ, потерявшихъ сознаніе и подобранныхъ на улицахъ въ сильно опьянѣвшемъ состояніи.

Имѣя въ своемъ распоряженіи весьма ограниченныя средства, комитетъ открылъ „Пріютъ" для опьянѣвшихъ вначалѣ на 20 коекъ (12 мужскихъ и 8 женскихъ), который съ первыхъ же дней, по самой сути дѣла, сталъ носить характеръ стаціонарной лечебницы съ амбулаторіей для подкожныхъ вспрыскиваній: стрихниномъ, мышьякомъ и для леченія гипнозомъ. По мѣрѣ

распространенія въ населеніи свѣдѣній о дѣятельности „Пріюта" притокъ больныхъ изъ года въ годъ возросталъ. Достойно вниманія то обстоятельство, что, согласно отчету за 1909 годъ, потребленіе вина вообще въ Тульской губерніи и въ частности въ гор. Тулѣ уменьшилось на 92,670 ведеръ, а притокъ больныхъ отравившихся алкоголемъ значительно возросъ. Это явленіе можно объяснить тѣмъ довѣріемъ, которое „Пріютъ" заслужилъ, благодаря внимательному и гуманному обращенію съ больными врача К. А. Тейзингъ и всего служебнаго персонала лечебницы, въ силу котораго больные не только не чувствуютъ страха, но наоборотъ идутъ туда безъ всякаго понужденія, съ надеждой получить облегченіе и даже исцѣленіе отъ страшнаго недуга—пьянства. Часто жены приводятъ мужей, дѣти—отцовъ и родители—дѣтей съ просьбой полечить.

Самъ докт. Тейзингъ подтверждаетъ высказанное мнѣніе о „Пріютѣ" и, съ своей стороны, говоритъ:

— У насъ все еще господствуетъ мнѣніе, что уличныхъ пьяницъ можно вытрезвлять въ камерахъ при полицейскихъ частяхъ, а домашнихъ, смотря по роду ихъ заболѣванія, помѣщать въ психіатрическія больницы; больше, слѣдовательно, и заботиться нечего. Совершенно обратное доказала быстро изъ года въ годъ увеличивающаяся дѣятельность Тульскаго Пріюта, изъ отчетовъ котораго видно, что въ 1905 году вновь поступившихъ было 1039 челов., въ 1906 г.—1567, въ 1907 г.—1972, въ 1908 г.—2148, въ 1909 г.—3029, въ 1910 г.—4472, въ 1911 г.—уже 6087 челов., а въ 1912 году не менѣе 7000 челов. Пьяные, доставляемые съ улицы, нерѣдко бываютъ въ ужасномъ видѣ: въ пыли, въ грязи, въ снѣгу, избитые, окровавленные, съ переломами, вывихами, отмороженными

частями тѣла, разутые, раздѣтые и т. п. Въ такихъ случаяхъ Пріютъ снабжаетъ неимущихъ старой одеждой, каковую, слѣдовательно, желательно имѣть всегда въ запасѣ. Всѣ они, кромѣ удобнаго помѣщенія, требуютъ для себя и серьезнаго ухода, что возможно строго провести только въ хорошо оборудованномъ и приспособленномъ для сего спеціальномъ лечебномъ учрежденіи. Никакая обычная больница, въ особенности, если таковыхъ больныхъ будутъ доставлять по 30—40 челов. въ сутки (въ Тулѣ это не рѣдкость), не въ состояніи будетъ съ ними справиться, не принося тѣмъ существеннаго ущерба своему прямому назначенію. Кромѣ уличныхъ пьяницъ, которыхъ полиція подбираетъ, главнымъ образомъ, изъ за соблюденія въ городѣ наружнаго порядка, есть много лицъ, страдающихъ отъ злоупотребленія спиртными напитками и пребывающихъ дома, гдѣ они своимъ поведеніемъ причиняютъ неизмѣримое горе всѣмъ окружающимъ. Такіе алкоголики прежде только въ крайнемъ случаѣ, при наличности у нихъ какихъ-либо сопутствующихъ болѣзней, могли попасть въ ту или другую больницу. Теперь же всѣ эти домашніе алкоголики по собственному желанію или по настоянію родственниковъ всегда, во всякое время дня и ночи, могутъ быть доставлены въ Пріютъ и пробыть тамъ нѣсколько дней, не менѣе 3-хъ по опыту, до пріобрѣтенія ими мало-мальски трудоспособности, или еще болѣе—до полнаго вытрезвленія. Изъ числа алкоголиковъ этого послѣдняго вида, по нашимъ наблюденіямъ, не мало бываетъ и такихъ, которые желаютъ кромѣ этого заняться и спеціальнымъ леченіемъ отъ своего пьянства. Такимъ образомъ сама жизнь потребовала присоединенія къ Пріюту и лечебницы для алкоголиковъ. Почти всѣ поступившіе по прекращеніи, хотя и

невольномъ, своего пьянства оказываются сильно разстроенными какъ душевно, такъ и тѣлесно; расшатано рѣшительно все, но главнымъ образомъ нервная система, желудочно-кишечный каналъ и дыхательные пути. Приходится, слѣдовательно, привести въ порянокъ прежде всего самый организмъ; а потомъ уже приступать къ спеціальному леченію отъ алкоголизма. Весьма часто нервно-психическія заболѣванія у одного и того же больного бываютъ такъ переплетены между собой, что его никуда нельзя помѣстить на излеченіе, какъ только въ спеціальную лечебницу, которая при этомъ должна быть хорошо оборудована согласно всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки. Съ распространеніемъ въ народѣ свѣдѣній о томъ, что въ Пріютѣ не только вытрезвляютъ, но и лечатъ, къ нему стали прибѣгать и алкоголики, являвшіеся лично по собственной иниціативѣ: количество ихъ, съ каждымъ годомъ все увеличивалось. Фактъ этотъ-тоже доказываетъ, что одного Пріюта недостаточно и что при немъ должна быть организована лечебница съ постоянными кроватями.—Но къ сожалѣнію вскорѣ выяснилось, что не всѣ больные являлись съ искреннимъ желаніемъ лечиться отъ своей пагубной страсти: одни изъ нихъ, напримѣръ, просто съ пьяну, не обдумавши вполнѣ своего поступка, другіе мимоходомъ съ какого-нибудь пиршества, возвращаясь поздно изъ какихъ-либо увеселительныхъ мѣстъ и не желая добраться до дома, т. е. по просту съ цѣлью пристроиться на ночлегъ, а то и съ цѣлью воспользоваться на извѣстное время даровымъ помѣщеніемъ и столомъ; къ этой категоріи принадлежатъ разнаго рода бродячія лица, босяки, безпріютные, безпаспортные и т. д. Пріютъ или лечебницу нельзя превращать въ ночлежный

домъ или въ домъ для отдохновенія, а потому администрація Тульскаго Пріюта, во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, установида небольшую плату (сначала по 20 коп., а послѣдніе два года по 30 коп. въ сутки), требуемую впередъ не менѣе какъ за 3 дня, или же предлагали имъ явиться на другой день въ сопровожденіи кого-либо изъ родственниковъ. Плата впередъ въ указанномъ выше размѣрѣ въ общемъ не обременительная и вносится, какъ показалъ опытъ, очень охотно даже и за продолжительный срокъ—мѣсяцъ и болѣе; въ послѣднемъ случаѣ брать ее слѣдуетъ только съ согласія самого больного. Подобную плату по крайней мѣрѣ для лицъ, желающихъ пробыть въ Пріютѣ болѣе или менѣе продолжительное время, во избѣжаніе эксплоатаціи Пріюта, нужно признать необходимой: бѣдные же, да еще искренно желающіе лечиться, должны безъ всякаго сомнѣнія отъ нея быть избавлены.

— Получая разнообразную помощь въ нашемъ учрежденіи, продолжалъ докторъ: больные съ теченіемъ времени стали все тѣснѣе и тѣснѣе сближаться съ нимъ; для многихъ теперь Пріютъ нашъ сталъ необходимымъ убѣжищемъ въ трудную для нихъ минуту; къ помощи его стали прибѣгать не только по поводу своего пьянства, но и по поводу всякаго рода другихъ заболѣваній. Отказывать въ такихъ случаяхъ не слѣдуетъ, напротивъ, нужно стараться всѣми способами поддерживать эту нравственную связь. Сопоставляя всѣ эти практическія данныя, мы неминуемо должны придти къ тому заключенію, что Пріютъ для опьянѣвшихъ, лечебница съ постоянными кроватями и амбулаторія для алкоголиковъ суть три совершенно нераздѣльныхъ учрежденія. Такъ, по крайней мѣрѣ, поставлено дѣло у насъ, хотя и неофи-

ціально—лечебницы и амбулаторіи въ желательномъ смыслѣ мы еще не имѣемъ, но функціи ихъ исполняемъ. Такое сочетаніе въ данное время охватываетъ кажется всю помощь, какую только можетъ требовать отъ медицины мѣстное населеніе. Есть еще довольно значительный классъ алкоголиковъ, для которыхъ Пріютъ, лечебница и амбулаторія недостаточны, мало того, даже безполезны, и для которыхъ необходимо устройство такъ называемыхъ колоній съ рабочими домами. Сюда относятся всѣ неизлѣчимые пьяницы, дегенераты, антисоціальные типы; ихъ нужно не столько лечить, сколько исправлять, пріучать къ труду и тѣмъ самымъ хотя на время сдѣлать изъ вредныхъ мало-мальски полезными членами общества.

Вообще, по мнѣнію д-ра Тейзинга, было бы полезно излеченнымъ алкоголикамъ записываться въ общества трезвости, особенно если эти общества трезвости будутъ находиться при подобныхъ лечебныхъ учрежденіяхъ или, наоборотъ, лечебныя учрежденія при обществахъ трезвости. Эти общества трезвости ни коимъ образомъ не должны обладать односторонней дѣятельностью, а входить во всю жизнь простого трудящагося класса. Ему не нужны дворцы и народные дома, а нуженъ только простой трезвый домъ (таковой имѣется, напримѣръ, въ Царицынѣ), гдѣ бы онъ могъ проводить по просту, но трезво все свое свободное время въ бесѣдахъ, играхъ, развлеченіяхъ: здѣсь можно будетъ организовать изъ членовъ общества хоры (духовные и свѣтскіе), оркестры, устраивать концерты и спектакли, справлять трезвые домашніе и семейные праздники, какъ напримѣръ: свадьбы, именины и т. п. Примѣръ въ этомъ отношеніи уже положенъ извѣстнымъ дѣятелемъ по борьбѣ съ алкоголизмомъ Павломъ Петровичемъ Просянки-

нымъ въ гор. Майкопѣ, Кубанской области. Тамъ новобрачнымъ, спраздновавшимъ трезво свою свадьбу, отъ общества дается пособіе деньгами или необходимыми въ хозяйствѣ вещами. Это можетъ быть единственное мѣсто въ Россіи, гдѣ было нѣсколько свадебъ совсѣмъ безъ вина. Кромѣ этого, общества трезвости должны входить во всѣ нужды своихъ членовъ и оказывать имъ помощь не только нравственную, но и матеріальную. Нужно сдѣлать такъ, чтобы всякій въ трезвомъ домѣ чувствовалъ себя какъ дома. У насъ въ Тулѣ по счастію имѣется не только наше лечебное учрежденіе, но и общество трезвости при Николо-Часовенскомъ храмѣ; остается только пожелать имъ развиваться въ указанномъ выше направленіи и въ будущемъ духовно объединиться для совмѣстной работы. Дай Богъ только, чтобы это поскорѣе свершилось и тогда трезвость въ нашемъ городѣ можно надѣяться станетъ на твердую почву.

Обходя со мной пріютъ, д-ръ Тейзингъ не переставалъ говорить о своихъ больныхъ, которымъ онъ посвящаетъ свои силы и знанія.

— Прежній типъ алкоголика, сказалъ докторъ:— смѣняется новымъ. Прежній пилъ водку много лѣтъ, а теперь молодой человѣкъ пьетъ денатуратъ, киндербальзамъ и т. д. Спрашиваешь его, зачѣмъ онъ портитъ себѣ здоровье такою дрянью, не будучи записнымъ пьяницей—онъ отвѣчаетъ: „принято такъ... Праздникъ, свадьба... Обычай требуетъ выпить, а водки нѣтъ. Ну, и пьешъ суррогатъ".

— Значитъ, пребилъ я доктора: прежде была борьба съ водкой, а теперь съ обычаемъ?

Тейзингъ отвѣтилъ, что и прежде пьянство—не было естественной потребностью человѣка, а больше дурнымъ обычаемъ, но теперь стало виднѣе, какъ

этотъ обычай пить при случаѣ (на праздникахъ, на свадьбахъ) вреденъ и ужасенъ.

— Значитъ, повторилъ я свою мысль: и прежде, и теперь опьянѣніе водкой или ея суррогатами—не есть непремѣнная потребность человѣка, какъ напр., половой инстинктъ—а скорѣе скверная привычка, пріобрѣтенная и воспитанная ложными понятіями?

— Да, отвѣтилъ положительно докторъ. Предстоитъ борьба съ обычаемъ, а не съ органической потребностью человѣка.

— Это очень облегчаетъ борьбу, отозвался я. Обычай можно не соблюдать и признать его нелѣпымъ и вреднымъ. Значитъ, не такъ уже безнадежна борьба съ нетрезвостью.

— Конечно не безнадежна, а съ суррогатами еще легче бороться, чѣмъ съ водкой, отвѣтилъ докторъ.

— А если опьянѣніе—обычай, а не непремѣнная потребность человѣка, вновь спросилъ я доктора: то можно ли современному человѣку обойтись безъ наркоза? Нужно ли, вмѣсто водки, что нибудь другое, возбуждающее человѣка?

Докторъ отвѣтилъ въ томъ духѣ, что при настоящихъ условіяхъ быта, когда народъ всегда мрачно и угнетенно настроенъ, ему хочется перемѣнить свое настроеніе.

— Конечно, эту новизну настроенія нельзя черпать непремѣнно въ крѣпкихъ напиткахъ, но новизна духа нужна человѣчеству. Измѣнить однообразное настроеніе русскаго народа необходимо хоть сбитнемъ, хоть чаемъ—но потребность мѣнять старыя впечатлѣнія на новыя живетъ въ душѣ человѣка.

Мнѣ не совсѣмъ было ясно, почему мѣнять свои впечатлѣнія необходимо за „сбитнемъ" или другимъ легкимъ винцомъ и почему стремленіе къ прочному

гражданскому быту или общенію съ развитыми людьми менѣе будетъ возбуждать людей къ дѣятельности и смѣнѣ старыхъ чувствъ на новыя; но интересная рѣчь доктора поглотила все мое вниманіе.

Онъ продолжалъ:

— Правительство сдѣлало свой первый трудный шагъ, запретивъ торговлю крѣпкими напитками. Очередь теперь для укрѣпленія трезвости за обществомъ. Нельзя почивать на лаврахъ и думать, что съ зеленымъ зміемъ все покончено. Всѣ теперь должны дружно сплотиться и вести борьбу съ нимъ не на животъ, а на смерть. Такой радикальной мѣрой, какъ всеобщее запрещеніе торговли спиртными напитками, удаленъ только бывшій въ ходу предметъ потребленія, но не устраненъ спросъ на него; удаленъ соблазнъ, но не удалено стремленіе къ нему. Образовалась огромная пустота, которая должна быть какъ можно скорѣе заполнена чѣмъ-либо благоразумнымъ и полезнымъ, иначе все достигнутое пойдетъ на смарку. Нельзя думать, что попечительства о народной трезвости, общества трезвости и различныя существующія учрежденія ихъ отжили теперь свой вѣкъ. Нѣтъ, они теперь сугубо должны развивать свою серьезную дѣятельность въ дѣлѣ борьбы съ народнымъ пьянствомъ, а теперь настало время бороться съ самимъ стремленіемъ къ пьянству. Нагляднымъ примѣромъ здѣсь можетъ служить дѣятельность такого скромнаго учрежденія, какъ нашъ Тульскій Пріютъ для опьянѣвшихъ. Много лѣтъ постепенно развиваясь, онъ превратился, наконецъ, въ своеобразное лечебно-просвѣтительное учрежденіе, состоящее изъ пріюта для опьянѣвшихъ, амбулаторіи для алкоголиковъ, лечебницы для стаціонарныхъ больныхъ, библіотеки съ спеціальнымъ отдѣломъ и противоалкогольнаго музея, гдѣ по

временамъ для больныхъ происходятъ духовно-нравственныя собесѣдованія и чтенія съ туманными картинами. На этомъ застала пріютъ благодѣтельная питейная реформа и дѣятельность его сразу круто измѣнилась. Какъ ненужное будто бы учрежденіе, онъ лишился матеріальной поддержки и, если еще не закрытъ, а продолжаетъ влачить свое существованіе, то благодаря лишь Всероссійскому Союзу городовъ помощи больнымъ и раненымъ воинамъ, который занялъ большую часть его помѣщенія подъ лазаретъ. Понятно, что думать при такихъ условіяхъ о дальнѣйшемъ усовершенствованіи пріюта и объ осуществленіи намѣченнаго уже плана работъ не приходится.

Такое грустное заключеніе доктора чрезвычайно меня озадачило, но онъ продолжалъ:

— Не безъинтересно привести вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности пріюта въ наступившіе трезвые дни.

Докторъ досталъ таблицу о движеніи больныхъ по мѣсяцамъ и показалъ мнѣ ее (см. таблицу на стр. 212).

Пока я разсматривалъ таблицу, докторъ дѣлалъ свои къ ней объясненія и, между прочимъ, сказалъ:

— Какъ и всегда, больше всего въ пріютъ и лечебницу поступало крестьянъ и мѣщанъ, за ними въ нисходящемъ порядкѣ идутъ: цеховые, дворяне, личные почетные граждане, потомственные почетные граждане, чиновники, духовные и друг. Изъ имѣющихся у меня данныхъ видно, что пьянствуютъ всѣ, ни одинъ только простой народъ, интеллигенція тутъ нисколько не уступаетъ ему. Ясно, что борьбу съ пьянствомъ нужно вести во всѣхъ слояхъ населенія и она должна быть въ полномъ смыслѣ народной. Высшіе и средніе классы должны быть здѣсь даже болѣе отвѣтственны, чѣмъ

низшіе, ибо первые, какъ руководители, должны служить примѣромъ для вторыхъ. Что касается возраста больныхъ, то въ пріютѣ и лечебницѣ были лица раз-

	ПРІЮТЪ.						ЛЕЧЕБНИЦА.					
	Съ 1 мая по 16 іюля 1914 г. включительно.			Съ 17 іюля 1914 г. по 1 апрѣля 1915 г. включительно.			Съ 1 мая 1914 г. по 16 іюля 1914 г. включительно.			Съ 17 іюля 1914 г. по 1 апрѣля 1915 г. включительно.		
	Муж.	Жен.	Обоего пола.	Муж.	Жен.	Обоего пола.	Муж.	Жен.	Обоего пола.	Муж.	Жен.	Обоего пола.
Май.	420	44	464	—	—	—	109	5	114	—	—	—
Іюнь	304	28	332	—	—	—	114	3	117	—	—	—
Съ 1 по 16 іюля .	147	20	167	—	—	—	49	2	51	—	—	—
ИТОГО . .	871	92	963	—	—	—	272	10	282	—	—	—
Съ 17 іюля 1914 г.	—	—	—	9	1	10	—	—	—	5	—	5
Августъ.	—	—	—	27	3	30	—	—	—	4	1	5
Сентябрь	—	—	—	26	4	30	—	—	—	—	—	—
Октябрь	—	—	—	79	12	91	—	—	—	1	—	1
Ноябрь	—	—	—	83	13	96	—	—	—	—	—	—
Декабрь	—	—	—	122	19	141	—	—	—	1	—	1
Январь 1915 г. .	—	—	—	138	12	150	—	—	—	2	—	2
Февраль.	—	—	—	82	15	97	—	—	—	2	—	2
Мартъ.	—	—	—	66	13	79	—	—	—	1	—	1
ИТОГО . .	—	—	—	632	92	724	—	—	—	16	1	17

наго возраста, начиная съ 16 лѣтъ и кончая 85 годами. Наблюденія показали, что въ послѣднее время пили не только привычные люди, но и совершенные новички въ этомъ дѣлѣ, т. е. лица мало или совсѣмъ

незнакомыя со спиртными напитками. Новое пьянство идетъ впередъ быстрыми шагами. Прежнихъ своихъ частыхъ посѣтителей пріютъ и лечебница почти не видятъ, они или на войнѣ, или остались дома, но перестали пить и сдѣлались опять достойными гражданами своего отечества. На сцену появились новыя лица, которыя въ пріютъ и лечебницу раньше никогда не попадали, и которыя начали пьянствовать только теперь послѣ запрещенія торговли спиртными напитками. Тутъ скажутъ, что все это наслѣдственные алкоголики, и какъ таковые, начавъ пить, они и стали пьянствовать. Но странно одно, почему наслѣдственность эта не выразилась раньше? Оказывается, что это пьянство повидимому другого сорта. Изъ распросовъ выяснилось, что эти новые пьяницы пили вовсе не по влеченію къ вину и собственному желанію, а какъ уже говорено, въ силу укоренившихся обычаевъ, по случаю церковныхъ праздниковъ, семейныхъ торжествъ и др. поводовъ. Пили часто изъ любопытства и вслѣдствіе полнаго невѣжества, не имѣя ровно никакого понятія о вредѣ алкогольныхъ напитковъ и ихъ суррогатовъ. Для отрезвленія большинства прежнихъ пьяницъ достаточно было только удалить соблазнъ, а для большинства новыхъ этого мало, они сами стремятся къ нему, какъ къ запрещенному плоду. Тутъ необходимы другія мѣры борьбы и мѣры эти, для того, чтобы удержать народъ на дальнѣйшемъ его трезвомъ пути, должны быть немедленно проведены въ жизнь. Нужно всѣми силами и средствами бороться съ вредными народными обычаями и ложными понятіями объ алкоголѣ. Всюду насаждать трезвыя идеи и навыки, начиная это дѣло съ дѣтей, со школьной скамьи. Предстоитъ обширная дѣятельность для школы, для обществъ трезвости и всякаго рода просвѣтительныхъ учрежденій.

Разумѣется, я вполнѣ сочувствовалъ доктору и внимательно слушалъ его дальнѣйшую рѣчь. Онъ продолжалъ:

— Нужно сказать нѣсколько словъ о предполагаемомъ разрѣшеніи торговли слабымъ пивомъ и виноградными винами въ цѣляхъ якобы борьбы съ народнымъ пьянствомъ. Существуетъ мнѣніе, что напитки эти, какъ слабо-алкогольные, не опасны, что они отучатъ народъ отъ пьянства и пріучатъ его къ умѣренному потребленію. Факты доказываютъ какъ разъ противоположное. Напримѣръ, за послѣдніе $2^1/_2$ мѣсяца до запрещенія торговли спиртными напиткама въ пріютѣ было больныхъ, потреблявшихъ одну водку, 555 чел., водку и пиво—303 чел., водку, пиво и вино—102 чел., одно вино—2 чел., одно пиво—1 чел., а послѣ запрещенія торговли спиртными напитками пившихъ водку было 16 чел., водку и пиво тоже 16 чел., водку, пиво и вино 1 чел., одно вино 30 чел. и одно пиво 1 чел. Выходитъ, что, за неимѣніемъ водки, пили и пиво, пили и вино и пили до того, что попадали въ пріютъ; вино пили больше потому, что имъ одно время съ нѣкоторыми ограниченіями разрѣшено было торговать, а пиво меньше потому, что оно все время находится подъ запретомъ такъ же, какъ и водка. Пиво и вино были достаточно распространены и до запрещенія торговли спиртными напитками и напивались ими также, какъ и водкой. Большинство больныхъ выпивало водки въ среднемъ по 1 бут. въ сутки, вина по 2 бут. и пива по 6 бут. въ сутки, но были и такіе, которые выпивали до 8 бутылокъ водки, до 10 бутылокъ вина и до 40 бут. пива въ сутки. Такое количество выпиваемаго пива и вина какъ бы мало они ни содержали въ себѣ алкоголя, не можетъ быть признано безвреднымъ для человѣческаго организма и свободная продажа ихъ,

кромѣ вреда здоровью, принесетъ народу несомнѣнно еще больше разоренія, чѣмъ торговля водкой. Правда, многіе пьютъ потому, что желаютъ заглушить свои тяжелыя психическія и физическія ощущенія, нисколько не заботясь о послѣдствіяхъ, лишь бы получить временное довольство. Какой-нибудь напитокъ тутъ необходимъ. Рабочій, напримѣръ, пьетъ водку во время усталости для подкрѣпленія своихъ силъ, въ холодъ—чтобы согрѣться, пьетъ пиво въ жару, чтобы прохладиться и сколько бы вы ему ни твердили, что это вредно, что алкоголь его обманываетъ, онъ никогда не повѣритъ, ибо въ первый моментъ онъ получаетъ то, что ищетъ, а о послѣдствіяхъ не думаетъ и не желаетъ думать. Если въ продажѣ не будетъ этихъ напитковъ, онъ изобрѣтетъ свои. Не лучше ли будетъ дать ему теперь просимое? У насъ есть свои прекрасные напитки искусственные и естественные, какъ-то: сбитень, квасъ, кислыя щи, фруктовыя и минеральныя воды. Особенно пригоденъ здѣсь сбитень, этотъ забытый народный напитокъ, о которомъ недавно, весьма кстати, вспомнилъ профессоръ Снигиревъ. Сбитень по своему составу и дѣйствію поможетъ народу замѣнить алкоголь, ибо пріятенъ на вкусъ, питателенъ, согрѣваетъ тѣло, усиливаетъ кровообращеніе, увеличиваетъ дѣятельность выдѣлительныхъ органовъ, возбуждаетъ и подкрѣпляетъ нервную систему и уравновѣшиваетъ психическое состояніе. Незамѣнимы также, особенно въ жаркое время, наши кислыя щи и квасы хлѣбный и фруктовые, конечно натуральные, приготовленные по стариннымъ рецептамъ, а не такіе, какіе продаются теперь (съ различными искусственными эссенціями, сахариномъ, анилиномъ и т. п.). Весьма желательно было бы, на мѣсто винныхъ погребовъ, насадить возможно шире сбитяныя и квасныя лавки и лавки съ

продажей фруктовыхъ минеральныхъ водъ по общедоступнымъ цѣнамъ. Продукты эти должны быть хорошаго качества, производство ихъ должно быть поручено лицамъ, имѣющимъ къ тому спеціальную подготовку, удостовѣренную соотвѣтствующимъ свидѣтельствомъ и торговля ими должна быть строго контролирована.

XXV.

Тульскій губернаторъ А. Н, Тройницкій.—Начальникъ ружейнаго завода, А. В. Кунъ.—На самоварныхъ фабрикахъ Шемарина и Баташева.—Женскій вопросъ.—Теперь уже не говорятъ: „Хорошій народъ—да тулякъ..."

Мнѣ пришлось видѣть тульскаго губернатора, А. Н. Тройницкаго, еще разъ. Онъ весьма резонно замѣтилъ, что теперь приходится больше думать о военныхъ нуждахъ.

— Народные дома, аудиторіи и театры — послѣ войны хороши, а теперь не до нихъ. Конечно, у меня на патронномъ заводѣ забастовка рабочихъ быстро ликвидирована, между прочимъ, и потому, что теперь рабочіе трезвые и разсудительные... По всей губерніи лучше стало безъ водки, несмотря на отсутствіе мѣропріятій къ дальнѣйшему укрѣпленію трезвости. Возвышенныхъ разсужденій на эту тему сколько угодно, а денегъ нѣтъ ни у казны, ни у земства. О кооперативахъ у насъ тоже больше читаешь въ газетахъ, чѣмъ убѣждаешься въ ихъ процвѣтаніи на дѣлѣ.

Указавъ рукой на лежащую на столѣ „Тульскую Зарю", губернаторъ продолжалъ:

— Пишутъ о постройкѣ народнаго дома Бучальскими кооперативами... На-дняхъ самъ поѣду провѣрить это сообщеніе.

Пока мы разговаривали, изъ канцеляріи губернатора мнѣ были даны свѣдѣнія о числѣ лицъ, подвергнутыхъ административному взысканію за нарушеніе обязательнаго постановленія главноначальствующаго въ Тульской губерніи о спиртныхъ напиткахъ.

За что?	Съ 19 іюля 1914 г. по 1 января 1915 г.	Съ 1 января по 1 іюля 1915 г.
1. За продажу вина	21	17
2. За продажу спирта (денатурата) . . .	—	38
3. За появленіе въ публичномъ мѣстѣ въ нетрезвомъ видѣ	191	462
4. За нарушеніе общественной тишины и спокойствія	22	25
5. За распитіе спирта (денатурата) . . .	—	81
6. За распитіе лака.	—	—
7. За распитіе въ публичномъ мѣстѣ спиртныхъ напитковъ	3	—
8. За распитіе политуры	—	22
9. За распитіе одеколона	—	6
10. За распитіе очищеннаго спирта . . .	—	2

Эти цифры подтверждаютъ мнѣніе д-ра Тейзинга о развитіи въ городѣ новаго типа алкоголиковъ.

Простившись съ губернаторомъ, я досталъ „Зарю" у разносчика и прочелъ въ ней слѣдующія строки:

„Остро ощущаемая нужда во внѣшкольномъ образованіи, особенно сильно стала ощущаться съ прекращеніемъ продажи спиртныхъ напитковъ. Стремленіе деревни къ свѣту, къ знанію, такъ сильно за послѣднее время, что постройка цѣлой сѣти народныхъ домовъ является одной изъ очередныхъ задачъ переживаемаго времени. И это понято Бучальскимъ обществомъ

потребителей и Бучальскимъ кредитнымъ товариществомъ, которыя отъ желанія имѣть свой народный домъ приступили къ его созданію. Мы вѣримъ, что многія другія общества не останутся только зрителями работы другихъ на нивѣ народнаго образованія, а сами приступятъ у себя на мѣстахъ къ дѣлу строительства".

Отъ губернатора я поѣхалъ къ начальнику ружейнаго завода, А. В. Куну. Престарѣлый генералъ, уже подавшій прошеніе объ отставкѣ, сказалъ мнѣ, что на заводѣ не замѣтно большой разницы до закрытія и послѣ закрытія виноторговли.

— У насъ,—говорилъ онъ:—трудъ хорошо оплачивается, рабочіе дорожатъ своими мѣстами, большинство изъ нихъ уже много лѣтъ при заводѣ и опохмѣляющихся дней, „понедѣльниковъ", у насъ не было... Закрытіе торговли крѣпкими напитками ничего не измѣнило въ жизни рабочихъ при казенномъ тульскомъ заводѣ. Вамъ лучше прослѣдить это вліяніе на частныхъ заводахъ.

Послушавшись его совѣта, я поѣхалъ къ самымъ крупнымъ въ Тулѣ самоварнымъ фабрикантамъ Шемарину и Баташеву.

Подъѣзжая къ фабрикѣ Шемарина, я не могъ не обратить вниманіе на рядъ телѣгъ съ самоварными въ чернѣ принадлежностями. Это кустари привезли на фабрику необработанный матеріалъ. Всѣ они давно работаютъ на фабрику и вполнѣ отъ нея зависятъ.

Шемаринъ пригласилъ со мной на бесѣду толпу рабочихъ съ своей фабрики. Одинъ изъ нихъ осторожно отвѣтилъ мнѣ:

— Пить некому, а воспоминаніе о водкѣ пріятное.

Рядомъ стоящій съ нимъ рабочій перебилъ его:

— Теперь не къ чему и вспоминать о ней. Господь съ ней... На кой она лядъ?! Къ чему же пить

водку, когда цѣлый годъ не пили? Голова теперь чиста, всѣ въ своемъ разумѣ, а тогда какъ у сумасшедшаго... Поправляться всѣ стали и денежокъ немножко есть.

Другіе рабочіе также радостно замѣтили:

— Конечно, теперь тверже. Въ другой разъ и заскучаешь по ней, а обойдется, глядишь, къ лучшему. Хозяйское дѣло: и жена порадуется, и дѣти не плачутъ.

Въ толпѣ, однако, нашелся философъ, который сталъ говорить о мученикахъ безъ водки.

— Самъ я, когда работаю, такъ мнѣ водки и не надо, а въ хорошей компаніи приходилось и выпивалъ; но другой народъ помираетъ безъ водки... Если не выпить такому человѣку, такъ у него и работы нѣтъ, и силы нѣтъ, и ѣды нѣтъ.

Остальные рабочіе не согласились съ нимъ.

— Безъ хлѣба нельзя, а безъ водки можно жить,—сказали они.

Я перебилъ ихъ споръ вопросомъ: куда идутъ у нихъ непропитыя деньги и не развивается ли среди нихъ картежничество.

— Въ Епифанскомъ уѣздѣ, я слышалъ, крестьяне нанимаютъ отдѣльное помѣщеніе для картежной игры.

— Другому у насъ хлѣба не хватаетъ,—перебили меня единогласно.—Гдѣ ему въ карты играть? У иного семья, пять-шесть человѣкъ дѣтей... Про говядину забудешь, а не только про карты. Все дорого. Вотъ куда деньги и идутъ. Дороговизна. И не только рабочему стало все дорого, но и мелко-торговому люду не легче отъ оптовыхъ купцовъ. Кто изъ нихъ запасся товаромъ, такъ не подойди къ нему... Загордился! Бывало, самъ пишетъ, только пріѣзжай покупать, а теперь онъ не узнаетъ тебя. Забери товару хоть на нѣсколько

сотъ рублей, купецъ даетъ тебѣ счетъ безъ марки. „А не хочешь—уходи". Потеряли всѣ купцы совѣсть. Что стоило ранѣе 3 рубля, берутъ десять, а запроси онъ двадцать и двадцать дадутъ. Потому что негдѣ достать товару. Все припрятано и бѣдному человѣку не по карману.

— Вы жалуетесь на дороговизну? — переспросилъ я.—А какъ же, говорятъ, господскія закуски не идутъ въ лавкахъ, а мужицкая бакалея –продается... Въ мелкихъ лавкахъ не хватаетъ ни краснаго товару, ни даже сластей. Въ Тулѣ, въ торговомъ домѣ Сѣрикова и К° нѣтъ конфектъ даже на его кондитерской фабрикѣ...

— Дорого, все вздорожало!—повторили рабочіе.—А все же возьмешь да и побалуешься иной разъ... Не только, что пріодѣнешь жену и возьмешь конфектъ къ чаю, но какой-нибудь полтинникъ и проиграешь въ праздникъ. Заводскіе мы люди: нужно и намъ побаловаться. А матовства съ картами у насъ нѣтъ.

— А денатуратъ пьете?—спросилъ я.

— Попробуешь этого „Воронка" и закаешься,—отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ. — Евреевъ у насъ нѣтъ, а въ другихъ мѣстахъ, сказываютъ, австрійцы учатъ и хорошую водочку дѣлать. Но самую малость...

Окончивъ съ ними разговоръ, я поѣхалъ на фабрику къ Баташеву. По ознакомленіи съ дѣломъ, по которому я пріѣхалъ на фабрику, ко мнѣ пригласили прилично одѣтаго субъекта, пришедшаго въ контору искать себѣ мѣста.

— Съ ангеломъ тебя!—воскликнулъ управляющій конторой.

— Почему такъ?—спросилъ тотъ удивленно.

— Больно ты нарядился...

— Да денегъ некуда дѣвать. Вотъ и пріодѣлся... Хочу работать.

— Ладно. Приходи съ будущей недѣли.

Проситель ушелъ обрадованнымъ.

— А годъ тому назадъ,—продолжалъ управляющій фабрикой:—онъ изводилъ меня. Встрѣтитъ на улицѣ, руку подъ козырекъ и играетъ впереди меня маршъ на губахъ. А теперь пріятно на него смотрѣть. Тебя и не узнать, говорю... „Вотъ что значитъ водки-то нѣтъ", отвѣчаетъ. Слышу стороной, что и время онъ проводитъ въ семьѣ за чайкомъ. Жена у него работящая и любитъ его. Ихъ и не тянетъ никуда изъ дому. Слава Богу, что въ семьѣ, а не въ трактирѣ.

Другіе рабочіе съ фабрики подтвердили единогласно, что безъ водки „сейчасъ удобнѣе".

— Въ престольный праздникъ скучно, но „аптекарскаго" все же не покупаемъ и въ ротъ его не беремъ.

— И деньги заводятся?—спросилъ я.

— Не безъ того,—отвѣтили рабочіе.—Мануфактуристы прекрасно торгуютъ, только ресторанамъ плохо. А то вездѣ лучше. Прежде отъ нашей брани чадъ стоялъ около фабрики, а теперь не услышишь..:

Съ своей стороны и управляющій сказалъ:

— Сплотила трезвость и служащаго, и рабочаго, а съ водкой была вражда. Конторщикъ не отъ себя дѣлалъ распоряженіе, а отъ хозяина, но пьяный этого не понималъ.

Среди кустарей слободы Чулково я встрѣтилъ тѣ же радостные отзывы. Желая разговориться съ ними болѣе обстоятельно, я спросилъ ихъ дружественно:

— А женъ-то своихъ, безъ водки-то, поди, бережете больше, чѣмъ ранѣе?

Широкая улыбка расползлась по лицамъ кустарей и одинъ изъ нихъ произнесъ съ чувствомъ:

— Мужикъ безъ женщины — что безъ паровъ ма-

шина. Бережемъ своихъ бабъ, какъ поотняли у насъ водку.

— Ишь, бабникъ! —засмѣялись его товарищи.—А не знаетъ того, что изъ-за бабъ-то у насъ ранѣе и случались грѣхи и драки. Зачѣмъ только Господь и сотворилъ женщину? Для смуты одной.

— Зачѣмъ же такъ говорить,—возразилъ я.—Она такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы.

Нѣсколько голосовъ перебили меня съ видимымъ раздраженіемъ:

— Мужикъ свой грѣхъ мететъ изъ избы, а баба въ избу. У хозяина его грѣхи на сторонѣ, а баба съ собой будетъ носить и стыдъ, и грѣхъ. Большая разница между нами... За то мы и ругаемъ бабу, и бьемъ ее, если она въ домъ мужа несетъ чужой приплодъ.

Слушая это зоологическое мнѣніе по женскому вопросу, я находилъ его несокрушимымъ, какъ бы не возмущалась человѣческая противъ этого неравенства совѣсть.

А кустари продолжали развивать свой взглядъ на женщину съ прежней безжалостностью.

— Всяко случается и съ нашимъ братомъ... Немощи наши. А у бабъ всегда виноватъ другой,—не она сама... Такая ея бѣсова природа. Ходитъ она молча по избѣ и не глядитъ на мужа, пока тотъ не озвѣрѣетъ... А примется она и за работу около печи, все же кушанья выйдутъ не такъ, какъ раньше... Все напоминаетъ мужику, что жизнь его перемѣнилась... И пища за столомъ не наварная: вѣтромъ воняетъ, а жена—собакой.

Я былъ очень радъ, когда „бабникъ“ вступился за женщину и сталъ говорить:

— Богъ того не хочетъ, а это люди такъ гложутъ другъ друга. Нужно прощать женщину, если Богъ обидѣлъ ее, а вы не понимаете этого... Вы всѣ на нее... А природа ея хорошая. Беречь, скажите лучше, вы не умѣете ее, особливо, когда была водка.

Споръ о женщинѣ грозилъ разгорѣться, но одинъ изъ кустарей переконфузилъ оратора слѣдующими словами:

— Ты самъ еще молодой и пахнешь водой, а тоже учишь насъ. Послушай меня,—не стараго, а бывалаго... Ты вотъ спутался съ дѣвкой... На хуторъ бѣгаешь къ ней. А жениться ты, что-то, не думаешь. Жалѣть жалѣешь дѣвку, а про свадьбу не слыхать.

— Вотъ осенью поженимся,—отвѣтилъ парень въ смущеніи.

— Ну и не толкуй про бабъ прежде времени!—сурово закричалъ на него „не старый, а бывалый“ кустарь. — Жилъ такой дѣдъ въ слободѣ... Больше ста лѣтъ ему было... Онъ говорилъ намъ правду о женщинѣ: броситъ она тебя въ колодецъ, да еще доской прикроетъ, а мужикъ не догадается прикрыть... Вотъ тебѣ и другая разница между бабой и мужикомъ.

Я намѣревался давно перемѣнить разговоръ, но его сильная и образная рѣчь покоряла меня. „Жемчугъ“ въ этой мужицкой рѣчи...

Я невольно вспоминалъ одно изъ восхитительныхъ писемъ И. С. Тургенева, въ которомъ онъ пишетъ: „Странное дѣло! Этихъ четырехъ качествъ—честности, простоты, свободы и силы—нѣтъ въ народѣ, а въ языкѣ они есть... *Значитъ будутъ и въ народѣ*“.

Я сталъ говорить о культурныхъ развлеченіяхъ для народа, но старый кустарь полусердито отозвался:

— Деньги надо тратить на раненыхъ, а не на театры. Намъ не до развлеченій...

— Кончится война, тогда и веселись,—согласился и другой кустарь.

— Но въ карты-то вы играете?—упрекнулъ я.—А хорошихъ развлеченій у васъ еще и не было, и жаловаться на нихъ еще рано.

— Да къ слову пришлось,—сконфуженно произнесъ молодой кустарь.—У насъ горе, а тутъ тебя приглашаютъ слушать лекцію, какъ вредна водка, когда раньше говорили, что она стала лучше и нужно пить ее въ семьѣ каждый день.

Теперь пришлось мнѣ сконфузиться отъ его словъ...

Къ нашему разговору присоединился рабочій, пріѣхавшій изъ мѣстечка Щелково, Богородицкаго уѣзда, Московской губерніи, который присоединился къ моему мнѣнію о томъ, что народу нужны и теперь хорошія развлеченія.

— Есть потребность въ карты играть, — сказалъ онъ, — будетъ желаніе и въ театръ идти, и самому играть на сценѣ. Я видѣлъ, какъ рабочіе сами устраиваютъ свои театры и оркестры изъ „Владимірскихъ рожечниковъ", вродѣ пастуховскихъ... Модная игра футболъ тоже принята рабочими. Раньше у насъ въ Щелковѣ рабочій шелъ въ пивную и на игрѣ въ футболъ зрителей было мало, а потомъ все больше и больше... Съ двухъ фабрикъ шелъ народъ: ситце-набивной, бумаго-красильной и прядильно-ткацкой... Трактирщики, бывало, говорятъ: „Футбольному кружку мы заплатимъ, только въ воскресенье не играйте и не отвлекайте отъ насъ народъ"... На московскихъ фабрикахъ не рѣдкость, что рабочіе на вечернихъ курсахъ учатся черченію, занимаются бухгалтеріей... Безъ водки и образовался народъ. Сельскія общества пособія бѣднымъ до войны никому не выдавали, а теперь помогаютъ и деньгами, и работой. Все это есть у людей, а здѣшній народъ чѣмъ же хуже? — закончилъ онъ свою рѣчь.

Тотъ же старый кустарь отвѣтилъ ему сурово:

— Здѣшній народъ—хорошъ, да тулякъ...

— Это съ водкой такъ, а безъ водки „тулякомъ" нечего хаить насъ, — воскликнули другіе молодые кустари. — Не хуже людей... Мы молчимъ, пока война. Не до насъ теперь, а послѣ войны можно будетъ и попросить о себѣ. Не говори, что хорошъ—да „тулякъ". Безъ водки-то просто хорошій сталъ народъ.

XXVI.

На „Косой горѣ".—Среди рабочихъ о „легонькомъ винцѣ".

Незадолго до моего отъѣзда изъ Тулы, С. В. Горскій сообщилъ мнѣ, что для меня было бы полезно съѣздить на „Косую гору", гдѣ построенъ чугунно-литейный заводъ бельгійскаго акціонернаго общества.

— Это въ восьми верстахъ отъ города и я могу самъ свезти васъ туда на казенной лошади и въ коляскѣ,—сказалъ онъ просто, помогая мнѣ и ранѣе въ моихъ поѣздкахъ по городу указаніями и справками.

Залитые яркимъ солнцемъ, мы ѣхали на другой день по шоссе къ красивой „Косой горѣ".

Мы застали начальника завода за большими хлопотами, но, провѣривъ спѣшные счета, онъ охотно распространился о томъ, что ранѣе рабочіе забирали изъ потребительской при заводѣ лавки товаръ въ долгъ и продавали его въ другомъ мѣстѣ по болѣе дешевой цѣнѣ, а деньги пропивали, а теперь этого нѣтъ, такъ же какъ и прогулы стали рѣдки.

— Бывало, мой предшественникъ въ опасныя мѣста на заводѣ самъ ходилъ: нѣтъ ли пьяныхъ, а теперь я не хожу и не боюсь, что кто-нибудь попадетъ въ ремни

машины. Скажу вамъ также о заработкѣ рабочаго. За 1 половину 1914 года заработокъ рабочихъ былъ отъ 24 р. 30 к. въ мѣсяцъ до 43 р. 46 к., за 2-ю же половину того же года заработокъ ихъ возросъ отъ 32 р. 84 к. до 47 р. 53 к. въ мѣсяцъ. Затѣмъ, заборъ товара въ лавкѣ общества потребителей такой: за 1-ю половину 1914 года лавка отпускала товары исключительно по ордерамъ, выписываемымъ конторой завода, на сумму около 4,000 руб. въ мѣсяцъ, за 2-ю же половину того же года, кромѣ отпуска по ордерамъ на ту же сумму, продавала тѣмъ же рабочимъ еще за наличныя приблизительно на ту же сумму. Кромѣ того, во второй половинѣ 1914 года, какъ и въ настоящее время, въ заводъ регулярно наѣзжаютъ торговцы-разносчики съ мясомъ, овощами и проч., которые бойко торгуютъ, что объясняется свободной наличностью у рабочихъ. Единственнымъ пунктомъ для перевода денегъ, отправляемыхъ рабочими на родину, въ виду отдаленности завода отъ города, служитъ контора завода, имѣющая для этой цѣли агента, который за 1-ю половину 1914 года – послѣ выдачи заработка рабочимъ—обыкновенно отвозилъ 30 – 40 переводовъ, теперь же количество переводовъ достигаетъ 100 штукъ. До запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ брань, побои, шумъ, драка были обыкновеннымъ явленіемъ послѣ выдачи заработка и тѣмъ причиняли массу хлопотъ смотрителю завода и мѣстной полиціи. Съ прекращеніемъ же этой продажи безобразій не стало на заводѣ. Вотъ все что я могу сказать.

Этихъ свѣдѣній было совершенно достаточно и я спросилъ, нельзя ли мнѣ поговорить самому съ заводскими рабочими.

— Если можно, пусть будутъ среди нихъ и трезвенники, и любящіе, бывало, выпить водочки.

— Прекрасно,—отвѣтилъ начальникъ завода и предложилъ г. Горскому, технологу по образованію, пойти съ нимъ осматривать заводъ, а мнѣ предоставить рабочихъ.

Послѣдніе нѣсколько минутъ держались со мной недовѣрчиво, но почувствовавъ во мнѣ простого человѣка, разговорились.

— Мы теперь живемъ другою жизнью на заводахъ,— сказалъ одинъ изъ нихъ, наиболѣе интеллигентный.— Нашъ фабричный народъ сталъ неузнаваемъ. Это совсѣмъ другой народъ, точно кто подмѣнилъ его. Тихо, спокойно... Точно живемъ не при заводѣ, а въ монастырѣ. Ни прогуловъ, ни вычетовъ, никакихъ недоразумѣній при разсчетахъ.

— А жены наши, — воскликнули присутствующіе, перебивая своего „интеллигента“ и видимо желая подѣлиться своими со мной мыслями:—такъ и себѣ не вѣрятъ, и своему счастью... Получилъ я,—произнесъ наиболѣе горластый рабочій:—заработку десяти рублевую бумажку, посмотрѣлъ на нее и говорю женѣ: „вотъ прежде я бы пропилъ ее, а теперь зачѣмъ она мнѣ? На—возьми ее себѣ...“ Жена долго съ недовѣріемъ смотрѣла на меня и стала улыбаться только тогда, когда увидѣла, что деньги у нея въ рукахъ и что я не отыму ихъ у нея.

— Прямо чудеса!—перебилъ всѣхъ прежній ораторъ. — Были ранѣе среди насъ неподобныя рожи... Извѣстныя всему городу пьяницы. А теперь не узнать: новый картузъ и благолѣпная физіономія. Ну, развѣ это не чудеса? Работать всѣ стали, а не знаютъ даже мѣста, куда деньги класть, какія такія кассы... А прежде все бы ушло на Фрола и Лавра.

— Можетъ быть и теперь хотѣли бы жить съ водочкой по праздникамъ или послѣ работы?

— Разъ ужъ такъ безъ водки началось, такъ ужъ и не къ чему ее. Спокойнѣе жизнь,—отвѣтилъ рабочій. — Дуракъ только этого не видитъ. Съ мухой въ головѣ мы и увѣчья получали на заводѣ, а теперь цѣлы и въ карты прежде на деньги чаще играли. А теперь денежной игры мало, а есть для препровожденія времени „дурачекъ“ да „филька“. Пройдешься на лужокъ зеленой и все тутъ. Прежде съ водкой, а теперь „нѣтъ ее и не надо“. Завели у себя и коровку, и надо около нее хлопотать... Хозяйства заводятся и у насъ, какъ у людей. Меньше семьи плачутъ, а бабы такъ иной разъ и смѣются про мужиковъ: „все дома сидятъ, а бывало и не увидишь!“

Рабочіе весело улыбались и продолжали:

— Въ городѣ теперь и стѣнъ въ красныхъ пятнахъ нѣтъ, а бывало всѣ онѣ сургучомъ испачканы, когда стирали сургучъ о стѣну съ головки бутылокъ. Безъ водки, думали—надо пропадать... Можетъ быть проживемъ нѣсколько, а потомъ вскорости и умремъ. А теперь, какъ укрѣпились безъ водки, такъ другіе люди стали. Думали, что жить нельзя, а теперь, видно, можно...

— Многіе думаютъ,—перебилъ я, вспомнивъ доктора Тейзинга:—что вамъ надо изобрѣсти легонькое винцо, сбитень.

— А зачѣмъ, если мы не просимъ?—спросили они меня наивно.

Не получивъ отъ меня отвѣта, одинъ изъ рабочихъ сказалъ, что онъ жилъ въ Ковенской губерніи и тамъ пиво нисколько не уменьшило пьянства.

— Меньше полдюжины бутылокъ не было мѣры и это разоряло пьющихъ. Пиво чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше жажда.

— А легенькое виноградное вино?

— И на него много денегъ потратишь, а оно не пьянитъ...

— Но вамъ въ свободное время негдѣ душу отвести, а за виномъ или хорошимъ сбитнемъ хорошо бесѣдовать...

Рабочіе молчали и только черезъ нѣсколько времени одинъ изъ нихъ замѣтилъ простодушно:

— Почему же это время жили такъ, а въ будущемъ—нельзя?—Живемъ безъ водки, винца не видимъ и еще радуемся. О чемъ же хлопотать? Какіе еще тамъ нужны легкіе напитки?

— Да, ну ихъ къ чорту!—воскликнули присутствующіе, вникнувъ въ суть дѣла.—Не хотимъ ничего пить...

— А захочешь, если будутъ торговать?

— А ты не торгуй!

Я хотѣлъ еще болѣе разговориться на эту тему и продолжалъ задавать вопросы:

— Безъ пива или легкаго вина у васъ не будетъ общенія между собою. А оно нужно человѣку. Имѣются дѣловыя связи съ товарищемъ, нужно поговорить о дѣлѣ или такъ отвлечься отъ какого-нибудь горя... Вотъ и нужно „отвлеченіе“ или „возбудитель“, чтобы легче переносить горе, когда ты какимъ-нибудь дѣломъ разстроился и тебѣ надо забыться.

Рабочіе продолжали настаивать на своемъ.

— Такъ и мы думали ранѣе съ водкой, а безъ нея удобнѣе...

— Пьянства не должно быть,—перебилъ я,—но веселящаго и возбуждающаго напитка жизнь требуетъ. Пьете же вы чай.

— Вотъ и будемъ пить чай и съ горя, и съ радости... Чудесно. А то, бывало, на свадьбахъ хозяинъ прибавлялъ къ водкѣ спирту. „Зачѣмъ водку портишь?“

спроситъ иной. „Да развѣ гостей водкой-то возьмешь", отвѣтитъ онъ.

Я вспомнилъ, что у крестьянъ пить—значитъ съ ногъ свалиться. Человѣкъ долженъ „блевать", а безъ этого и свадьбу ранѣе не признавали, и „молодыхъ" не считали вѣнчанными.

Всѣ привыкли пить на родины, на крестины, похороны, свадьбу и т. д. Пить „мертвую", а не легонькое винцо.

„Если легонькій напитокъ, такъ онъ у насъ уже есть", думалъ я. „Фруктовыя воды, чай—чего легче? А другого не надо. „Легенькое" винцо сейчасъ сдѣлаютъ крѣпкимъ".

При этомъ, я невольно вспоминалъ защитниковъ наркоза среди интеллигентныхъ людей и ихъ доводы о томъ, что необходимо бываетъ поднять упадшую у человѣку энергію, смѣнить впечатлѣнія, чтобы легче переносить и горе, и трудъ. Интеллигенты смѣняютъ служебныя впечатлѣнія на новыя: книгами, клубомъ, театрами и т. д. А мужику что остается дѣлать безъ водки? Чай—надоѣстъ; кушать съѣдобное—хлопотливо и дорого; пить квасъ—не веселитъ и не забираетъ... Нужно болѣе возбуждающее.

— Почему же непремѣнно это „болѣе возбуждающее" должно быть въ стеклянкѣ?—спрашивалъ я оппонентовъ въ прежнихъ моихъ поѣздкахъ.

— Потому, что это портативно, всегда легко достать, легко выпить, легко при этомъ разговориться,—отвѣчали мнѣ.—„Возбудитель" не долженъ опьянять: пусть въ немъ будетъ 2 или 3 градуса алкоголя, но онъ долженъ играть роль веселаго вина, пріятнаго и возбуждающаго нервы напитка. Алкоголь имѣетъ это свойство, и онъ необходимъ во всякомъ общежитіи.

— Его теперь же нѣтъ... Значитъ онъ не необходимъ.

— Принужденіемъ все можно сдѣлать. Самовары можно изгнать. А что пріятнѣе—вотъ вопросъ.

Тотъ же вопросъ былъ вновь поднятъ мною среди рабочихъ на „Косой горѣ" и я увидѣлъ, что они рѣшительно не раздѣляютъ тревогъ интеллигентныхъ людей объ „отвлеченіи" и „возбудителяхъ" въ стеклянной посудѣ.

— Человѣкъ—общественное животное, но не пьяное,—думалось мнѣ.—Въ его жизни много веселаго и возбуждающаго интереса. Онъ легко можетъ смѣнить старыя впечатлѣнія на новыя въ облагороженной жизни. Современный мужикъ это чувствуетъ и исполненъ одной радости въ томъ, что болѣе нѣтъ въ его жизни ни крѣпкихъ, ни слабыхъ напитковъ. Конечно, если привезти въ деревню водку, да еще поставить на столъ мужикамъ, они разопьютъ ее и пѣсни затянутъ. Но Богъ дастъ этого не случится. Тамъ, гдѣ легенькое винцо будетъ также вредить людямъ, какъ ранѣе вредило имъ крѣпкое вино,—они имѣютъ право составить приговоръ о закрытіи торговли и „легкими" винами. Въ настоящее время само населеніе можетъ добиться этимъ правомъ трезвости и матеріальнаго благополучія. Надо населенію самому привыкнуть думать о своемъ достоинствѣ и умѣть защищать его законными путями передъ властью.

XXVI.

Власть воспоминаній.—Сельскій учитель.—Организація питательнаго пункта.—Внѣшкольное образованіе.

Многое измѣнилось въ моей работѣ... Нѣтъ уже поднебесной шири Тамбово-Воронежскихъ и Орловскихъ степей, съ ихъ жгучимъ солнцемъ и хлѣбными

полями. Исчезли дымчатыя дали съ очертаніемъ на горизонтѣ пахарей и, по бокамъ проѣзжей дороги, крутящіеся по пашнямъ пыльные столбы въ видѣ воронки или столба съ вращательными и наступательными движеніями... А за плугомъ мужика уже не шествуютъ важно „мірскіе захребетники", разыскивая по бороздамъ червяка и разлетаясь съ нимъ по полянамъ, куда изъ гнѣздъ уже давно перебрались молодые грачи, съ жаднымъ крикомъ дающіе о себѣ знать родителямъ и обучающіеся здѣсь же, подъ руководствомъ старшихъ, взлетать и летѣть все смѣлѣе, выше и дальше.

Нельзя безъ трепетнаго волненія думать и созерцать нашу природу и ея сокровища.

Ѣдешь и слышишь въ ветлахъ „петровскихъ слободъ" протяжный стонъ горлинки, въ „Вишневыхъ Садахъ" страстный призывъ соловья, манящій къ радости, а изъ дальняго лѣса таинственный голосъ кукушки... Задымилась и рожь оплодотворяющей хлѣбной пылью, щелкнулъ перепелъ въ поляхъ и запахло полынью на дорогѣ... Точно живое и милое существо — эта наша родная природа и нельзя русскому человѣку отойти отъ нея, нельзя не любить ее. Хочется въ такія минуты думать, что люди и природа — въ самомъ себѣ единое цѣлое, которое вѣнчаетъ „Богъ-любви".

Съ этими мыслями, по тому же вопросу о трезвости, ея укрѣпленіи и выдвигаемыхъ въ настоящее время трезвымъ народомъ запросовъ жизни, я поѣхалъ изъ черноземныхъ губерній уже осенью въ лѣсные и болотные раіоны Псковской губерніи. Нерѣдко въ осенніе дни солнце завѣшено здѣсь точно мокрой тряпкой и тогда псковскіе крестьяне среди мховъ и болотъ говорятъ:

— Гдѣ бѣсъ ночуетъ, тамъ и мы живемъ...

Вотъ почему, объѣзжая „бѣсовы ночлежки", я говорю: „Многое измѣнилось въ моей работѣ".

Деревушки: Черная Грязь, Мошница, Зайцево, Хвошня, Дупло, Грязивецъ, Язвы, Засосье, Замощенье, Крутецъ, Половница, Озерянка и т. д. характерны и своими прозвищами, и безлюдностью. Три-четыре „жихаря" (три-четыре хозяина съ семьей) нерѣдко составляютъ деревни, сообщающіяся между собою по мучительнымъ лѣснымъ дорогамъ, съ камнями, ухабами, гатями, гарями или по гнилымъ кладкамъ на болотахъ. Нѣтъ здѣсь степныхъ слободъ, размѣромъ напоминающихъ уѣздные города; нѣтъ разумѣется и ихъ матеріальнаго достатка.

Вмѣсто чернозема, здѣсь земля подзолъ—бѣлуга, хверщь, дубовина, кобылье болото, мохъ и т. п. прелесть. Бѣденъ псковскій крестьянинъ, но совершенно напрасно ругаются его именемъ:

— Не валяй—Ваньку Псковскаго!

Здѣшній народъ только по внѣшности „мякинники", только по сѣрости своей „псковская мякина", а чѣмъ глуше и далѣе его деревушки, разбросанныя по „загривкамъ" въ Новоржевскомъ и Холмскомъ уѣздахъ, тѣмъ сильнѣе поражали меня всегда его даровитость и его проникновенный умъ.

Кажется, скважины нѣтъ для свѣта — въ этомъ углу Псковской губерніи, но именно здѣсь, въ чудесномъ и образномъ языкѣ простого народа, я чувствовалъ его великое и свѣтлое будущее. Именно здѣсь меня поразило то, что и старый и малый хранятъ въ неприкосновенности исторіи и легенды о псковскихъ богатыряхъ, бившихся съ Литвой за свободу родного края („Богатырскія могилки"—въ „Семеоновомъ Бору" и „Дорофѣевомъ Бору", и сестра богатырей Дарья, убитая на „Дѣвичьемъ островѣ"). Здѣсь же, еще до сихъ поръ живы крестьяне, которыхъ другіе зовутъ по фамиліи „Царями" за мужественный духъ и героизмъ

ихъ предковъ, нерѣдко побѣждавшихъ нравственной силой деспотизмъ помѣщиковъ.

Я не ошибся въ своихъ предположеніяхъ о томъ, что книгу „Народъ безъ водки" слѣдуетъ закончить объѣздомъ псковскихъ „жихарей", всегда обогощавшихъ меня художественными впечатлѣніями и историческимъ пониманіемъ жизни.

Въ серединѣ сентября я выѣхалъ изъ Петрограда...

Сойдя со станціи Чихачево, Московско-Виндавской желѣзной дороги, я встрѣтилъ знакомаго сельскаго учителя В. В. Грабовскаго, который пригласилъ меня посѣтить его школу.

— Въ ней будетъ сегодня обсуждаться организація питательнаго пункта для бѣженцевъ, сказалъ онъ.—Вы заинтересуетесь самодѣятельностью мѣстнаго населенія.

Но для меня была не безъинтересна и личная жизнь Грабовскаго...

Много лѣтъ тому назадъ ко мнѣ въ Петроградъ пришелъ молодой крестьянинъ изъ Псковской губерніи и, сообщивъ, что онъ учился въ сельской школѣ, а послѣ на военной службѣ въ солдатахъ, просилъ просмотрѣть его двѣ тетрадки.

— Это что же такое?

— Стихи и повѣсть,—просто отвѣтилъ онъ.— Вы уже нѣсколько лѣтъ бываете въ псковскихъ лѣсахъ съ ружьемъ на звѣря и я часто видѣлъ васъ... Вы останавливались однажды и у моего отца Грабовскаго въ деревнѣ Грабово, Новинской волости, Новоржевскаго уѣзда. Прочтите мой трудъ, если это не затруднитъ васъ.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я, обративъ вниманіе на гладкое произношеніе имъ рѣчи.

Онъ продолжалъ:

— Я ищу работы... Вы опредѣлили многихъ нашихъ мужиковъ на Колпинскіе заводы...

Въ то время, я зналъ, что на адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводахъ въ Колпинѣ шло усиленное сокращеніе морскихъ работъ и даже старые мастера разсчитывались.

Не обнадеживъ ничѣмъ моего просителя, я сказалъ ему зайти ко мнѣ черезъ нѣсколько дней, пока я ознакомлюсь съ его тетрадками.

Стихи у него оказались неудачными, повѣсть — свидѣтельствовала о пытливомъ умѣ и стремленіи къ образованію. Все это было правдиво, но очень избито и ни одна редакція не напечатала бы ни стиховъ, ни повѣсти. Но меня заинтересовало то, что если „человѣкъ мыслитъ словами", то авторъ повѣсти былъ несомнѣнно мыслящимъ человѣкомъ.

Въ слѣдующій разъ я узналъ отъ него, что онъ поступилъ сторожемъ къ телефонной будкѣ въ Петербургскомъ, кажется, порту.

— Отчего бы вамъ не попробовать выдержать экзаменъ на сельскаго учителя,—перебилъ я его. Вы свободно владѣете русскимъ языкомъ и еще болѣе желаніемъ учиться и учить другихъ. Достаньте программу на сельскаго учителя, готовьтесь по ней годъ или два и держите экзаменъ. Предсѣдатель Новоржевской Земской Управы, Н. Н. Рокотовъ, охотно дастъ вамъ школу, если вы будете имѣть право педагогической дѣятельности.

Черезъ два-три года В. В. Грабовскій имѣлъ уже школу въ Новоржевскомъ Земствѣ, сотрудничаетъ теперь въ газетѣ „Псковская Жизнь" и весь ушелъ въ служеніе народу.

Онъ позвалъ меня къ себѣ на собраніе, въ которомъ присутствовали: священникъ Виноградовъ, діаконъ Сырохновъ, урядникъ, бывшій волостной старшина, агентъ земскаго страхованія М. С. Семеновъ,

управляющій Чихачевскимъ имѣніемъ Н. И. Дреусъ, нѣсколько лавочниковъ и крестьянъ.

Нѣсколько удивленный въ первый моментъ пестротой комиссіи, я очень скоро былъ обрадованъ именно этимъ обстоятельствамъ. Жизнь, повидимому, выдвигаетъ задачи, которыя могутъ объединять людей самыхъ разнообразныхъ положеній и убѣжденій. И война, и современная трезвость народа примиряютъ различныя направленія своими насущными нуждами.

Учитель Грабовскій открылъ собраніе краткой рѣчью:

— Новинское кредитное товарищество предложило всѣмъ своимъ членамъ (числомъ 800) внести по 2 гарнца ржи въ пользу бѣженцевъ. Тысячи несчастныхъ людей проѣзжаютъ черезъ нашу станцію Чихачево всегда голодными.

Члены комиссіи единодушно утверждали голоданіе лицъ въ поѣздахъ желѣзной дороги.

— У насъ въ Чихачевѣ,—говорили,—поѣзда стоятъ по нѣсколько часовъ, и въ это время пассажиры разбѣгаются по деревнямъ и просятъ хлѣба. „Два-три дня хлѣба не видали... На тебѣ рубль и сдачи не надо... Христомъ-Богомъ прошу хлѣба", кричатъ бѣженцы.

— Нужда испытывается всѣми проѣзжающими. Населеніе встревожено,—утверждали члены комиссіи.

Учитель продолжалъ:

— Кредитное товарищество рѣшило устроить при станціи Чихачево питательный для нихъ пунктъ. Но собравъ нѣсколько сотъ пудовъ ржи, ее надо теперь смолоть, снять для склада муки помѣщеніе, найти пекарню, пекаря, устроить при станціи ларецъ, гдѣ бы раздавать хлѣбъ голодному люду, найти человѣка для этой даровой раздачи, назначить дежурнаго для встрѣчи бѣженцевъ, купить дровъ для пекарни, рѣшить сколько можно выпечь хлѣба въ пекарнѣ, сколько фунтовъ вы-

давать на человѣка и т. д. Волостное попечительство въ погостѣ „Новомъ" пришло на помощь Новинскому кредитному товариществу деньгами, а потомъ пристали къ намъ и другія кредитныя товарищества въ уѣздѣ.

Намѣченные вопросы обсуждались въ собраніи и, не смотря на всеобщее единодушіе, операція даровой раздачи хлѣба оказалась такъ сложна, что на первомъ же собраніи выяснилась недостача въ людяхъ. У всякаго свое хозяйство требовало присутствія человѣка у себя дома и рѣшено было искать и просить по сосѣднимъ деревнямъ помощниковъ-добровольцевъ, приступивъ, однако, и при наличіи силъ къ раздачѣ муки также по деревнямъ для выпеченія хлѣбовъ въ пожертвованіе.

Невольно бросалась въ глаза безпомощность лицъ общественнаго направленія: такъ они одиноки и такъ насущны задачи, выдвигаемыя жизнью. Пріятно только то, что эти задачи привлекаютъ людей разныхъ положеній и убѣжденій.

Въ коммисіи питательнаго пункта для бѣженцевъ опять тотъ же сельскій учитель В. В. Грабовскій избранъ секретаремъ и вся тяжелая работа по выполненію задачи легла на него же. А между тѣмъ, онъ и безъ того обремененъ работой прежде всего какъ учитель, затѣмъ въ качествѣ предсѣдателя правленія Новинскаго кредитнаго товарищества, секретаря и счетовода того же товарищества, начальника Чихачевской вольной пожарной дружины, товарища предсѣдателя Новинскаго волостного попечительства по призрѣнію семей взятыхъ на войну запасныхъ и ратниковъ, предсѣдателя коммисіи по изготовленію потребительной лавки. Этихъ обязанностей болѣе, чѣмъ достаточно на одного человѣка. Перечисляя добровольныя обязанности сельскаго учителя, я хочу

этимъ указать на недостатокъ интеллигентныхъ людей въ средѣ народа, выдвигающаго нынѣ работы, могущія объединить и правыхъ, и лѣвыхъ людей. Въ то же время интеллигенты изъ народа поразительно работоспособны и, главное, все они дѣлаютъ просто, не подозрѣвая въ этой простотѣ всей ея величавости.

— А сколько вы получаете жалованья? — спросилъ я, вспомнивъ нынѣ дороговизну жизни и въ деревнѣ.

— Я получаю отъ земства двадцать восемь рублей 20 коп. въ мѣсяцъ,—отвѣтилъ онъ безъ жалобы на безучастіе земства къ необезпеченности учительскаго персонала.

На другой день послѣ засѣданія комиссіи учитель уже раздавалъ выпеченный хлѣбъ бѣгающимъ съ поѣздовъ людямъ. Но хлѣба не хватаетъ... Каждый день ѣдетъ голодный и разоренный народъ.

Вскорѣ, будучи уже въ отдаленныхъ мѣстахъ Новоржевскаго уѣзда, я слышалъ, что голодные люди по станціямъ желѣзныхъ дорогъ все болѣе и болѣе нуждаются въ хлѣбѣ. Невольно вспоминаешь съ теплымъ чувствомъ отзывчивыхъ людей, дѣлящихся послѣднимъ съ голодными массами и такимъ образомъ предупреждающихъ еще худшія послѣдствія. Нельзя не цѣнить народъ, гдѣ каждый понимаетъ безпріютность страдающихъ людей и гдѣ все-таки такъ нужны хорошіе люди и хорошо выпеченный хлѣбъ...

Послѣ дѣловыхъ постановленій по организаціи питательнаго пункта, коммисія разошлась и въ школѣ остались только я, учитель и страховой агентъ.

Сѣли мы, по русскому обычаю, за столъ и каждый изъ насъ вскорѣ занялся своимъ стаканомъ чая.

— Вотъ хлѣбъ-то у насъ съ кислинкой, произнесъ учитель. Мука темная и дрожжей хорошихъ нѣтъ.

Тяжко вздыхая, агентъ страхованія, Семеновъ, перебилъ учителя:

— Теперь въ лавочкахъ и дурныхъ дрожжей не найти. Вотъ до чего дожили... Мы сами много виноваты... Ну, какже не виноваты, если никто не умѣетъ даже дрожжей дѣлать? Ранѣе просфирни изготовляли и дрожжи, и просфоры, но старушки прекратили самодѣльничать и сами, по малости, примерли, а секрета, какъ дѣлать дрожжи, никто у нихъ не спрашивалъ. Никто въ краю теперь не знаетъ его, довольствуясь „торговыми“ дрожжами, изготовляемыми на рынокъ. Война отразилась и на дрожжахъ. Ихъ не стало на рынкѣ такъ же, какъ не стало сахару и соли... И матеріалъ есть, и люди есть, а умѣнья нѣтъ. Во всякомъ дѣлѣ такъ... Во всякомъ дѣлѣ дрожжей нѣту. Что знали и то стали забывать. Помнятъ только „наговорную воду“, да на все „волю Божію“, а не собственный трудъ.

И учитель, и страховой агентъ дѣлились со мной свѣдѣніями самыми насущными. Я едва успѣвалъ записывать характерные пункты нашей бесѣды.

— Какъ странно, что дрожжи еще умѣютъ у насъ дѣлать старовѣры да чухны,—повторяли земскіе труженики. Старовѣры, волей не волей, обучены этому... Торговые дрожжи—мірскія, грѣшныя и поганыя. Старовѣры не покупаютъ ихъ и приготовлютъ хлѣбъ сами. Чухны — тѣ вообще культурный народъ. Поѣзжайте вы въ Юшковы села и вы найдете у хуторянъ даже колбасы изъ утиной крови и другое кушанье изъ того же матеріала, который у русскихъ выбрасывается въ лоханку свиньямъ или за окно...

Я опять подумалъ, что во всякомъ дѣлѣ необходимы дрожжи, а какъ дѣлать ихъ—не знаютъ.

— Около города Новоржева залежи торфа,—гово-

рили мнѣ знатоки края.—Торфяной вопросъ все растетъ и растетъ, по мѣрѣ вздорожанія топлива, а мы всюду имѣемъ торфяники и не умѣемъ пользоваться ими.

Агентъ страхованія сказалъ, что онъ собственнаго сына посылаетъ на курсы торфяного дѣла и вѣритъ, что оно въ будущемъ разовьется и дастъ сыну средства жить.

— Подъ Новоржевомъ торфъ, какъ кость,—продолжалъ онъ.—Топоромъ не разрубить. Онъ приближается къ каменному углю, безъ растопки горитъ. А отапливается имъ, кажется, одна городская больница... Повсемѣстно, по Новоржевскому уѣзду, точно кто выпираетъ изъ земли корни перегнившихъ деревьевъ. Въ этотъ годъ хозяинъ повыдергаетъ ихъ, а на будущій годъ они опять лѣзутъ. Откуда что берется... А пользоваться ими въ должной мѣрѣ все-таки не умѣемъ. Народъ раньше больше пьянствовалъ, чѣмъ учился чему-нибудь. Можетъ быть, безъ водки-то теперь всѣ возьмутся за умъ. Пора бы!.. У насъ, напримѣръ, берега рѣки Великой покрыты известковыми горами, а въ цементѣ — недостача, потому что не умѣемъ усовершенствовать известнякъ. Все время пользовались цементомъ: Шмитовскимъ, потомъ похуже Мальцевскимъ и совсѣмъ глинистымъ Романовскимъ... А подъ рукой залежи отличнаго сырья, а работать не обучены.

— А хочетъ-ли народъ учиться? спросилъ я.

— Онъ всегда хотѣлъ учиться, горячо отозвался Грабовскій. Малый ребенокъ опасается, какъ бы не упасть, а народъ не глупѣе трехлѣтняго ребенка. Безъ образованія онъ боится вновь запьянствовать. Мы должны убѣдить его въ томъ, что если не будетъ у него „полоумки" въ видѣ водки или картъ, то будетъ урожай въ хлѣбѣ; что какъ ни уменъ человѣкъ, а

водка половину ума отыметъ. У насъ теперь безъ полоумки и нищихъ не узнать. Помѣщиками ходятъ.

— А какъ же, перебилъ я: въ деревнѣ Луковицы каждый праздникъ всѣ пьяны?

— Законъ топтать нельзя, а обойти можно, флегматично произнесъ Семеновъ. Изъ Чихачева нарочно ѣздили въ Петроградъ за денатуратомъ, когда онъ продавался тамъ свободно. Туда и обратно десять рублей проѣздъ, а вотъ находили выгоднымъ привести горючій спиртъ и торговать имъ для питья.

Вскорѣ агентъ страхованія уѣхалъ въ уѣздъ переоцѣнивать мужицкія постройки и я съ удовольствіемъ продолжалъ бесѣду съ учителемъ объ укрѣпленіи въ народѣ трезвости.

— Этому вопросу, сказалъ г. Грабовскій: посвящены были въ Москвѣ лѣтомъ 1915 года курсы по внѣшкольному образованію. Они освѣтили всесторонне задачу, возложенную на насъ учителей въ этой области, развернули предъ нами всю глубину предстоящей работы. Сама по себѣ начальная школа, при какой бы то ни было продолжительности ея курса, а тѣмъ болѣе 3-хъ—4-хъ годичномъ, не можетъ удовлетворить ни духовныхъ запросовъ населенія, ни его потребностей въ практическихъ занятіяхъ. Та степень образованія, которая получается въ начальной школѣ, представляетъ лишь ростокъ, несомнѣнно пригодный къ дальнѣйшему развитію, но лишь при благопріятныхъ для того условіяхъ. При отсутствіи такихъ условій, ростокъ этотъ можетъ дать лишь малое, чахлое растеньице, или даже совсѣмъ погибнуть. Рецидивъ безграмотности—явленіе общеизвѣстное. Внѣшкольное образованіе, во всѣхъ его видахъ, нужно двинуть, но это требуетъ увеличенія смѣты внѣшкольнаго образованія и безотлагательно. Медлить нельзя, бережли-

вость въ этомъ насущномъ дѣлѣ можетъ обойтись слишкомъ дорого. Даже настоящая война съ Германіей не можетъ служить поводомъ и причиной къ сокращенію средствъ на просвѣщеніе. Наоборотъ, обрушившееся несчастье является грознымъ напоминаніемъ для народа быть мощнымъ духомъ, богатымъ знаніями и вооруженнымъ культурою. Трезвость народа выдвигаетъ на очередь удовлетвореніе насущныхъ запросовъ населенія. Народъ хочетъ прежде всего разобраться, съ кѣмъ и противъ кого онъ ведетъ великую борьбу. Ему нужно знать причины и цѣли этой борьбы, нужно разсѣять и не дать родиться тревогѣ за исходъ войны и за судьбу родины. Показать, что Русь и не такія испытанія переносила и выходила окрѣпшей изъ горнила несчастій, благодаря силѣ духа, напряженной волѣ и дружной сплоченности. Надо организовать чтенія и собесѣдованія по деревнямъ, скорѣе пустить туда газету, книгу, воспользоваться волшебнымъ фонаремъ, кинематографомъ и театромъ. Нужно мобилизовать всѣ средства просвѣщенія. Такая мобилизація вызывается и другимъ весьма знаменательнымъ явленіемъ нашего времени, именно—отрезвленіемъ народа. Но изгоняя изъ обихода деревенской жизни всѣхъ этихъ „шкальчиковъ“ и „мерзавчиковъ“, нужно одновременно озаботиться снабженіемъ населенія духовной пищей, здоровыми культурными развлеченіями. Нужно не только вылить изъ сосуда нашей жизни отравляющій напитокъ, но и наполнить опорожненный сосудъ здоровымъ напиткомъ живой воды. Теперь приходится видѣть печальныя картины, какъ трезвый сѣдоволосый старикъ, что бы заполнить свой праздничный досугъ, сидитъ рядомъ съ пятнадцатилѣтнимъ юнцемъ, все время переругиваясь съ нимъ за игрою въ карты. Бываетъ, что изъ-за копейки старикъ вцѣ-

пляется парню въ волосы и идетъ потасовка. Послѣ этого у молодыхъ парней пропадаетъ уваженіе къ старикамъ. Такимъ образомъ внѣшкольное образованіе должно занять видное мѣсто въ ряду другихъ земскихъ мѣропріятій. Внѣшкольное образованіе должно захватить и земство, и всѣхъ учащихъ, и агрономовъ, и докторовъ, и самихъ крестьянъ. Всѣ культурныя силы уѣзда должны быть вовлечены во внѣшкольное образованіе. И оно должно быть выдѣлено въ самостоятельное учрежденіе. Уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на раойны, въ каждомъ районѣ долженъ быть совѣтъ по внѣшкольному образованію, подчиненный уѣздной комиссіи.

Я внимательно слушалъ интересное сообщеніе. Учитель продолжалъ:

— Библіотеки должны быть не только при каждой школѣ, но и во всѣхъ большихъ селеніяхъ. Библіотека должна быть краеугольнымъ камнемъ въ великомъ зданіи внѣшкольнаго образованія. Малышъ или взрослый, какъ только познакомится съ алфавитомъ, не долженъ во всю жизнь разставаться съ книгою. Рецидивъ безграмотности не долженъ быть терпимъ. Чтеніе, лекціи, бесѣды, театръ дѣйствуютъ временами, а книга должна быть всегда въ каждой семьѣ крестьянина. Организація сѣти даже очень хорошихъ школъ, но не дополненныхъ сѣтью библіотекъ, можно сравнить съ недостроеннымъ зданіемъ, у котораго нѣтъ крыши и которое скоро сгниваетъ. Ребенокъ, выпущенный изъ школы 12 лѣтъ, еще помнитъ начало ученія, но потомъ дѣлается взрослымъ, не видитъ печатнаго слова, смѣшивается съ безграмотными парнями и взрослыми и самъ отъ нихъ ничуть не отличается. Какъ ни важны разнаго рода мѣропріятія, направленныя къ школьному образованію ребятъ,

но, кажется, еще важнѣе образованіе взрослыхъ и особенно той части, которая такъ или иначе выучилась грамотѣ. На обученіе каждаго грамотнаго тратятся извѣстныя средства, и было бы весьма нецѣлесообразно, невыгодно, чтобы лица, выучившіяся на общественный счетъ грамотѣ, были лишены возможности къ дальнѣйшему самообразованію. А такую возможность, конечно, дастъ хорошо поставленное и правильно организованное внѣшкольное образованіе. Предоставленный самъ себѣ, нашъ крестьянинъ не имѣетъ особенной охоты сидѣть за книжками и извлекать изъ нихъ ту пользу, которую онѣ способны дать. Уровень его развитія еще настолько малъ, что представленіе его о книгѣ и ея значеніи какъ-то туманно. Только въ особенныхъ случаяхъ книга привлекаетъ его къ себѣ. Но кого изъ деревенскихъ читателей привлекаетъ книга, тотъ уже не смотритъ на нее, какъ на забаву. Онъ ищетъ въ ней или духовнаго утѣшенія, или какого либо полезнаго въ домашнемъ обиходѣ значенія. И только чтеніемъ-бесѣдами можно пріучить крестьянина любить книгу, не какъ забаву. И мнѣ кажется, теперь, при переустройствѣ крестьянскаго сельскаго хозяйства, когда онъ бросаетъ пить водку, оставляетъ матушку-сошку и беретъ плугъ, когда начинаетъ заниматься травосѣяніемъ, прислушивается ко всякому полезному совѣту въ его хозяйствѣ,—на естествознаніе при чтеніяхъ со взрослыми должно быть обращено сугубое вниманіе. Естествознаніе покоряетъ взрослаго человѣка, оно производитъ въ немъ переворотъ, онъ начинаетъ смотрѣть на природу иными глазами. Предметъ природовѣдѣнія со взрослыми—это первая лучшая приманка ихъ къ чтенію. Природовѣдѣніе крестьянина интересуетъ болѣе чѣмъ что-либо другое. Ему, какъ земледѣльцу, интересно

знать, чѣмъ питается растеніе, чѣмъ питается все, что онъ раскидываетъ съ ранней весны въ землю и съ трепетомъ ждетъ осени, чтобы съ лихвою собрать. Какъ ему не знать, какъ пахарю о землѣ, о ея лучшемъ качествѣ, когда все благосостояніе, вся жизнь его зависитъ отъ земли? Крестьянинъ будетъ сознательно относиться къ своей кормилицѣ пашнѣ, когда познакомится на чтеніяхъ съ жизнью растеній, съ землею, съ ея составомъ, съ тѣмъ, что нужно раскиданнымъ сѣменамъ. Онъ не будетъ уже ковырять ее, какъ попало, надѣясь только на авоську, а труды свои ставя ни во что. Особенно если чтеніе провести съ опытами, а у насъ во многихъ школахъ есть приборы и пособія, полученные на Псковскихъ курсахъ природовѣдѣнія. Съ опытами въ рукахъ многое можно сдѣлать. Когда я занимался со взрослыми въ Камешенской школѣ, то крестьяне просили читать больше разсказы изъ природовѣдѣнія и тутъ же производить опыты. И получались удивительные результаты. Отрадно было видѣть, какъ сорокалѣтній мужикъ, съ двумя-тремя сыновьями, слѣдилъ за полученіемъ искры, (опытъ съ электричествомъ машинкой Вимшерста). Съ какимъ интересомъ, съ какимъ вниманіемъ проходила бесѣда о громѣ и молніи, этомъ грозномъ явленіи природы. Тутъ для мужика открывался новый міръ. Онъ вначалѣ не вѣрилъ, чтобы это не Илья пророкъ разъѣзжалъ по небу. Съ неменьшимъ интересомъ проходила бесѣда о радугѣ. Вновь онъ настаивалъ, что радуга беретъ воду изъ тучи, что облака—это студень падающій съ неба. И такъ каждый новый день для него открывалъ новое и неслыханное имъ. Съ какимъ благоговѣніемъ эти толстые мозолистые пальцы мыли какую-нибудь грязную банку, послѣ опытовъ, не позволяя прикоснуться къ ней сыну. Съ какимъ вни-

маніемъ онъ слѣдилъ за посаженнымъ имъ самимъ растеніемъ въ банку съ нужнымъ растворомъ. И видѣлъ онъ чудо, что растеніе горохъ можетъ расти не только въ землѣ, но и въ водѣ. Чтобы стать докторомъ, нужно хорошо изучить медицину, чтобы быть адвокатомъ, нужно знать законы, чтобы быть учителемъ, нужно знать педагогику—чтобы быть хорошимъ земледѣльцемъ, крестьянину нужно тоже знать о землѣ и это-то знаніе должно даваться взрослому во внѣшкольномъ образованіи. Не съ малышами, а со взрослыми должно проходиться изученіе сельскаго хозяйства, конечно въ связи съ общеобразовательными предметами. Эти чтенія объ изученіи сельскаго хозяйства должны производиться въ большинствѣ случаевъ агрономами. Эти бесѣды приблизятъ агронома къ населенію и пробудятъ интересъ къ улучшенію собственнаго хозяйства, интересъ къ сельскохозяйственнымъ обществамъ, переходъ въ члены послѣднихъ; долженъ явиться спросъ на улучшенныя сѣмена хлѣбныхъ растеній, травъ, корнеплодовъ и огородныхъ сѣмянъ, переходъ къ общественному травосѣянію. Гдѣ не можетъ сдѣлать чего агрономъ, тамъ долженъ помочь ему учитель. Школы для взрослыхъ, чтеніе, бесѣды, лекціи, библіотеки, театръ, всѣ духовныя потребности народа, должны исходить изъ Народнаго Дома.

Грабовскій очень подробно остановился на этой мысли, говоря:

— Народный Домъ—это общественное зданіе, спеціально приспособленное для обслуживанія важнѣйшихъ культурныхъ нуждъ народа. Это, прежде всего, мѣсто, гдѣ труженики находятъ себѣ удобный пріютъ для совмѣстнаго отдыха, гдѣ за дружеской бесѣдой, обмѣниваясь впечатлѣніями по поводу услышанныхъ и прочитанныхъ новостей, отвлекаются хоть на время

отъ своихъ обыденныхъ заботъ и личныхъ житейскихъ невзгодъ и нуждъ, отводятъ, такъ сказать, себѣ душу, а тѣло подкрѣпляютъ ѣдою и чаемъ. Чайная-столовая въ Народномъ Домѣ должна служить народнымъ клубомъ, т. е. мѣстомъ того-же взаимнаго общенія народа, а всякое общеніе, всякое взаимодѣйствіе, имѣетъ большое культурное значеніе, Только благодаря этому условію вырабатываются общественные интересы. Чайная-столовая Народнаго Дома должна замѣнить казенки и рестораны. Народный Домъ долженъ быть своего рода маленькимъ народнымъ университетомъ. Населеніе должно быть и экономически заинтересовано Народнымъ Домомъ—гнѣздомъ культуры. Подъ его крышей должны находиться потребительскія и сельскохозяйственныя лавки, общественные склады, пожарное депо, всѣ кооперативныя правленія; зрительный залъ долженъ служить помѣщеніемъ для собраній членовъ всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій. Въ глазахъ населенія такой Народный Домъ сдѣлается не только полезнымъ, но и необходимымъ. Наконецъ, матеріальныя выгоды, доставляемыя хозяйственными предпріятіями такого Народнаго Дома, могутъ при благопріятныхъ условіяхъ не только покрывать затраты по его содержанію, но, быть можетъ, даже окажутся въ состояніи окупить всѣ расходы по его учрежденію. Земству нужно имѣть инструктора по внѣшкольному образованію. Во многихъ уѣздахъ такіе инструктора или завѣдывающіе внѣшкольнымъ образованіемъ уже имѣются, какъ пришлось мнѣ услышать на курсахъ въ Москвѣ. Завѣдывающій долженъ быть не только человѣкомъ хорошо образованнымъ, но также имѣть хорошія организаторскія способности. Безъ организаціи дѣло внѣшкольнаго образованія можетъ влачить жалкое существованіе. Будь на верху

внѣшкольнаго образованія какой угодно умный, всесторонне образованный человѣкъ, но если не будутъ организованы работники на мѣстахъ, то вся работа, всѣ начинанія могутъ рухнуть. Инструкторъ долженъ быть живой толкающей силой, знающій духъ деревни и ея работниковъ. Онъ долженъ быть въ близкихъ отношеніяхъ со всѣми кооперативами, со всѣми учащими, со всѣми культурными работниками уѣзда, чтобы каждый работникъ на мѣстѣ могъ найти въ немъ поддержку, совѣтъ и удовлетвореніе своимъ просьбамъ. Управлять внѣшкольнымъ образованіемъ должна комиссія по внѣшкольному образованію, состоящая изъ земскихъ гласныхъ, учащихъ, вообще людей заинтересованныхъ внѣшкольнымъ образованіемъ. Районныя комиссіи должны состоять изъ мѣстныхъ работниковъ даннаго района. Библіотечныя комиссіи изъ сосѣднихъ завѣдывающихъ библіотеками и другихъ лицъ. Всѣ эти комиссіи должны покрыть уѣздъ густой сѣтью и дружно двинуться во всеоружіи, со всѣми формами внѣшкольнаго образованія, въ темную некультурную массу населенія. Вся эта, великая, отвѣтственная работа внѣшкольнаго образованія, въ силу сложившихся вещей, должна лечь, въ большинствѣ случаевъ, на плечи народныхъ учителей... Кому, какъ не имъ, двигать населеніе къ культурѣ и свѣту? Но прежде чѣмъ начать работать въ этомъ направленіи, нужно столковаться, нужно прежде всего созвать всѣхъ учащихъ, всѣхъ культурныхъ работниковъ уѣзда на собраніе по внѣшкольному образованію, если къ этому представится возможность. Въ заключеніе скажу, что въ крайнемъ случаѣ лучше дѣлать что-нибудь, чѣмъ ничего, хотя часть того, что нужно сдѣлать. Работать, а не мечтать; чтобы были результаты, а не намѣренія и слова...

XXVII.

Сообщеніе учителя В. В. Грабовскаго о кооперативахъ для укрѣпленія трезвости. — Н. И. Дреусъ о совмѣстной и равноправной работѣ на питательномъ пунктѣ. — Патріотизмъ Моховика. — Городской судья Гущо о женщинахъ. — Земскій докторъ Орловъ о трезвости.

Не менѣе интересно было для меня сообщеніе сельскаго учителя Грабовскаго о просвѣтительной дѣятельности мѣстныхъ кооперативовъ, разцвѣтъ которыхъ обусловленъ по преимуществу тѣмъ, что народъ сталъ трезвымъ. Сообщеніе Грабовскаго о кооперативахъ также интересно, какъ и о внѣшкольномъ образованіи.

— Не великъ культурный уровень членовъ кооперации, среди которой намъ приходится работать—произнесъ Грабовскій.—Развитыхъ людей и понимающихъ задачи кооперативовъ очень мало. Общественное самосознаніе членовъ только еще пробуждается. Малосознательность населенія является основнымъ препятствіемъ для развитія нашей коопераціи. Съ этимъ приходится считаться не только намъ, работникамъ на мѣстахъ, стоящимъ во главѣ кооперативовъ, а и всѣмъ земскимъ работникамъ. Мало того, что крестьянина нужно лѣчить отъ тѣлесныхъ болѣзней и строить ему дороги; мало того, что ему нужно продать въ общественной лавкѣ фунтъ крупы и фунтъ сахару на копейку дешевле, чѣмъ у лавочника и дать ему изъ кассы кредитнаго товарищества четвертной билетъ на его нужды, взять съ него двѣнадцать процентовъ и этимъ въ концѣ концовъ составить свой солидный капиталецъ, а можетъ быть даже современемъ настроить своихъ дворцовъ въ деревнѣ... Нѣтъ, нужно теперь же приниматься лѣчить его духовныя раны, не отклады-

вая въ долгій ящикъ; приниматься приводить нашихъ рядовыхъ членовъ кооpeраціи къ сознанію общественной жизни. Нужно научить понимать, что кредитное товарищество—это не частный банкъ, что кооперативы ихъ собственное общественное хозяйство, гдѣ они должны себя чувствовать, какъ дома; должны дорожить и распоряжаться такъ же разумно, какъ въ своемъ хозяйствѣ. А для этого нужно собирать чаще общія собранія, позволять высказываться на этихъ собраніяхъ по всѣмъ волнующимъ крестьянина вопросамъ. Нужно выписывать за счетъ товарищества газеты, журналы и распространять ихъ среди членовъ. Нужно обязательно заводить въ каждомъ товариществѣ библіотеку. Книги—это первый великій учитель народа; наши классики—это первые лучшіе учителя народные. Въ нихъ народъ найдетъ себя съ хорошей и худой стороны и онъ легко пойметъ ту и другую сторону и, конечно, пойдетъ по хорошей дорогѣ, если къ тому же еще мы будемъ направлять его на ту же дорогу. У насъ статья восьмидесятая въ уставѣ гласитъ, что мы обязаны изъ чистой прибыли отчислить сорокъ процентовъ въ основной капиталъ и двадцать процентовъ въ запасный капиталъ, а остальную прибыль можно на благотворительныя цѣли. Почему же мы не можемъ поставить себѣ за правило отчислять хоть десять процентовъ на культурно-просвѣтительную дѣятельность? И это нужно поставить, именно, за правило. Я увѣренъ, что ни одно собраніе не откажетъ въ этихъ десяти процентахъ. У насъ въ уѣздѣ есть около пятнадцати кредитныхъ товариществъ, можетъ быть столько же общественныхъ лавокъ. У каждаго товарищества получится чистой прибыли за годъ въ среднемъ тысяча рублей, а въ пятнадцати товариществахъ — пятнадцать тысячъ. Значитъ, кредитныя товарищества должны отчислить тысячу рублей, да плюсъ общественныя лавки и сумма можетъ получиться изрядная. Всѣ эти деньги должны поступить въ кооперативную культурно-просвѣтительную комиссію, въ которую мы должны выбрать отъ каждаго товарищества по одному члену, когда мы объединимся. А эта комиссія, въ свою очередь, вмѣстѣ съ уѣздной земской комиссіей по внѣшкольному образованію, уже будетъ расходовать по своему усмотрѣнію ассигнованную сумму. И это не мечта—это очень легко осуществимо, стоитъ только подружнѣе взяться за работу. Эти деньги будутъ еще цѣнны тѣмъ, что крестьянинъ будетъ чувствовать въ тѣхъ книгахъ, въ тѣхъ газетахъ, которыми онъ пользуется, свой пятачекъ, а гдѣ онъ чувствуетъ свой пятачекъ, тамъ уже отношеніе къ дѣлу другое. Однако кооперативы будутъ держаться не капиталомъ, а довѣріемъ населенія къ нимъ. Непростительно будетъ намъ, стоявшимъ во главѣ кооперативовъ, только копить деньги, богатѣть за счетъ членовъ, а имъ съ своей стороны ничего не давать. Товарищества, вообще кооперативы, должны, обязаны давать своимъ членамъ не только деньги и продукты, а и духовную пищу, тогда только они достигнутъ своей назначенной цѣли. Теперь модный вопросъ о постройкѣ кредитными товариществами своихъ домовъ-дворцовъ. Но прежде чѣмъ приступить къ постройкѣ народныхъ дворцовъ, нужно подготовить членовъ сознательно относиться къ этимъ дворцамъ. Нужно научить смотрѣть рядовыхъ членовъ на эти дворцы не какъ на какое-то казенное учрежденіе, къ которому мужикъ подходитъ всегда со страхомъ, а какъ на ихъ собственное, созданное ихъ трудами, ихъ капиталомъ.

Переговоривъ съ учителемъ по многимъ другимъ вопросамъ мѣстной жизни, я поѣхалъ, по приглашенію,

къ Н. И. Дреусу, съ которымъ встрѣтился въ комиссіи по устройству питательнаго пункта для бѣженцевъ.

Онъ—большой сторонникъ участія самихъ крестьянъ въ означенной благотворительности и равноправности всѣхъ кредитныхъ товариществъ, принимающихъ участіе въ питательномъ пунктѣ.

— Я прямо вышелъ бы изъ организаціи—говоритъ онъ—если бы члены ея согласились съ мнѣніемъ свящ. Виноградова и діакона Сырохнова, которые настаивали на передачѣ всего дѣла исключительно въ руки Новинскаго кредитнаго товарищества. Зачѣмъ намъ это преимущество? Развѣ можно сказать, кто въ благотворительности всей мѣстности для бѣженцевъ былъ ея иниціаторомъ? Доброе дѣло принадлежитъ всѣмъ и нельзя никого устранять отъ выборовъ въ его Правленіе. Щетины никто не долженъ вставлять въ такомъ дѣлѣ другъ другу. Помилуй Богъ, если одинъ передъ однимъ будутъ считать щетину, а не наши добрыя дѣла. Простой народъ хочетъ одного добра. Я слышалъ, какъ мужикъ говорилъ: „не только мѣрку ржи, а и двѣ далъ бы для голодныхъ, лишь бы пошло въ пользу".

Съ этимъ нельзя было не согласиться и я спросилъ его о трезвости мужика.

— Безъ водки лучше,—отвѣтилъ онъ.—Это всѣ скажутъ. „Вѣрнѣе" говорятъ крестьяне. Водка—„обонатъ" (человѣка одолѣваетъ): выпьетъ и самъ не радъ. И бранится онъ, и дерется онъ безъ всякихъ дѣловъ.

Пріѣхавшій за мной крестьянинъ, по прозвищу Моховикъ, вставилъ отъ себя замѣчаніе о пьяномъ человѣкѣ.

— Бранивши пьянымъ слово купилъ бы, а помирившись трезвымъ и дешево продалъ бы его, да никто

не беретъ. Я былъ самъ пьяница и теперь не могу отвыкнуть отъ скверной брани, а всему виновата водка. да нѣмецъ.

— Какъ такъ?—изумленно спросилъ я.

— А просто. Во всѣхъ скверныхъ дѣлахъ въ Россіи все нѣмецъ да нѣмецъ. Господа, какъ Мясоѣдовъ, ему помогаютъ Россію истребить.,. А все же, если верхъ у нѣмца, то макушка будетъ наша. Далеко зашелъ нѣмецъ въ Россію, но говоритъ-ли такой Степанъ въ Крутцѣ: „не хвастай пріѣздомъ, а хвастай отъѣздомъ". Пріѣхалъ-то нѣмецъ въ Польшу и идетъ на Псковъ совсѣмъ легко, а какъ-то отъѣдетъ. Какъ бы не пришлось ему въ чужомъ мѣстѣ и кошку назвать тетушкой... Ложку мы нѣмцу дали, а ѣсть нечего. Обмодѣетъ безъ хлѣба и перестанетъ воевать. Сегодня не пообѣдаешь, завтра—тоже, ну и бросишь штыкъ въ землю. Назадъ все подадутъ нѣмцы.

Интересному разговору помѣшалъ пріѣздъ къ Дреусу земскаго начальника И. Л. Соковича изъ с. Ашева, оттуда же земскаго доктора Г. И. Орлова и изъ Новоржева—городского судьи Н. А. Гущо.

Каждый изъ нихъ былъ мнѣ полезенъ своими сообщеніями по интересующему меня вопросу.

Н. Гущо сказалъ, между прочимъ, что преступность въ общемъ уменьшилась, но что среди женщинъ она увеличилась.

— Странно это, но протоколы большею частью теперь все съ женскими именами.

Обыватели утверждаютъ, что преступность почти исчезаетъ въ народѣ и что судьи сидятъ безъ дѣла, а полиція совсѣмъ забѣднѣла.

Нужно замѣтить, что преступность въ настоящее время развивается на счетъ создавшагося войной положенія вещей и эта преступность почти неуловима,

благодаря тому, что ведется людьми не во хмѣлю, а во всеоруженіи коммерческаго опыта и закона.

— „Законы топтать нельзя—обойти можно“, говорятъ съ улыбкой спекуляторы.

Земскій докторъ Г. И. Орловъ, въ свою очередь, подѣлился со мной многими свѣдѣніями изъ жизни села Ашева, въ связи съ трезвостью населенія.

— Я, конечно, повторю то, что вы слышали и въ другихъ мѣстахъ отъ земскихъ докторовъ—произнесъ онъ,—а именно: уменьшеніе посѣщаемости амбулаторіи ранеными въ дракахъ, уменьшеніе судебно-медицинскихъ освидѣтельствованій, развитіе тайной продажи суррогатовъ водки и въ результатѣ отравленія: острыя, хроническія и смертельныя. Страшная эксплоатація частными сельскими аптеками темнаго люда продажей древеснаго спирта, одеколона и т. д. Усилія администраціи на мѣстахъ въ борьбѣ съ аптекарями не приводятъ къ желательнымъ результатамъ. Содержатели аптекъ почему-то всегда остаются безнаказанными: протоколы гдѣ-то застреваютъ и остаются безъ движеній. Врачи выносятъ на своихъ плечахъ тяготу запрещенія. Пьянство въѣлось въ плоть и кровь народа. Между тѣмъ черезъ врача только и можно достать спиртные напитки. „Онъ, молъ, пропишетъ рецептъ на нихъ“. Отсюда назойливое преслѣдованіе врачей и днемъ и ночью. Публика не стѣсняется въ средствахъ мщенія за отказъ. Въ нашемъ уѣздѣ и въ частности въ Ашевѣ кооперативы—кредитныя товарищества, потребительныя общества, пожарныя организаціи прилагаютъ огромныя усилія въ дѣлѣ закрѣпленія трезвости устройствомъ чтеній, спектаклей, библіотекъ, гуляній и пока наша губернія не была ближайшимъ тыломъ театра военныхъ дѣйствій, то въ этомъ направленіи много успѣли. Въ данное время проявленія работы общественныхъ организацій въ этомъ отношеніи нѣсколько утихли, такъ какъ онѣ занялись удовлетвореніемъ нуждъ момента -- помощью бѣженцамъ.

XXVIII.

Село Ашево и В. И. Преображенскій. Сообщеніе Предсѣдателя Новоржевскаго Земства Н. Н. Рокотова—объ укрѣпленіи трезвости укрѣпленіемъ гражданскаго быта.

На другой день я поѣхалъ въ село Ашево, переполненное купцами и мелкими земскими дѣятелями.

— Нынѣ и ашевцы другіе, сказалъ мнѣ бывшій страховой агентъ В. И. Преображенскій. Сначала Бартошевичъ своими сельско-хозяйственными курсами въ имѣніи „Гора“ расшевелилъ насъ и мы бросили картежную игру, а начали интересоваться лекціями для народа, а теперь и водку прикончили пить. Всюду замѣчается уменьшеніе на 75% нищенства. Въ настоящее время нищенствуетъ дѣйствительно нетрудоспособные, а хулиганы почти исчезли. Уменьшилось уголовно наказуемые проступки; прекратилась продажа надѣльной земли, каковая ранѣе производилась усиленно. Продавалъ землю бѣднякъ крестьянинъ; при продажѣ деньги проводились частью на водку, частью на роскошь крестьянскую по пословицѣ: „когда есть, то всему честь“. Вслѣдствіе массовой продажи земли замѣчалось увеличеніе бездомныхъ, коихъ приходилось призрѣвать Крестьянскому Обществу, а земля доставалась въ руки кулаковъ. Въ настоящее время, съ уничтоженіемъ виноторговли, проявляется всюду домовитость и улучшеніе хозяйства. Крестьянинъ сталъ мыслить и разсуждать. На это у него стало больше

времени. Къ нему стали относиться лучше и онъ сталъ прислушиваться къ лучшему. Уменьшились семейные раздѣлы, вредно вліяющіе на семью. Больше любви стало къ распространенію грамотности. Школы, несмотря на ихъ увеличеніе, переполнились.

По вопросу объ укрѣпленіи трезвости, г. Преображенскій сталъ говорить о мелкой земской единицѣ, объ устроствѣ показательнаго хутора, о народномъ домѣ, дѣтской площадкѣ и т. д.

— Но, можетъ быть, въ народный домъ придется перевести и хороводъ и гулянку (супрядки, посидѣлки), а потомъ культивировать все это. Прежде въ Ашевѣ купцы играли въ карты, а мужики въ „камешки". Дрались между собою „песочиною" фунтовъ въ пять и мазали ворота дектемъ. А теперь безъ водки у насъ жизнь иная... Но надо переходить къ лучшей жизни постепенно; не запугать бы народъ нашей „чистотой" и порядкомъ.

Преображенскій набросалъ нѣсколько спорную программу о „постепенности" для интеллигенціи среди трезваго народа, но она не лишена оригинальности. По этому же вопросу въ г. Новоржевѣ я разговорился съ Предсѣдателемъ Уѣздной Земской Управы, Н. Н. Рокотовымъ.

Принявъ меня у себя на квартирѣ, г. Рокотовъ сказалъ:

— Война смѣшала всѣ наши планы. Земство думало и объ устройствѣ народныхъ домовъ, систематическихъ курсовъ для народа и т. д. Но война поглотила деньги, рабочая пора заняла все время у крестьянъ, а близость непріятеля подъ Двинскомъ мѣшаетъ что-либо предпринять. Нужно признаться, что запрещеніе торговли крѣпкими напитками, и война были такъ внезапны, что мы оказались неподготовленными

Пьющій народъ одно, мы къ нему привыкли, а народъ безъ водки — другое и требованія его — новы. Война помимо заготовки снарядовъ, выдвигаетъ освобожденіе промышленности и земледѣлія отъ иноземнаго ига, созиданіе собственнаго рынка и т. д. Наши старанія о культурныхъ промыслахъ и агрономическихъ мѣропріятіяхъ, конечно, отвлекали силы народа отъ пьянства и влекли ихъ на экономическое улучшеніе быта. Уѣздъ нашъ обогатился сельско-хозяйственными школами (въ имѣніи „Гора" и „Крутцы"), пунктами по огнестойкому строительству, по культурѣ болотъ, разработкѣ торфа, травосѣянію, выращиванію собственныхъ сѣмянъ (клевера и тимофѣевки), корневыхъ травъ и т. д. Кипучая работа требуетъ техниковъ, спеціалистовъ, агрономовъ, химиковъ-лаборантовъ и т. д. Идетъ въ уѣздѣ примѣненіе искусственныхъ удобреній, усиливается дѣятельность льнодѣльной станціи по обработкѣ и мочкѣ льна, работаетъ прокатный складъ сельско-хозяйственныхъ машинъ... Значеніе мяльно-трепальныхъ машинъ для увеличенія доходности отъ льноводства станетъ особенно замѣтнымъ, когда крестьяне — льноводы, объединяясь въ артели, станутъ, при помощи машиннаго мятья и трепанья, вырабатывать большія партіи чистаго однороднаго обработаннаго льна и, минуя посредниковъ, непосредственно сбывать ихъ на фабрику. Въ этомъ направленіи намѣчается теперь работа Финьковской льнодѣльной станціи, это же будетъ служить конечной задачей вновь строющейся мяльно-трепальной мастерской въ с. Полково. Насаждаются во многихъ мѣстахъ показательные сады и огороды; распространяется сельско-хозяйственное знаніе путемъ чтеній, бесѣдъ, спеціальныхъ курсовъ для крестьянъ и путемъ раздачи разсылки популярныхъ плакатовъ и брошюръ по отдѣль-

нымъ вопросамъ сельскаго хозяйства. Каждое чтеніе естественно завершается бесѣдой по вопросамъ, которые выдвигаются присутствующими на чтеніяхъ. Но въ связи съ начинающейся въ уѣздѣ кооперативной работой — кредитныя Товарищества, потребительскія лавки, артельныя маслодѣльни — устраивались аграномами спеціальныя бесѣды по этимъ вопросамъ. Особое вниманіе земство оказываетъ кустарнымъ промысламъ. Въ гор. Новоржевѣ существуетъ школа ткачества. Курсъ въ школѣ двухгодичный, въ теченіе котораго ученицы должны научиться ткать на станкахъ самолетахъ по рисункамъ и готовымъ образцамъ всевозможныя ткани изъ шерсти, льна и бумаги; въ ближайшее время предполагается разширить программу школы и ввести обученіе ковровому производству и крашенію шерсти и льна. Въ школу принимаются крестьянскія дѣвушки, грамотныя, окончившія начальную школу; поступаютъ онѣ туда на все готовое, только одежда своя. Желающихъ поступить въ школу какъ нынче, такъ и въ прошломъ году значительно больше, чѣмъ это позволяетъ помѣщеніе и по силамъ одной завѣдующей. Въ настоящее время въ школѣ учатся 10 человѣкъ прошлогодняго 1914 года пріема и 6 вновь принятыхъ нынче 1915 года. Новоржевскій уѣздъ вывозитъ въ большомъ количествѣ ивовый прутъ для плетенія. У насъ крестьяне мѣстами занимаются плетеніемъ корзинъ, но работа эта грубая ни прочностью, ни отдѣлкой не отличается и даетъ слабый заработокъ. Тотъ же прутъ, но въ умѣлыхъ рукахъ, можетъ быть съ успѣхомъ использованъ для цѣнныхъ плетеныхъ издѣлій, которымъ обезпеченъ выгодный сбытъ, и само занятіе можетъ дать хорошій подсобный къ земледѣлію заработокъ. Такая школа существуетъ въ Большой Слободѣ. Курсъ въ школѣ

трехлѣтній. Школа должна научить крестьянскихъ дѣтей работать дорожныя корзины, чемоданы, плетеную мебель и прочія мелкія плетеныя издѣлія изъ лозы, рафія, камыша и палокъ; крашеніе, бѣленіе, золоченіе и серебреніе издѣлій и выжиганіе по дереву.

Снабдивъ меня за нѣсколько лѣтъ отчетами и докладами Уѣздной Управы Общему Земскому Собранію Н. Н. Рокотовъ продолжалъ:

— Въ цѣляхъ улучшенія животноводства въ уѣздѣ Земствомъ устроены племенные пункты съ породистыми сельско-хозяйственными животными, ведутся курсы и чтенія по скотоводству и молочному хозяйству и поощряется развитіе крестьянскаго артельнаго маслодѣлія и контрольные союзы: по уходу и кормленію молочнаго скота. Въ трехъ мѣстахъ, въ с. Липовикѣ, Михалкинѣ и Жадрицахъ, открылись артельныя маслодѣльни, въ другихъ же мѣстахъ, подъ вліяніемъ курсовъ, покупались сепараторы, и вообще—вводились всевозможныя улучшенія въ кормленіи и содержаніи скота. Не менѣе обращено вниманія и на коневодство, на осушительныя работы, на культуру луговъ, мелкій кредитъ для крестьянъ, союзъ кооперативныхъ организацій и наконецъ на всѣ виды внѣшкольнаго образованія.

Обрисовавъ довольно подробно дѣятельность уѣздной Новоржевской Управы, г. Рокотовъ имѣлъ полное основаніе сказать, что Новоржевское Земство опережаетъ даже Губернское Псковское Земство и что только война тормозитъ дѣятельность земства въ уѣздѣ.

— Работа, произнесъ онъ:—самая всесторонняя. Нужны люди не громкихъ фразъ, а полезныхъ дѣлъ. Съ обновленіемъ народной жизни, безъ водки, возникаютъ задачи, способныя поглотить и богатырскія, и

обывательскія силы. Всѣмъ работникамъ найдется мѣсто, если они будутъ искренно любить новый народъ и способны къ выполненіе его насущихъ задачъ. Эти задачи нельзя называть „малыми дѣлами“. Онѣ требуютъ весьма и весьма хорошей подготовки отъ дѣятеля, желающаго сѣять добро не порывами, а непрерывными годами своей жизни.

Я остановился на дѣятельности Новоржевскаго земства нѣсколько подробно для того, чтобы мысль г. Рокотова объ укрѣпленіи трезвости въ населеніи укрѣпленіемъ ея гражданскаго быта — была наглядна. Если сказанное имъ получитъ осуществленіе въ уѣздѣ, то дѣйствительность несомнѣнно должна охватить собою населеніе и поднять его общественную жизнь. Этотъ путь для интеллигентныхъ дѣятелей въ деревнѣ, конечно, вполнѣ цѣлесообразенъ для благосостоянія края и было бы очень жаль, если бы народолюбцы оказались не способными перейти отъ горячихъ словъ къ практической работѣ.

XXIX.

Продовольственное дѣло въ Новоржевскомъ уѣздѣ.—Спекуляція.—Законъ нельзя топтать, но обойти можно...—Священникъ Ал. Поповъ.—Германскіе газы.—Думы объ окопахъ.

Рокотовъ закончилъ характеристику земской дѣятельности въ Новоржевскомъ уѣздѣ совершенно вѣрнымъ заключеніемъ:

— Укрѣпленіе гражданскаго быта въ народной средѣ и одухотвореніе ее гражданскимъ чувствомъ — единственно вѣрное средство и къ укрѣпленію въ народѣ трезвости. Одно это и пріучитъ народъ къ трезвой и трудовой жизни... Впрочемъ, грустно перебилъ онъ самого себя: меня въ настоящее время озабочиваетъ продовольственное дѣло въ уѣздѣ. Оно затираетъ всѣ вопросы и страшитъ меня именно тѣмъ, что дороговизна жизни и полное отсутствіе предметовъ первой необходимости: муки, соли, керосина, сахара и т. д. созданы трезвымъ классомъ населенія... Ясно, что трезвый народъ необходимо насытить гражданскимъ чувствомъ, привить ему сознаніе долга, чести и стыда. Безъ этого онъ выродится въ трезвыхъ спекуляторовъ, которыхъ справедливо считаютъ мародерами.

Впослѣдствіи я интересовался спекуляціей нашихъ торгашей и долженъ сознаться, что простое крестьянство стоитъ отъ нихъ въ сторонѣ. Оно можетъ быть втянуто въ мошенничество, называемое „коммерческимъ дѣломъ“, но до сихъ поръ трудовое и земельное положеніе спасаетъ его отъ скупокъ продуктовъ, сокрытія ихъ отъ потребителя, выжиданія повышеній на него цѣнъ и т. д. А между тѣмъ, разсказываютъ и пишутъ безъ конца о желѣзнодорожныхъ исторіяхъ съ вагонами муки, сахара и т. д. на запасныхъ путяхъ въ то время, когда населеніе нуждается во всемъ.

Разсказали мнѣ любопытную исторію про „золотую муку“ или про операцію съ золотомъ на тѣхъ же желѣзныхъ дорогахъ. Извѣстно, что кто платитъ за проѣздной билетъ золотомъ, тотъ получаетъ его внѣ очереди, по циркуляру. Подходитъ къ пассажирамъ „субъектъ“ и предлагаетъ золотой въ 5 рублей, получая за него 6—7 рублей. А кассиръ тотъ же золотой выдаетъ изъ кассы обратно тому же „субъекту“ и тотъ повторяетъ съ нимъ ту же исторію. Такимъ образомъ, государство ничего не выигрываетъ, а кассиръ и его агентъ наживаются.

Прямо страшно становится отъ того, что приду-

маны населеніемъ же самые законные пути для спекуляціи, при всей видимости лжи и обмана.

„Спекуляція“ доходитъ до того, что ловкій мошенникъ покупаетъ товарный вагонъ подъ товаръ, а самъ продаетъ его пассажирамъ, которыхъ въ настоящее время, за неимѣніемъ мѣстъ въ поѣздѣ, скопляется на станціяхъ огромное количество. Всѣ они охотно садятся въ товарный вагонъ и окупаютъ его проѣздную стоимость съ барышемъ для предпринимателя.

Даже эвакуація скота даетъ барыши спекуляторамъ. Въ „Новомъ Времени“ отъ 12 октября 1915 г. пишутъ:

„Бѣженцы-крестьяне, оставляя свои пепелища, почти безъ исключенія, захватываютъ съ собой свой скотъ или, точнѣе, ту часть его, которую не пріобрѣло военное вѣдомство. По дорогѣ скотъ этотъ попадаетъ въ условія почти абсолютной безкормицы. На этой почвѣ развивается спекуляція, имѣющая часто самый беззастѣнчивый характеръ. Крестьяне вынуждены продавать скотъ скупщикамъ по безобразно ничтожнымъ цѣнамъ. Лица, сталкивающіяся съ этимъ дѣломъ, говорятъ, между прочимъ, что даже гурты скота, скупленнаго казной, доходятъ до мѣстъ назначенія въ сильно разряженномъ видѣ“.

Мнѣ самому говорили, что помимо скупщиковъ-мародеровъ, сами погонщики нерѣдко обмѣниваютъ отличный скотъ, купленный казной, на плохой скотъ за взятку у крестьянъ въ пути.

Разсказовъ такъ много, что я уже не имѣю возможности удостовѣрить, что въ нихъ наиболѣе достовѣрно, а впечатлѣніе отъ этихъ разсказовъ огромное.

Правда, съ исчезновеніемъ водки, какъ будто стало въ народѣ меньше „Фра-дьяволовъ“: преступныхъ типовъ, которыхъ „все село боится“. Уже рѣже говорятъ про кого-либо:

— И убить, и поджечь, онъ на все способенъ... Сколькихъ онъ убилъ во взаимной дракѣ и все правъ. А какая же это драка, если всякій разъ одно и тоже: придетъ на гулянку, разсердитъ парней и убѣгаетъ. Они за нимъ, а ему того и надо: отбѣжитъ и подпуститъ того, на кого сердитъ... Силы человѣкъ большой и задавитъ врага. „Во взаимной дракѣ“, пишетъ урядникъ протоколъ. А здѣсь не драка, а умыселъ, если всякій разъ одно и то же.

Такіе типы злодѣйства уже рѣже, чтобы сосѣдъ изъ-за пустяковъ пригрозилъ сосѣду тѣмъ, что тотъ его „попомнитъ“ и чтобы онъ поймалъ двухъ его маленькихъ дѣтей за грибами въ лѣсу, убилъ ихъ и затискалъ въ барсучьи норы.

Преступность этого рода утихаетъ, но тонкое мошенничество и спекуляція—множатся.

Чѣмъ же можно объяснить себѣ, какъ не спекуляціей то, что въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Новоржевскомъ уѣздѣ ощущается недостатокъ не только бѣлой муки, но даже соли? Чувствуется, что идетъ какая-то „живая смерть“ и это безпокойство сообщается народу. Голодные люди разбѣгаются изъ поѣздовъ желѣзной дороги по деревнямъ и просятъ гдѣ Христовымъ именемъ хлѣба, а гдѣ берутъ его силой. Даже торговцы во многихъ деревняхъ поснимали вывѣски съ своихъ лавокъ, а евреи на стеклянномъ заводѣ за ст. Сущево по дорогѣ къ Цевлу распродали имущество и скрываются. Страхъ—плохой совѣтчикъ, даже правымъ людямъ.

Во время бесѣды съ г. Рокотовымъ къ нему пришелъ агрономъ-кооператоръ В. В. Ванинъ и доставилъ много пріятныхъ минутъ своимъ задушевнымъ отношеніемъ къ народному дѣлу.

— Деревня, началъ онъ, — это особый міръ, пол-

ный яркихъ образовъ, способныхъ приковать на себѣ наше вниманіе и заставить полюбить себя.

Мнѣ очень понравилось это вступленіе... Казалось, заурядный управскій чиновникъ мгновенно превратился въ мыслителя.

— За послѣдніе годы, продолжалъ онъ: деревня измѣнилась. Переживаемыя событія отразились на ней съ особой силой. Она кажется сдѣлала сразу то, что не могли сдѣлать многіе годы. Интересъ къ книгѣ, къ знанію появился. Нѣтъ сомнѣній, въ этомъ есть доля и работы прошлыхъ лѣтъ, но то, что они дали деревнѣ, то было какъ бы скрыто, исчезало отъ вниманія наблюдателя, оставалось какъ бы невидимымъ. Война, закрытіе виноторговли, парламентаризмъ и газеты сразу сорвали пелену съ деревни, представили ее въ новомъ видѣ. Газета для нея стала необходима и нѣтъ деревушки, гдѣ бы ее не было. Есть даже такія деревни, которыя выписываютъ по нѣскольку газетъ. Разговоритесь съ крестьяниномъ. Съ какимъ интересомъ онъ ловитъ каждое ваше слово. Словно вы открываете передъ нимъ новый міръ. И полныя скорби слова, особой какой-то боли, вы услышите: „темны мы... ничего не знаемъ".

Ванинъ продолжалъ:

— Запрещеніе продажи спиртныхъ напитковъ является однимъ изъ главнѣйшихъ фактовъ перерожденія деревни. Трезвая деревня почувствовала силу знанія. Разговаривая на тему о текущихъ событіяхъ, вы услышите отъ деревни, что причина въ нашихъ временныхъ неудачахъ на войнѣ кроется въ народной „темнотѣ". „Нѣмецъ-то вонъ какъ живетъ, сказываютъ наши солдатики. Крестьяне живутъ, что наши купцы. Всѣ грамотны... Хозяйство ведутъ примѣрно... Все знаютъ... Ну, а мы, извѣстно дѣло, сѣры... темные

люди"... И толки о хорошей жизни нѣмецкихъ крестьянъ, ссылки на ихъ грамотность, вы слышите сплошь и рядомъ. Тяга къ книгѣ растетъ въ деревнѣ. Необходимо теперь же использовать данное положеніе въ смыслѣ закрѣпленія интереса къ книгѣ. Необходимо заполнить вѣковой пробѣлъ въ жизни деревни, доставить ей возможность полученія широкихъ знаній, разумныхъ развлеченій и пр. Необходимо открыть всѣ окна, закупоренныя цѣлыми столѣтіями, пустить свѣтъ въ нашу деревню. Необходимо широко развить частную инициативу въ области просвѣщенія деревни и тогда вы увидите, что совершится чудо. Нашъ народъ богатъ и мыслію, и сердцемъ.

Ораторъ нравился мнѣ все болѣе и болѣе теплотой своей рѣчи.

Н. Н. Рокотовъ съ своей стороны сказалъ, что губернское Земство Псковской губерніи мало обращаетъ вниманія на внѣшкольное образованіе.

— До сихъ поръ оно, пожалуй, и не подумало о немъ. Оно отстало даже... отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣднее заговорило „о народныхъ домахъ", о необходимости оказать этому „внѣшнему начинанію", имѣющему „общегосударственное значеніе", помощь за счетъ средствъ казны. Ну, а Псковское Губернское Земство до сей поры не издало ни единаго звука.

— Долгъ земства теперь же сказать свое авторитетное слово, что насталъ моментъ для духовнаго возрожденія народа,—перебилъ Ванинъ. Запрещеніе продажи вина отразилось и на остальныхъ сторонахъ жизни деревни. Замѣтенъ сдвигъ деревни въ сторону смягченія нравовъ. Замѣтно пробужденіе чувства человѣчности. Нѣтъ тѣхъ ужасныхъ дракъ молодежи, которыя дѣлали битаго, съ переломленными суставами, крестьянина „природнымъ календаремъ", угадывающимъ

погоду. Нѣтъ тѣхъ безобразій, что творились при продажѣ вина. Если заглянуть въ архивъ судебныхъ дѣлъ нашего уѣзда, то смѣло можно сказать, что 80—90% всѣхъ уголовныхъ дѣлъ явились результатомъ употребленія вина. Теперь же бездѣйствуетъ наша судебно-слѣдственная власть, ибо нѣтъ преступленій.

— Нѣтъ преступленій наказуемыхъ, возразилъ я, а легальная спекуляція торговаго и промышленнаго класса растетъ.

— Къ сожалѣнію—да, согласились мои собесѣдники.

Послѣ продолжительной бесѣды съ г.г. Рокотовымъ и Ванинымъ, я отправился къ священнику Александру Попову, съ которымъ знакомъ былъ ранѣе.

— Народъ теперь не тотъ, сказалъ священникъ. Всюду пройти и проѣхать можно. Побогатѣлъ онъ также и хочетъ знать, откуда солнце всходитъ. Въ день Успѣнія Божіей Матери я былъ въ Большой Слободѣ... Подходитъ ко мнѣ мужичекъ и спрашиваетъ: „сколько, батюшка, сегодняшній день сохранилъ денегъ намъ? У насъ сто домохозяевъ и каждый изъ насъ ранѣе покупалъ въ этотъ праздникъ, круглымъ счетомъ, четверть водки; а вотъ теперь безъ водки у насъ сбережено пятьсотъ рублей... Такъ и всякій праздникъ теперъ у насъ“.

Священникъ хотѣлъ продолжалъ бесѣду на тему о трезвости, но пришла изъ той же „Слободы“ баба и, низко кланяясь, просила дать ей „выписку“.

— Зачѣмъ тебѣ это удостовѣреніе? спросилъ отецъ Александръ.

— Хочу взять деньги изъ кассы... Боюсь нѣмцевъ.

— Не бойся! Деньги всегда успѣешь взять, а теперь тебѣ не надо ихъ.

— Да, какъ успѣешь? закричала баба. Пойдешь картофель копать, а онъ и придетъ...

— А пойдутъ въ поле картофель копать и старый и малый, въ деревнѣ никого не останется—вотъ деньги и вынутъ у тебя безъ нѣмцевъ. Они еще далеко, продолжалъ священникъ.

Но баба стояла на своемъ.

— Да ты поди къ Оршанскому озеру (озеро достигаетъ и до гор. Новоржева), приложи ухо къ водѣ, говорила упрямая женщина, — слышно какъ пушки гремятъ... У насъ и коровы заболѣли отъ того, что германскіе газы опустились на траву. Всѣ змѣи подохли отъ нихъ же... А безъ змѣй скотину нельзя завести. Змѣи худую росу обиваютъ, когда ползутъ изъ норы на утренней зарѣ по травѣ. Безъ нихъ и скотина падаетъ у насъ. Германскіе газы на травѣ, а ты не вѣришь.

Я оставилъ интересныхъ собесѣдниковъ, такъ какъ мнѣ нужно было еще посѣтить въ городѣ помощника акцизнаго надзирателя М. Ф. Деханова.

Послѣдній очень характерно отозвался на мой вопросъ о трезвости.

— Въ городѣ алкоголики пьютъ денатуратъ изъ Петрограда или изъ вольныхъ аптекъ, а въ деревняхъ нѣтъ и мысли о пьянствѣ. Тамъ другое горе... Взяли ратниковъ 2-го разряда и стало некому работать. Даже женщины пашутъ. Счастье народа, что теперь нѣтъ водки. Въ настоящее время если кто и недоволенъ чѣмъ, то ихъ останавливаютъ словами: „помалчивай, помалчивай ребята“, а будь водка — иначе все пошло бы. Водки выпьютъ бывало, и смѣлости напустятъ на себя. Хватало совѣсти не только перекатывать съ уха на ухо другъ друга, но и убивать... А теперь уже не услышишь, что къ доктору „везутъ битыхъ“ съ гулянки. Теперь уже этого нѣтъ.

Дехановъ сообщилъ также, что безплатныя чтенія

и чайныя въ г. Новоржевѣ привлекали и интеллигенцію и простой народъ; что въ селеніи Ашево, по его мнѣнію, картежничество уменьшилось отъ того, что въ пожарномъ депо женщины шили для раненыхъ бѣлье и въ это время имъ читали книги. Это чтеніе привлекало народъ и внушало ему болѣе пристойное поведеніе, чѣмъ картежничество.

— Укрѣпленіе трезвости, сказалъ онъ: находится въ зависимости отъ просвѣщенія массъ, но, къ сожалѣнію, оно прервано войной и теперь въ нашей губерніи приходится думать преимущественно объ околахъ.

XXX.

Моховой край. Художники слова: „Моховикъ“ изъ Дупла и Максимъ изъ Черемши. О пропойцахъ и картежникахъ. Не театры надо, а мастерство и продовольствіе. Надо воевать на силу, а не хитростями. Собаки лаяли по ночамъ—къ перемѣнѣ погоды. Дожди смѣнились морозами.

Я поѣхалъ изъ г. Новоржева въ самую его глухую часть, которая зовется „Марыньщиной“, моховымъ краемъ, и сливается съ лѣсами и болотами Холмскаго уѣзда.

Крестьяне, которыхъ здѣсь зовутъ въ шутку „моховиками“ за отдаленность и глушь ихъ деревень, меня всегда и ранѣе интересовали чистотой и силой своихъ природныхъ дарованій.

Придерживаясь своей задачи, для которой собственно и предпринята была мною сюда новая поѣздка, я попалъ прежде всего въ погостъ „Новое“ къ крестьянину Антону Тимофѣеву, переселившемуся сюда изъ деревни Мошницы на купленную имъ пустошь и выплатившему за нее долгъ банку въ теченіе пяти

лѣтъ въ сотрудничествѣ четырехъ женатыхъ и многодѣтныхъ братьевъ. Его хуторное хозяйство напоминало родовую общину и я съ интересомъ слѣдилъ за ея своеобразнымъ развитіемъ.

Я пріѣхалъ къ нему съ Максимомъ изъ Черемши и „Моховикомъ“ изъ деревни Дупло. Первый напоминалъ мнѣ Каратаева изъ „Войны и Мира“, никогда не ругался, никого въ жизни своей не побилъ, всегда всѣмъ доволенъ, всегда радостенъ и доброжелателенъ. Бѣденъ и не хозяйственъ, но никогда не жалуется и веселъ душой, какъ дитя. Второй презираетъ Максима. „Живетъ, какъ лапти плететъ“, отзывается о немъ насмѣшливо вспыльчивый „Моховикъ“. Смирнота, прибавляетъ онъ презрительно: человѣкъ простой, да карманъ пустой... Вѣдь и не дуракъ и хитрости много въ немъ, да хитрость его, какъ гусь на водѣ: всѣ видятъ его хитрость. Не можетъ скрытно и похитрить-то“...

Вѣроятно отъ того, я и вижу всегда „Моховика“ съ Максимомъ вмѣстѣ. Пріѣзжая ко мнѣ въ Петроградъ, онъ даже покупаетъ для Максима на станціи билетъ и привозитъ его съ собой ко мнѣ „погомонить“.

— Не крестьянинъ онъ, говоритъ „Моховикъ“, когда я хвалю Максима. Все на людей полагается, а не самъ... Пріѣдетъ съ лошадью въ гости и кричитъ хозяину: „подложь сѣнца, а послѣ напои лошадку“... Ну, кормятъ и попоятъ ему лошадку, а можетъ гдѣ и забудутъ... Самому все надо дѣлать, тогда будешь крестьяниномъ. Рядомъ полоса: на чужой на четверть вспахано, а у него на вершокъ. Лошадь его слабая и безсильная. Не крестьянинъ твой Максимъ. Одинъ ты его въ нашемъ краю хвалишь. Лапти онъ плететъ и не тужитъ.

Оба они очень даровиты,—менѣе, чѣмъ третій мой пріятель Степанъ въ Крутцѣ,—но расхожихъ словъ и безцвѣтныхъ сужденій и отъ нихъ не услышишь.

О Моховикѣ надо прибавить еще то, что до 40 лѣтъ онъ былъ пьяницей и босякомъ, а теперь ему шестьдесятъ слишкомъ,—онъ имѣетъ собственное хозяйство и молодую жену съ дѣтьми.

Когда я спросилъ о Новинской волости: побогатѣла ли она послѣ того, какъ закрыли торговлю крѣпкими напитками, Моховикъ отвѣтилъ мнѣ:

— Волость получила отъ кредитнаго товарищества... слыхалъ я... тысячъ двадцать, да солдатки— тысячъ шестнадцать казеннаго пособія, да непропитыя деньги, тысячъ сорокъ или пятьдесятъ, остались въ карманѣ... Вотъ и суди. А прежде всѣхъ больше въ ней было пьяныхъ да „битыхъ"... а битаго обругаешь бывало дуракомъ—онъ не въ обидѣ: „на дурака суда нѣтъ", думаетъ. А теперь его и дуракомъ не за что ругать. Побогатѣли и поблагороднѣе стали безъ водки.

— Прежде одни убытки, подхватилъ весело Максимъ. Первое угощенье гостю была водка, а завтра новые гости—опять водка и опять убытки... Брали запасныхъ и ратниковъ... Прежде это все съ водкой, все съ убытками, а теперь чайкомъ занялись и поѣхали. Безъ хлопотъ и безъ убытковъ.

— Какъ ребятъ отъ титьки отсадили, такъ и насъ отъ водки, перебилъ его Моховикъ.

— Какъ разъ, согласился тотчасъ Максимъ и сталъ разсказывать, какъ прежде нищіе ходили артелью, откровенно требуя: „давай каждому хлѣба, будемъ продавать куски, грузные будемъ, водочки побольше купимъ"...

— Такъ хороводомъ и ходили. Просили на водку, а не дашь, тебя же въ твоей избѣ изругаютъ всячески. Что ты одинъ сдѣлаешь съ хороводомъ?

— А все-таки, спросилъ я, хотѣлось бы съ устали хватить „полоумки-то"?

— Безъ водки суеты меньше, отвѣтилъ Моховикъ, бросившій пить водку лѣтъ двадцать тому назадъ. Пьяный, какъ борона: гдѣ-нибудь да зацѣпитъ тебя. Добромъ съ пьянымъ человѣкомъ никакого дѣла не кончишь. У человѣка безъ водки совсѣмъ не тотъ умъ. Читый (трезвый) человѣкъ отъ пьянаго отличается, что день отъ ночи.

Мужики—природные острословы и среди нихъ тотчасъ нашлась ядовитая шутка:

— Для міра хорошо безъ водки, а для полиціи— горе. Не только на сапоги, но и на шпоры не сорвать съ трезваго народа. Дѣловъ нѣтъ у насъ теперь съ полиціей. Скоро-ль только возьмутъ ее на позицію? Говаривали, что возьмутъ.

Сами же мужики отвѣтили на свой вопросъ:

— Какъ не будетъ ничего и не будетъ ничего. Драки и воровство прекратятся—и полиція сократится. Водки не стало и всѣ присягнули не пить ее...

— А лизнулъ бы рюмочку, какъ медку, перебилъ весельчакъ Максимъ.

— Водка не медъ, а хуже рѣдьки, сердито крикнулъ на него Моховикъ.

Антонъ, любящій поострить, неожиданно замѣтилъ:

— Водка спасла Россію. Позакрыли „казенку" и всѣ стали трезвы и нѣмцевъ побѣждать. О водкѣ теперь нѣтъ и толку... Какъ исчезла она, такъ Россія и спаслась.

Желая оживить разговоръ, я также шутливо перебилъ его:

— А вотъ я ѣзжу по вашимъ кочкамъ, чтобы вамъ разрѣшили водку, если попросите и поклонитесь мнѣ въ ноги.

— Какъ бы въ голову не поклонились полѣномъ, отозвались мужики дружно, хотя и понимали, что съ ними шутятъ. Мы и сами, когда была водка, драки и убійства промежъ себя, думали, что быть у насъ опять барщинѣ, а то весь народъ свольничался, перекалечитъ себя и раззорится. А какъ прикрыли зелье, винцо—змѣинаго, зеленаго цвѣта,—такъ и не толкуемъ о барщинѣ. Теперь бы прикрыть въ деревняхъ „чортова клейма" (карты), да косточки съ мѣточками, да запретить сосать „чортову ножку" (папиросы)—такъ больше намъ ничего и не надо.

— Трудно, отозвался я. Вы не послушаетесь и казны. Будете тайно играть и курить.

Меня перебилъ тотъ же „художникъ слова" Моховикъ...

— Казну не обмануть. Казна хуже бѣса: отъ бѣса есть крестъ, а казнѣ надо повиноваться и слушаться. Казеннаго не смытаришь и за все отвѣтишь... Ты болѣе тридцати лѣтъ бываешь въ нашихъ краяхъ. Видалъ часто, что мужицкіе и барскіе лѣса повырублены, а въ казенный лѣсъ не слазишь. Казенный лѣсъ цѣлъ. Казна могла прекратить винокурку, можетъ запретить и табакъ сѣять, и картежныя фабрики позакрыть, а всего лучше надо, чтобы Государственная Дума разработала, какъ прекратить въ деревняхъ азартныя игры. Совсѣмъ не то бы дѣло стало, какъ теперь. Уничтожь карты—будутъ мужики богаты и плутовъ меньше; запрети табакъ—больныхъ не будетъ съ хрипотой. Жизнь была бы золотая. На томъ свѣтѣ тоже, говорятъ, священникъ будетъ кадить кадиломъ, а чортъ табачнымъ дымомъ. У кого

душа здѣсь уже закопчена сажей отъ табаку, тотъ и побѣжитъ къ чорту въ лапы... А теперь годъ безъ водки въ карты проиграли, да чортову ножку съ табакомъ сосали, за то про убійства не слыхали. Но картежниковъ стало больше и играютъ дороже. Прежніе нищіе стали игроками. Поработаютъ, а деньги въ карты. Нѣсколько деревень проигрываютъ въ карты. Ставятъ на конъ обѣщанье въ ближайшій праздникъ обойти деревни Канино, Еремино, Новое, Заходъ, Заболотье, Чертеново, и всѣ собранные Христовымъ именемъ куски хлѣба отдаютъ тому, кто выиграетъ ихъ въ карты. Не скоро тебѣ исправить ихъ... Это что въ Китаѣ, разсказываютъ. На пальцы играютъ и рубятъ пальцы у того, кто проиграетъ. Эта страсть хуже, чѣмъ пьянство. Пьяница пропилъ рубль и ноги кверху, а въ картахъ краю нѣтъ. Картежникъ все проиграетъ и мало ему. Вотъ и запрети такую игру, какъ запретили водку пить. Не театры заводи, а давай мастерство и продовольствіе, энергично воскликнулъ Моховикъ. Работа и мастерскія—вотъ что требуется, а пропойные люди перемрутъ и безъ нихъ народъ народится здоровымъ и трезвымъ. Пьяницамъ въ семеромъ торбу надѣвали и въ десятерыхъ не снять ее. Нечего и жалѣть безпутныхъ людей. Чего это начальство все хлопочетъ о нихъ? Кто въ карты играетъ и пьетъ „всячинку", того не заманишь въ театръ. Пока карты не уничтожишь, какъ водку, все будутъ играть; пока пьяницы не боятся смерти—все будутъ пить... Куда воронѣ не летѣть, а все навозъ ей клевать.

Удивительно образна эта мужицкая философія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, развѣ мало у насъ людей, напоминающихъ „воронъ" со вкусомъ къ „навозу"?

На эту тему и другіе мужики съ тѣмъ же горькимъ опытомъ говорятъ:

— Вотъ что водка дѣлала!.. Хочетъ, бывало, мужикъ переправиться, да „охоть“ (горе) болтается, „охоть“ вправитъ—водка потянетъ... Мужикъ, что быкъ... Бьется головой о землю, да все зря... Башка кружится безъ дѣловъ, и хлѣба все нѣтъ... Побогатѣть можно, когда въ дому „животы хорошіе“: и лошади, и коровы, и овечки заведены, да на водку мужика не тянетъ. А съ лаптя переходитъ въ сапоги—трудно, особливо съ „мухой въ головѣ“. Кричитъ такой мужикъ: живу не по батькину! У него земли не хватало, а у меня земелька отъ сѣмени остается незасѣянной... Вотъ моя какая поправка съ „полоумкой-то“. А теперь безъ водки онъ подойдетъ къ зеркалу и не узнаетъ себя: я-ли это? Какъ дитя отвыкаетъ отъ матери, такъ и онъ отвыкаетъ отъ своей водки. Господь догадалъ начальство закрыть ее. Сколько народу вспыхнетъ безъ нее. Если Господь остановитъ водку на вѣки, то народъ будетъ счастливъ, какъ будто и войнѣ конецъ. У насъ въ деревняхъ теперь встрѣтишь запьянцовскаго, который раньше жену пропилъ дьяволу—идетъ одѣтымъ и говоритъ со смирнотой: „Царь одѣлъ, а не я“.

При этихъ словахъ, со всѣхъ сторонъ въ избѣ, я услышалъ среди мужиковъ облегченные вздохи:

— Царь да Господь, да родительскія молитвы спасли насъ отъ зелья несчастнаго.

Антонъ опять сострилъ надъ мужиками добродушнымъ тономъ:

— Водку пили и пѣсни пѣли, а теперь неурожаи яровыхъ, три лѣта идетъ сушка земли, да дороговизна ввязалась... Мужики на войнѣ, а купцы грабаютъ бабъ дороговизной на все.

Я вдругъ услышалъ на это замѣчаніе отъ другихъ мужиковъ то же, что слышалъ и ранѣе:

— Все купцы. Они даже откупаютъ товарные вагоны и торгуютъ ими. Купитъ вагонъ за 75 рублей, а наберутъ пассажировъ на сто и болѣе... Ну, развѣ это не наша безпутаница?.. Всему она виновата. Распоряженія хорошаго нѣтъ... Безпутица! А то бы мы безъ нее давно задушили и врага на войнѣ.

Разговору о войнѣ всегда сопутствуетъ рѣчь о водкѣ.

— Это не война, а обманство, восклицаетъ Максимъ изъ Черемши. Надо воевать на силу, а не хитростями. Приспособленія у него, окаяннаго нѣмца, хитрыя... Онъ всѣмъ злодѣямъ—злодѣй, а мы идемъ на него штыками безъ обмана. Это война: человѣкъ разгорячится и о смерти не думаетъ, и самъ себя не чувствуетъ. Трое сутокъ не ѣшь и ѣсть не хочется... Какъ изъ окоповъ въ аттаку, откуда что берется: какъ богатырь какой идутъ русскіе въ штыки. А нѣмецъ сверху кидаетъ бомбы и за тридцать верстъ стрѣляетъ, не зная куда и гдѣ врагъ. Развѣ это война? Вотъ война, когда сойдешься вмѣстѣ и задерешься. А это идешь на вѣрную смерть и не знаешь, гдѣ она. Не интересно. Война—а горячки нѣтъ. Ты бейся на силу... Мы мужики дрались между собой пьяными, а эти читые (трезвые) разодрались...

Зная, что мнѣ еще придется слышать отклики о войнѣ въ Крутцѣ отъ моего пріятеля Степана, еще болѣе художественные и болѣе осмысленные, я сталъ торопить моихъ спутниковъ: Моховика и Максима собираться въ Холмскій уѣздъ.

— Одѣвайся теплѣе, совѣтывали мнѣ мужики. Теперь холода не въ шутку—надѣвай-ка шубку. На обледѣнѣлыхъ кладкахъ за Мошницей къ Крутцу и Кузьму батькой назовешься.

— Что это значитъ? спросилъ я.

— А то, что въ дорогѣ не хотѣлъ бы Кузьму звать роднымъ батькой, а назовешь не разъ, какъ нога соскочитъ съ кладокъ на болотѣ и провалишься въ тину по поясъ.

— Теперь не провалишься. Болота промерзли и мохъ сухой, говорили другіе мужики. Ишь, по утрамъ, какъ морозяно.

Дѣйствительно, дождливые дни смѣнились яркой и холодной погодой.

— Собаки передъ этимъ безъ причины лаяли по ночамъ. Это всегда къ перемѣнѣ погоды. Видно въ воздухѣ что-нибудь шумитъ и тревожитъ собаку ночью, говорилъ Максимъ, убѣждая и меня въ томъ же.

XXXI.

На кладкахъ. — Переполохъ среди дѣвокъ, записанныхъ рыть окопы.—Очарованіе молодости.—Бытовое остроуміе Моховика.—Степанъ въ Крутцѣ и его патріотическія рѣчи о войнѣ, о нѣмцахъ и русскомъ народѣ.—Наши Минины.

Я усѣлся въ просторной телѣгѣ, самомъ удобномъ экипажѣ по колкимъ дорогамъ, гдѣ—говорятъ мужики—мостокъ небольшой, а телѣга дрыгнетъ такъ, что и самъ опрокинешься—я доѣхалъ до Мошницы, а оттуда съ колышкомъ въ рукѣ двинулся пѣшкомъ по кладкамъ въ Холмскій уѣздъ. Моховикъ и Максимъ взяли каждый себѣ на плечи по небольшому моему чемодану и мы направились по безконечному моховому болоту впередъ.

— Казенному человѣку прибавь Богъ вѣку, покри-

кивалъ Максимъ всякій разъ, когда я срывался ногой съ кладокъ въ мерзлый мохъ или на болотныя сопки съ ягодниками, среди которыхъ въ лѣтніе мѣсяца такъ любятъ жировать тетерева и бѣлыя куропатки.

Необозримыя пространства мха, съ островками, тянулись на сотни верстъ съ деревушками, сообщающимися между собою лѣтомъ по тонкимъ бревнамъ, не имѣя возможности проѣхать по болотнымъ мхамъ ни на лодкѣ, ни на лошади. Но и эти тундровыя болота имѣли своеобразную красоту, особенно въ морозный осенній день. Настраиваешься веселѣе обыкновеннаго среди этой пустынности, которую Максимъ и нарушилъ.

— Знаешь,—обратился онъ на гниломъ бревнѣ ко мнѣ и оборвалъ свою рѣчь, едва не завалившись съ чемоданомъ въ грязь...—Знаешь, повторилъ онъ:—какой всполохъ былъ у нашихъ дѣвокъ это время? Вотъ напаполохали дѣвокъ... Сплакались!.. Въ Холмщинѣ даже двѣ изъ нихъ удавились, говорятъ бабы.

— Да въ чемъ дѣло?

— Развѣ тебѣ не сказывали, что всѣмъ дѣвкамъ, 18 лѣтъ, полиція дѣлала запись... Окопы копать записывала. За ними еще наблюдаешь около дома. Стольких-то молодыхъ лѣтъ онѣ, а тутъ хотятъ взять въ окопы... А полиція шутитъ: „хлѣбъ у солдатъ, говоритъ, чистый, а квасъ-то кислый; отрѣжутъ хлѣбъ гладко и будешь ѣсть сладко. Напьетесь, наѣдитесь и гуляй съ солдатами... А можетъ германецъ лучше? Онъ—врагъ-то и праздниковъ не знаетъ. Бьется съ нами и въ праздники". Плачутъ дѣвки, кланяются въ ноги и суютъ въ руки деньги, чтобы не записывали ихъ...

— У насъ, перебилъ Моховикъ:—многіе парни, чтобы не попасть въ окопы, уѣхали въ Петроградъ. Кому

очередь идти въ солдаты, того и тамъ возьмутъ, а по крайности не будутъ рыть окопы въ Островскомъ уѣздѣ.

— Не знали, что роютъ окопы за деньги и сбѣжали, а съ лошадью заработали бы хорошія деньги, прибавилъ Максимъ и опять перевелъ разговоръ на переполохъ дѣвокъ. — Предлагали дѣвкамъ скотину гнать, которую казна скупила у бѣженцевъ и которую даромъ раздавали крестьянамъ—такъ дѣвки не вѣрили и кричали: „вмѣсто скотину гнать—хватай дѣвокъ въ окопы! Обманомъ возьмутъ копать...“

— Попадешь въ окопы и „молодости рѣшишься“, повторяли онѣ въ страхѣ.

Я вдумывался въ содержаніе этихъ словъ и мнѣ казалось прелестнымъ представленіе крестьянскихъ дѣвушекъ о дѣвственности души и тѣла. „Молодость“— это очарованіе, которое она поселяетъ къ себѣ. „Рѣшиться“ этого очарованія возможно для избраннаго спутника жизни, а не для „прохожаго“.

Дальнѣйшій путь мы продолжали молча и, только выйдя изъ мха на берегъ, Моховикъ повеселѣвши произнесъ:

— О, меня бы за начальство! Я бы сейчасъ въ окопы записалъ не дѣвокъ восемьнадцати лѣтъ, а господъ. У кого пузо толстое—того и тащи въ окопы. Господа толстые, что улей, только и умѣютъ хорошо „котлетничать“... Умѣютъ хорошо кушать, и работать должны хорошо.

Какъ ни вульгарна эта шутка, но она отвѣчаетъ бытовой веселости народа.

Отдыхая на берегу около каменьевъ, Моховикъ продолжалъ острить и надъ собственнымъ братомъ въ окопахъ.

— Въ картишки и тамъ солдатики играютъ, а не

токма у насъ молодые ребята въ деревняхъ. „Нечего, кричатъ въ окопахъ:—смотрѣть за нѣмецкими снарядами! Перелетъ или недолетъ... Бей банку скорѣй, а то и въ насъ попадетъ“.

Максимъ весело засмѣялся и я невольно вынулъ карандашъ съ записной книжкой... Холодный вѣтеръ рвалъ насъ со всѣхъ сторонъ, но каждый изъ насъ на дикомъ островѣ былъ занятъ своимъ дѣломъ: Моховикъ ораторствовалъ, Максимъ любовался имъ, а я писалъ.

Своеобразно понимаетъ русскій мужикъ нравственный смыслъ поступковъ. Неудивительно, что и Моховикъ въ восторгѣ отъ того, какъ старый солдатъ говорилъ молодымъ:

— Какія же вы бабы, если остались голодными! Какіе же вы солдаты, если нѣтъ у васъ удали! Ну молодые солдаты и накрали свиней у своихъ въ деревняхъ. Пришли мужики къ нимъ съ обыскомъ, а солдаты обрядили свиныя туши въ свои шинели и говорятъ: „видите, все дневальные, а свиней нѣтъ...“ Пришли эти же солдатики въ чайную къ еврею и, когда тотъ ушелъ въ другую комнату, они прикрыли самоваръ шинелью, сняли его со стола на полъ и отвернули кранъ.

— Ахъ ты, свинья, кричитъ на него еврей. Весь полъ замочилъ... Нашелъ гдѣ себѣ мѣсто. Гоните его за дверь! Гоните на дворъ...

Солдаты подхватили самоваръ и унесли съ собой.

И Максимъ, и Моховикъ чувствовали въ этой солдатской удали — одну только находчивость русскаго ума.

Намъ надо было еще далеко идти пѣшкомъ лѣсомъ и полями къ Степану Игнатьевичу въ Крутецъ, Цевельской волости, Холмскаго уѣзда.

Немного мы сбились съ дороги и удивлялись тому, какъ можно за разговоромъ такъ „разглумиться“.

— Ну, выпьешь, бывало, такъ тебя и носитъ нечистая сила, воскликнулъ Моховикъ.—А то, подижь ты, читые забыли дорогу къ старинному пріятелю.

Максимъ сдѣлалъ удачную характеристику Степана Крутецкаго:

— Хоть и не свищетъ соловьемъ, а говоритъ хорошо. За моремъ не былъ, а знаетъ многое.

Какъ мы только добрались до него, такъ Степанъ, не дожидаясь моего обычнаго вопроса о водкѣ, воскликнулъ:

— Побогатѣли безъ нее. А вотъ безъ сахару—не безъ водочки: плохое дѣло.

Я успокоилъ его тѣмъ, что у меня есть и сахаръ, и чай.

— Добро!—закричалъ онъ, усаживая меня и моихъ спутниковъ за столъ въ просторной избѣ.

Внучекъ—Гаврилка торопилъ бабъ ставить самоваръ и то же суетился около насъ.

— Коровы во дворѣ у иного мужика нѣтъ, а самоваръ первое дѣло,—замѣтилъ Степанъ.—Бывало, еще при моемъ отцѣ, отъ Рождества до Святого Воскресенія и не знали, что такое чай. Два раза въ году только и видали на столѣ самоваръ. А послѣ самоваръ вычищали да въ мѣхъ его, да въ амбаръ къ стропиламъ и виситъ онъ тамъ отъ Рождества до Воскресенія Христова. А нынѣ не токма каждый день пьемъ чай, а то и два, и три раза разбалуешься.

— Это лучше, чѣмъ водкой заниматься...

Степанъ ласково отвѣтилъ:

— Съ чаемъ языкъ мягкій, а съ водкой—каляный, что сукномъ обшитъ. Не ворочается, какъ хочешь. Гдѣ не надо, тамъ кричитъ: „чаго“, а гдѣ надо—тамъ „кого“.

Всѣ смѣялись за столомъ, а Степанъ пресерьезно продолжалъ:

— Вотъ если бы была водка и мужики пили ее, такъ всѣ бабы кричали бы: „изъ за водки и хлѣбъ сталъ дорогъ и сахару нѣтъ, оттого и купить ничего нельзя, что всѣ деньги въ мужикахъ пропиты“. А теперь хоть холка не глодана ими.

— А горючій спиртъ попиваютъ все-таки?

— Винотурку-то?—переспросилъ Степанъ.—Не у насъ это... Здѣсь глухо. Слыхалъ и я про него, а назвать по настоящему не умѣю. А слыхалъ, что пьютъ его. Хоть и ослѣпну, кричитъ пьяница: а поваляюсь въ грязи, какъ боровъ кормный. Ну, пусть такому пьяницѣ премудрая бабенка запашетъ лицо вѣникомъ и мнѣ не жаль его... Съ водкой и я въ молодые годы повалялся въ грязи. День пьешь, а голова болитъ недѣлю... Остатнею мѣрку несъ опохмѣлиться, а то изъ избы всѣ вонъ бѣги... Если бы и теперь была водка, такъ не было бы кошелька въ карманѣ, прибавилъ онъ, показавъ намъ изъ кармана бѣлый сыромятной кожи кошелекъ.

Онъ продолжалъ, гордо потряхивая кошелькомъ съ деньгами:

— Изъ пустого не сдѣлаешь густого. Не по пустому запретили водку пить въ народѣ... За свою простоту народъ страдаетъ и нынѣ, а пора взяться ему за умъ. Думали, что у насъ нѣмцы только и умны, а русскій мужичекъ—дурачекъ... А это не такъ... Въ Россіи есть и умные люди, и мастера хорошіе. Русскій мужикъ, если хочешь знать, умнѣе чорта.

— Какъ такъ? спросилъ я, предчувствуя новую красоту въ рѣчи Степана.

Тотъ продолжалъ:

— Сошлись въ лѣсу чортъ съ мужикомъ и давай

покуривать. Мужикъ сдѣлалъ папироску и сталъ кремнемъ огонь высѣкать.

— Вотъ, говоритъ, у меня какая сила, что изъ когтей огонь летитъ.

А чортъ говоритъ, что онъ сильнѣе. Взялъ сжалъ свой кулакъ и сталъ имъ высѣкать огонь о другую руку. Руки отбилъ до крови, а огня не добылъ.

— Все же я сильнѣе тебя, споритъ чортъ и, взявъ лошадь на плечи, легко понесъ ее.

Мужикъ смѣется надъ нимъ и говоритъ:

— Что это за сила? Вотъ промежъ ногъ зажми лошадь, да неси...

Сѣлъ онъ на лошадь верхомъ и ускакалъ отъ него.

Увидалъ въ другой разъ чортъ, какъ мужикъ мережу, которой рыбу ловять, вытянулъ изъ воды — и говоритъ ему:

— Вотъ хорошо-то у тебя слажено... Но какъ же ты сработалъ ее? Долбилъ и не раскололъ?

— Я веревки вязалъ,.. а ты хочешь долотомъ долбить мережу. Муракъ ты былъ и останешься имъ.

— Умный мужикъ, а все же нѣмцы обижаютъ его,— перебилъ я.

Моего Степана нельзя озадачить никакимъ возраженіемъ. Онъ тотчасъ же находчиво отозвался:

— На добраго коня спотычка бываетъ... Какая сильная лошадь, а спотыкается. Тоже и русскій мужичекъ. Захлопотался онъ то съ евреями, то съ водкой—и не замѣтилъ нѣмцевъ. Они учили свой народъ дѣлать снаряды, а мы занимались бутылочками. Ну и стрѣляй теперь бутылками.

— Переправимся, Степанъ. Не тужи.

— Это просто, что переправимся,—отвѣтилъ „Соловей Крутецкій".—Нѣмецъ идетъ храбро, а туда-ли, куда слѣдуетъ — не справляется. Идетъ Вильгельмъ

вывести Россію, да какой же это человѣкъ, если онъ того хочетъ? Уменъ-ли онъ? Какого онъ вѣсу, если онъ воюетъ съ колоніей, которая была для него самая пріятная? Хочетъ убить курицу, которая несла ему золотыя яйца.. Прошелъ онъ по нашей землѣ много, да по пустому. Какой толкъ въ томъ, что ты поднялъ въ полѣ камень въ пятнадцать пудовъ? Поднять — поднялъ, а не унесъ. Камень остался на томъ же мѣстѣ. Все тамъ же въ полѣ лежитъ. Такъ и нѣмецъ пойдетъ домой, а Россія останется на своемъ мѣстѣ. Много нѣмецъ прошелъ, да ничего не нашелъ. Такъ и дурачекъ ходитъ по деревнѣ. Шибко да безъ толку... Богъ знаетъ, гдѣ комаръ находится зимой, а лѣтомъ прилетитъ и кричитъ о себя: князь! князь! А раздавишь его — одна грязь. То же и съ нѣмцемъ будетъ, сколько онъ не кричи, что лучше его нѣтъ такого на свѣтѣ. Пусть воймется! Пусть забудетъ эту пѣсню о томъ, что Богъ поставилъ его надъ всѣми народами! Не запѣлъ бы другимъ голосомъ скоро отъ насъ. Не хвались пріѣздомъ, а хвастай отъѣздомъ...

Сочувствуя пожеланіямъ Степана, я все-таки хотѣлъ считаться фактами и замѣтилъ ему, что нѣмецъ идетъ на насъ съ усовершенствованнымъ оружіемъ.

Мой мужикъ грустно отозвался:

— А мы на него съ Богомъ. Да, видно заблудилъ Богъ... Въ сторону отъ насъ куда-то ушелъ. Дали мы нѣмцу отдохнуть, онъ и подловчился подъ насъ. Отнялъ Карпаты, Варшаву и уже ко мнѣ на печку лезетъ... Развѣ это полагается? Суды тоже слабые... Развѣ это правильно, что Болгарія идетъ на Сербію. Братъ на брата, свой на своего? Богъ ушелъ куда-то отъ людей.

— Не надолго, Степанъ...

— Думается и мнѣ такъ, перебилъ онъ. Думается,

что если съ Богомъ да мы это войну переживемъ, то и вѣку Россіи не будетъ. Всѣ мы вмѣстѣ станемъ заодно, и хохлы и москали, и евреи и чухны... Не будемъ спорить, какъ комаръ со слѣпнемъ, кто лучше.

— А какъ они спорили? спросилъ я.

Степанъ улыбнулся, и приказалъ мнѣ слушать его.

— Комаръ говоритъ, что онъ видитъ и ночью, а ты, слѣпень, днемъ видишь, а ночью не летаешь.

— А что же ты, комаръ, средь дня не летаешь?

— Боюсь, что днемъ я разстаю на солнышкѣ...

— Такой-то тоненькій, перебиваетъ слѣпень.—Ну, а я днемъ налетаюсь, а ночью отдыхаю...

Степанъ важно расправилъ свою длинную бороду и сдѣлалъ изъ анекдота тотъ выводъ, что и комаръ и слѣпень оба хвастаются и врутъ; что и въ Россіи надо всѣмъ народомъ стоятъ заодно, а не хвастаться тѣмъ, кто изъ нихъ лучше.

— Мы, продолжалъ онъ, — одолѣемъ нѣмца, если всѣ будемъ заодно: и начальство, и крестьянство, и всѣ народы. Свинья бѣжитъ отъ обуха и мы заманиваемъ нѣмцевъ къ себѣ. Пускай ближе подходитъ... Мы съ тобой на охотѣ зимой подпускаемъ медвѣдя все ближе къ себѣ, а потомъ отъ разу его бьемъ, чтобы онъ ни съ мѣста... Такъ и съ нѣмцемъ будетъ. Народъ нашъ сталъ трезвымъ... Не горюетъ, а все о дѣлахъ толкуетъ: какъ кориться нѣмцамъ, чтобы все по ихнему было у насъ? А за что? Какъ будто бы мы не старательны угодить своему начальству. Насъ тоже дѣлалъ не кое-кто и не зови меня „коэхтой“, а зови по батюшкѣ, по дорогому да законному. Можетъ ли это быть, чтобы въ своей мѣстности дать надъ нами нѣмцу распоряжаться? Развѣ такъ полагается, чтобы нѣмецъ лезъ въ наши губерніи? Не повѣрю этому никогда.

Я хотѣлъ подразнить Степана и насмѣшливо сказалъ ему:

— Повѣришь, когда онъ придетъ къ тебѣ на печку.

— Не обробѣемъ! Не обробѣемъ! воскликнулъ старикъ, загораясь гнѣвомъ. Это у господъ тамъ припасовъ не хватало одно время, а пускай-ка нѣмецъ придетъ ко мнѣ, я и то буду стрѣлять изъ охотничьяго ружья... Тамъ подъ Варшавой не хватило пушекъ, а у каждаго мужика найдется на врага орудіе... На отраву нѣмецъ обманетъ насъ, а вотъ, какъ бывало раньше, на силу — такъ мы бы скоро пробрали его. Разсказываютъ, что справедливый народъ и онъ. Все у него заготовлено, а у насъ бы не глядѣлъ... Да, можетъ ли это статься, чтобы мы были бѣднѣе нѣмцевъ и чтобы у насъ все время была нехватка? Я и не повѣрю!.. Начальство разстерялось скорѣе мужиковъ, а дай срокъ и мы переправимся. Вспыхнемъ!

Съ такимъ самочувствіемъ, на какомъ то островѣ среди необъятныхъ болотъ и мховъ, Степанъ казался мнѣ большой силой.

— Если здѣсь въ глуши встрѣчаются своего рода Минины, то ихъ еще больше тамъ, гдѣ есть Пожарскіе, думалъ я о томъ же единеніи народа и власти, о которомъ мечтаетъ и мой мужикъ.

XXXII.

Въ лодкѣ на рѣкѣ и озерѣ. Кладбище въ соснахъ. У пастуха. Крестьянскія дѣти.

Пробывъ въ Крутцѣ еще нѣсколько дней среди изумительныхъ художниковъ слова, я сталъ собираться

въ гор. Холмъ черезъ погостъ Цевло, отдѣленный отъ Крутца рѣчкой съ „Дѣвишникомъ“, *) и Цевельскимъ озеромъ.

Въ Цевельской волости жители „цокаютъ“: буква ч произносится ими за ц.

Я бывалъ въ ней и ранѣе неоднократно, но теперь пробраться туда было очень трудно.

— Рѣка замерзаетъ по утрамъ, сказалъ Степанъ. Можетъ въ полдень солнышко растопитъ ледъ.

— Отпотѣетъ ледъ, но не растопится, дѣдушка, произнесъ малолѣтній Гаврилка, тоже принимавшій живое участіе въ нашей бесѣдѣ.

— Будемъ пробиваться по льду веслами, отвѣтилъ ему старикъ. Другой дороги нѣтъ въ Цевло. Что же дѣлать, обратился онъ ко мнѣ. Дома ляжешь спать, какъ знаешь, а въ дорогѣ — какъ положатъ: и такъ, и наискось.

— Ладно! Ѣдемъ послѣ „перехватки“, отозвался я и велѣлъ подать на столъ студень изъ баранины и пшенную кашу съ масломъ.

Степанъ „перехватывалъ“ вмѣстѣ со мной, такъ какъ Моховикъ и Максимъ наканунѣ были отпущены мною домой.

— Надо будетъ въ деревнѣ Трохнова взять въ помощь моего свата, сказалъ Степанъ.—Проѣдемъ ли мы льдомъ по рѣкѣ и озеру... По берегамъ озера тоже ледъ, но средина его еще не замерзла.

Черезъ часъ мы сѣли въ лодку и Степанъ, вмѣстѣ съ сватомъ, ломали ледъ веслами и мы тихо двигались по рѣкѣ.

*) „Дѣвишникомъ“ называется островъ на рѣкѣ отъ деревни Трахново, на которомъ, по мѣстной легендѣ, была убита Литвой дѣвица Дарья, сестра богатырей Дорофея и Симеона, похороненныхъ въ деревняхъ: „Большой Боръ“ и „Малый Боръ“.

Добравшись до „зимника“, Степанъ отеръ потъ съ лица и уныло произнесъ:

— Не лучше ли, сватъ, зимникомъ пѣшкомъ идти, съ чемоданами за спиной? Не проѣхать намъ далѣе на лодкѣ... Все хуже: и ледъ толще, и травы въ рѣкѣ больше.

„Сватъ“ тѣмъ же тономъ отозвался:

— До вечера не выѣхать въ озеро, а зимникомъ скорѣе дойдемъ... Бросимъ здѣсь лодку и понесемъ чемоданы... Тамъ на озерѣ найдемъ рыбачьи лодки и переѣдемъ.

— А какъ не найдемъ?

— Ту-у, найдемъ!

Вновь мнѣ пришлось идти мхомъ за маленькимъ караваномъ преданныхъ мнѣ людей и достигнуть озера незадолго до заката солнца.

Усаживаясь въ рыбачью лодку, я не безъ смущенья поглядывалъ на моихъ спутниковъ.

— Ничего! Цѣлъ будешь, отвѣтилъ Степанъ, хотя я ни о чемъ не спрашивалъ его.

„Сватъ“ опустился на колѣнки въ носу лодки, а Степанъ сѣлъ на корму править.

Вооружившись веслами и, передавъ одно мнѣ, мы дружно стали разбивать ледъ и пихать лодку по дну весломъ.

— Толстый ледъ, замѣтилъ Степанъ.—Какъ бы весла не переломать или чужую лодку не разодрать объ ледъ. Хозяинъ не похвалитъ.

— Что же дѣлать, отозвался сватъ. Нужда наша заставила взять его лодку.

Сильный мужикъ работалъ весломъ и вправо, и въ лѣво, повторяя грустнымъ голосомъ:

— Озеро — что студень застываетъ. Ишь морозъ какой. Завтра нельзя будетъ вернуться въ лодкѣ. Придется, Степанъ, пѣшкомъ обходить озеро.

— Остановилось все! Заснуло! отозвался тотъ, посматривая вдаль и всюду встрѣчая бѣлые полосы льда. Ишь, морозъ-то: съ инеемъ. Солнце не грѣетъ, а играетъ по троснику и ледъ подъ веслами дѣлается пѣтушкомъ... То зеленымъ, то краснымъ, всякимъ — разнымъ, цвѣтомъ... Осенью-то, попозднѣе, ледъ трещитъ, а не впущаетъ; весной — не трещитъ, а впущаетъ, ломаясь разомъ...

Отъ неравномѣрныхъ ударовъ веслами по льду, рыбачью лодку иногда сильно качало и я, по правдѣ сказать, не чувствовалъ никакой охоты искупаться въ Цевельскихъ водахъ.

Приходилось усиленно работать весломъ вмѣстѣ съ спутниками и только часа черезъ полтора выбирать издали пристанище на другомъ берегу озера.

Солнце готовилось спрятаться вдали за густымъ тросникомъ и барскій домъ начиналъ темнѣть на берегу Цевельскаго озера.

— Греби на баню, покрикивалъ Степану его сватъ.

— Не лучше-ли къ мосту?

— Къ мосту сплошной ледъ... Вотъ развѣ къ новой постройкѣ, недалеко отъ кладбища, будетъ почище пристать къ берегу?

Степанъ направилъ лодку къ соснамъ, которыми обросло кладбище и, поглядывая на нихъ, не утерпелъ не подѣлиться со мной легендарнымъ о нихъ сказаніемъ.

— Кладбище зовется Кулигой. Видишь сосну о двухъ вѣткахъ. Въ старинные годы здѣсь нечистый духъ давалъ деньги молодцамъ, которые просили золота на пьянство и развратъ. А если кто хотѣлъ обмануть чорта, того онъ топилъ въ озерѣ.

— Старинная сосна, произнесъ я, поглядывая на нее издали.

— Рядомъ-то всѣ молоденькія сосенки, продолжалъ Степанъ. Ты думаешь, для чего всегда сажаютъ деревцо на могилкѣ?

— Ну, для чего?

— А чтобы духъ покойника, который выходитъ, какъ паръ, изъ могилы человѣческой полностью, встрѣтивъ деревцо и, разбившись о дерево, остался тутъ же. А если дерево не посажено, то духъ изъ могилы летитъ далѣе цѣльнымъ призракомъ и пугаетъ людей.

Ударъ лодки о мелкое дно озера прекратилъ нашъ разговоръ о привидѣніяхъ съ того свѣта и намъ всѣмъ пришлось вылазить прямо въ воду. Мужики тащили лодку на берегъ руками и, вытащивъ ее на сушу, взяли кладь изъ лодки на плечи.

Къ пастуху Никишкѣ ночевать идти или къ управляющему селомъ? спросилъ меня Степанъ.

— Къ пастуху! Если клопы не съѣдятъ, прибавилъ я изъ предосторожности.

— Цѣлъ будешь. Гдѣ люди спятъ, тамъ въ стѣнахъ они есть. Будетъ „копостно"... Копаться придется ночью запазухой. На свѣжаго человѣка клопы нападаютъ. Да Никишка положитъ тебя къ другой стѣнкѣ, гдѣ никто не спитъ и тамъ не копостно.

— У всѣхъ у васъ одно и то же, съ досадой произнесъ я.

— Ничего не подѣлаешь съ клопомъ, отозвался Степанъ. Говорила мнѣ одна старуха, что надо взять на бутылку сороковки одну дешевую сигару въ десять копѣекъ. Искрошить ее въ бутылку и туда же влить гвоздичнаго масла на десять копѣекъ. Поставить на сутки въ темное мѣсто, — процѣдить и опрыскивать стѣны. Увѣряла старуха, что клопъ и тараканъ мрутъ отъ этой жидкости, а другое ничто не помогаетъ.

Тяжко было мнѣ слышать, что народъ до сихъ

поръ избавляется отъ бытовыхъ недуговъ совѣтами стариковъ и старухъ; что люди науки до сихъ поръ отъ него удалены и что выучившись на казенныя деньги, они не хотять признавать за собою этотъ долгъ народу.

Съ этими мыслями я вошелъ въ избу пастуха и, къ моему удивленію, нашелъ избу просторной и чистой. Пастухъ-солдатъ Китайской и Японской компаніи — возбуждалъ грустныя размышленія, почему у него нѣтъ собственной полосы земли, а если есть — почему нѣтъ средствъ обзавестись хозяйствомъ, но скоро живое общеніе со всѣми присутствующими въ избѣ и ихъ веселое настроеніе сообщилось и мнѣ.

— Богатырь труда и долга, думалось мнѣ уже по другому, когда я услышалъ отъ пастуха, что онъ хочетъ идти драться съ нѣмцами и что не будетъ ни слезъ, ни жалобъ на судьбу, если придется умереть за родину. Богатырь и герой... Какъ простъ и чистъ онъ!

„Никишка" прибавилъ отъ себя:

— По милости Божіей я здоровый человѣкъ, а что будетъ дальше—ничего не извѣстно. Будемъ на войнѣ прославляться съ Богомъ и не думать о домашнемъ... У кого съ ума не сходитъ женка да милыя дѣтушки, да разныя происшествія около дома, тому плохо воевать съ нѣмцами.

— На войнѣ нужна крѣпость души, благоговѣйно добавилъ Степанъ.

И вновь я подумалъ о пастухѣ: „какъ простъ и чистъ онъ!" Вновь потянуло меня къ его дѣтямъ, такимъ же будущимъ героямъ труда и долга.

Дѣти, расшалившись и получивъ отъ меня по куску шоколаду, хвастались тѣмъ, что мнѣ не догнать ихъ и весело кричали, подпрыгивая и хватая меня за руку: „ну, дѣдка, на перегонки! На перегонки!"

Пастухъ унималъ ихъ полусердито:

— Самоваръ опрокинете, бѣсенята! Ишь, обмазурились... Не боятся барина.

Замѣчаніе отца еще болѣе пришпорило мальчугана. Онъ вытащилъ откуда-то живую ворону со сломанымъ крыломъ и рекомендовалъ ее мнѣ:

— Заграничный соловей.

Очевидно, онъ слышалъ эту кличку отъ Степана, потому что послѣдній тотчасъ же откликнулся.

— Это не ворона, если хватала цыплятъ и уносила, сказалъ онъ. Какая же это ворона? Это ворушка.

Дѣти вмѣшались въ разговоръ, пересыпая также каждое слово потребностью шутки, остроумія и веселости.

Я спросилъ Степана о длинѣ Цевельскаго озера, а мальчуганы закричали:

— Верстъ много, если пастухъ Никишка не сжегъ!

— Непочатая интеллигентность, думалъ я растроганно.

Сумерки на дворѣ быстро сгущались и, наговорившись за самоваромъ съ „богатырями" новой жизни, я сталъ укладываться спать, незамѣчая неудобствъ подставныхъ скамеекъ и соломенной перины.

На другое утро я продолжалъ путь уже на лошади къ селу Ратчи, Полистовской волости, въ сопровожденіи одного Степана.

XXXIII.

Бездорожье Цевельской и Полистовской волостей. — Просвѣтительныхъ мѣръ къ укрѣпленiю трезвости — очень мало.—Учитель и статистикъ В. В. Захаровъ.—Холмичи: горожане и помѣщики.—Однословные люди. — Для укрѣпленiя трезвости нужна жизнь съ интересомъ. — Нужны хорошiя дороги, хорошiя школы, хорошiя мастерскiя, казенныя и земскiя работы. — Нужны денежное ремесло, топорное ремесло и во всякой школѣ необходимо ученика „довести до дѣла“.—Нужны не театральная потѣха и веселье, а трудъ и деньги.

Удивительное это имѣнiе Ратчи. Едва ли оно не самое богатое въ Холмскомъ уѣздѣ. Одной земли 30.000 десятинъ, множество скота, арендныхъ угодiй и т. д. А владѣльцы имѣнiя, мѣняющiеся постоянно, поражаютъ всякаго своими фамилiями; Ягменъ (полякъ), Гляуэръ (нѣмецъ), Манцiарле-Де-Делинести (французъ) и нынѣшнiй владѣлецъ Цанко Кыльчикъ (болгаринъ). Прибавимъ къ этому сосѣднее имѣнiе Цевло, принадлежащее витебскому еврею Гуревичу, владѣльцу также стекляннаго завода въ Цевельской волости, невольно поражаешься тому, что даже здѣсь, въ глуши Цевельскихъ и Полистовскихъ озеръ, коренное населенiе не развернуло всей своей энергiи въ области землевладѣнiя и промышленности. А пора бы...

Возможно, что тогда не было бы, по крайней мѣрѣ, непроѣзжихъ дорогъ.

— Въ мокрые годы, говорятъ крестьяне: смерть по нашимъ низкимъ мѣстамъ. Не выбраться лошади изъ грязи. Поповскiя да барскiя дороги еще хуже крестьянскихъ.

Дѣйствительно, по частновладѣльческимъ землямъ тогда проѣхать невозможно. Въ первую мобилизацiю

лошадей, послѣднiя не могли быть доставлены прямымъ трактомъ на пунктъ, вслѣдствiе бездорожья и дошли по назначенiю кружнымъ путемъ. Случается тутъ же, изъ за испорченныхъ дорогъ, священникъ не ѣдитъ хоронить покойника, а обрядъ отпѣванiя совершаетъ не надъ покойникомъ, а „надъ землей“. Принесутъ ему въ платкѣ горсть земли, онъ тутъ же произнесетъ погребальное напутствiе и вернетъ землю родственникамъ умершаго. Это замѣняетъ церковную службу... Все изъ за невозможныхъ дорогъ и повсемѣстнаго равнодушiя „къ кажинному разу на этомъ мѣстѣ“.

Въ имѣнiи „Ратчи“ я услышалъ тѣ же отзывы о народной трезвости, что и въ другихъ мѣстахъ.

— Особенно бабьей радости нѣтъ конца,—говоритъ мнѣ управляющiй имѣнiемъ П. П. Штакесъ. Опредѣлить нельзя... Пьяницы увѣчили женщинъ, сокращали жизнь, а теперь онѣ живутъ и радуются. О просвѣтительныхъ мѣрахъ къ укрѣпленiю трезвости въ здѣшней глухой мѣстности я ничего не слыхалъ и весь Ратчинскiй приходъ болѣе отсталый, чѣмъ даже сосѣднiй Полистовскiй. Мы очень неудачны въ священникахъ... Одинъ грѣхъ разсказывать. Очень далеко живемъ мы и отъ желѣзной дороги, и отъ города. Хорошо, что водки нѣтъ болѣе. Хотите я соберу для васъ изъ деревни бывшихъ алкоголиковъ и вы поговорите съ ними?

Разумѣется я согласился, но и алкоголики говорили только то, что имъ тяжело было отвыкать отъ водки и что будь вновь торговля ею, они пропадутъ окончательно.

— Кого кошка не коти, а все мышеловъ. Въ теленка не передѣлаешь,—сказалъ одинъ изъ нихъ, съ растеряннымъ и нелюдимымъ выраженiемъ лица. Мы

трезвы, когда нѣтъ водки, а все хочется достать... Не противимся! Не противимся! Не считаемъ пьянство за добро, но и запрещеніе ничего не измѣнитъ. Свое мы возьмемъ... Не то пьемъ, что нужно, а все-таки иногда пьемъ. Не передѣлать вамъ мужика на господскій ладъ. Скорѣе всѣ перемремъ.

— Да, и хорошо бы, кто-то произнесъ безъ сожалѣнія.

Я поѣхалъ въ другія волости и добрался до гор. Холма, всюду допрашивая Холмичей о „передѣлкѣ пьянаго мужика въ трезваго".

— Выпивали да не всѣ, говорили горожане.—А теперь нигдѣ не достать „полоумки" ни за какія деньги.

Спившійся мѣщанинъ, нынѣ трезвый и работающій въ городѣ, отозвался иначе:

— Господа стѣсненія во всемъ дѣлаютъ народу. Поотняли водку, а теперь хотятъ отучить отъ сахару и отъ табаку. Землицы бы дали мужику.

— Пьяному и земля не поможетъ.

— Это испытано имъ, — перебили меня присутствующіе.—Былъ и онъ пустошникомъ въ деревнѣ, а теперь пропилъ землю и работаетъ въ городѣ. Какое же стѣсненіе въ томъ, что водка перестала раззорять насъ?—продолжали они.—Это не стѣсненіе, а спасеніе. За всю осень не видѣли въ городѣ пьяныхъ, а бывало не пройти... А теперь на улицѣ обступятъ пьяного, какъ въ кольцо, и удивляются: кто совѣтуетъ отправить въ участокъ, а кто говоритъ—пускай идетъ своей дорогой... „Что же съ нимъ дѣлать? Политурщикъ! Самъ не сознаетъ своихъ интересовъ..." У насъ одна женщина въ городѣ сдѣлала ханжу, такъ ей другія женщины проходу не давали: „ты ханжу дѣлаешь, кричатъ.—Нашихъ мужиковъ спаиваешь". Все по хорошому у насъ теперь безъ водки. А бывало нищій

идетъ по городу и на полъ-дорогѣ уже чувствуетъ, что собралъ кусковъ на сороковку. Въ концѣ города онъ уже пьянъ и хулиганилъ. А теперь смирнота въ городѣ... Вотъ сахару нѣтъ—жалко, а табаку то же не жаль будетъ, если запретятъ сѣять его.

Я не могъ не занести въ свою записную книгу это наростающее стремленіе народа бросить табакъ, по примѣру водки. Всюду я слышу пожеланіе запретительной мѣры противъ табаководства и картежничества. Очевидно, во многихъ случаяхъ нашей жизни, одного сознанія недостаточно, какъ было недостаточно его и у гуманныхъ помѣщиковъ, продолжавшихъ пользоваться оброкомъ и барщиной, пока законодательной мѣрой не было уничтожено крѣпостное право. Очевидно нужно не только сознаніе народа о вредѣ и пользѣ, но и законъ въ томъ же направленіи.

Мужики правильно говорятъ:

— Карты подходящи къ водкѣ: на разсчетахъ всѣ игроки задорны и готовы драться. Чѣмъ это лучше пьянства? Хорошо, что всѣ картежники обобраны у насъ на войну... Кромѣ тѣхъ, что въ несовершеннолѣтнихъ годахъ.

Мнѣ удалось встрѣтить сельскаго учителя, которому Холмскою Земскою Управою было поручено статистическое обслѣдованіе 16 волостей Холмскаго уѣзда въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи.

Касаясь вопроса о трезвости и просвѣтительныхъ мѣрахъ, учитель В. В. Захаровъ повторилъ совершенно вѣрную мысль о томъ, что надо поднять общее благосостояніе народа.

— Это прежде всего, — продолжалъ онъ.—И механическія, и сознательныя мѣры сольются въ одно и населеніе пойдетъ въ школы и театры. Необходимъ трудъ, который радовалъ бы крестьянина. Онъ все

броситъ для такого труда. Вотъ „Петровскій народъ“ въ слободахъ Воронежской губерніи, — говорите вы, умеръ бы на работѣ, если бы не было праздниковъ... Народъ вездѣ такой, гдѣ есть подспорье къ земледѣлію: либо кустарные промыслы, либо маслодѣліе, садоводство, огородъ и сбытъ скорый по хорошимъ дорогамъ. Трудъ надо развить въ народѣ, а не театры для обѣднѣлаго населенія. Наше земство не богатое, продолжалъ онъ. Оно не можетъ даже выстроить собственнаго зданія подъ школы, какъ въ Новоржевскомъ земствѣ. Оно предполагаетъ, что ему выгоднѣе содержать квартиру для школы, чѣмъ строить и ремонтировать собственное школьное зданіе. Земство мирится съ гигіеническими неудобствами наемнаго помѣщенія для школы въ мужицкихъ избахъ, а гдѣ уже ему думать о народныхъ домахъ съ театрами... Не знаю, а я обошелъ 16 волостей въ уѣздѣ и нигдѣ не видѣлъ большихъ и систематическихъ культурныхъ начинаній. Разговоры есть объ этомъ, но теперь и земство Холмскаго уѣзда, и правительство заняты войной, мобилизаціей, продовольственнымъ вопросомъ и призрѣваніемъ бѣженцевъ. И денегъ, и времени остается очень мало на то, чтобы „пустое пространство“ между трезвостью и пьянствомъ чѣмъ-нибудь пополнить.

Послѣ продолжительной бесѣды съ учителемъ, я разговорился въ тотъ же день съ нѣсколькими помѣщиками. Нѣкоторые изъ нихъ жаловались на недостачу рабочихъ рукъ и на полную свою отъ нихъ зависимость.

— Водки не стало, а зависимость землевладѣльца отъ пастуха или скотницы возросла необыкновенно. Прежде рабочаго брали безъ договора и онъ пилъ, но работалъ. Теперь не поможетъ и договоръ изъ волостного правленія, а надо брать залоги съ рабо-

чаго. Но ихъ всѣхъ забрали на войну, а оставшіеся рабочіе идутъ къ вамъ, но не работаютъ, а даромъ деньги получаютъ. Мы рады бы принудить ихъ работать за водку, но ее нѣтъ. Вотъ наша „неразбериха“.

— Водка тоже не поможетъ, замѣтилъ съ неудовольствіемъ присутствовавшій при этой бесѣдѣ мой Степанъ. Съ водкой одни непорядки праздничные, мордобой да пожары... По мнѣ такъ и народъ теперь лучше. А прежде въ хмѣльномъ видѣ онъ говорилъ одно, а въ трезвомъ—другое. Нынѣ однословные люди пошли... Холмскій уѣздъ сѣрый, но онъ трудолюбивый и народъ въ немъ честный. „Ванюшки“ въ немъ еще много, но безъ водки и онъ станетъ не глупѣй другихъ народовъ.

Возвращаясь обратно въ Петроградъ, я уже захватилъ начало зимы. Снѣгъ запорошилъ дороги, сопки и зеленя на поляхъ. Лѣсъ украсился еще болѣе листопадомъ и по полуголымъ его верхушкамъ перелетали съ крикомъ дятлы и сойки.

До станціи желѣзной дороги я ѣхалъ вмѣстѣ съ тѣмъ же Степаномъ, не переставая слушать его всю дорогу.

— Вмѣсто театровъ или другой потѣшки и веселья, спросилъ онъ меня: не желаешь ли строить шоссе, желѣзныя дороги, канавы, гдѣ есть болота, гдѣ нужны казенныя и земскія работы? Работы для насъ отъ казны придумай—вотъ и закрѣпится трезвость въ народѣ. А то все театры... Ну, два-три раза я схожу и посмотрю, а потомъ это уже не интересно *). А

*) „Балеты долго я терпѣлъ,
„Но и Дидло мнѣ надоѣлъ,—жалуется „Онѣгинъ“.

деньги всегда интересны. И зимой, и лѣтомъ хочешь зарабатывать ихъ. *Нужно проводить свободное время съ интересомъ*... Чтобы душѣ было радостно. Нельзя же все время рѣдьку ѣсть. Человѣкъ такъ не можетъ. Вотъ придумайте для крестьянина хорошія дорожки, хорошія школы, хорошія мастерскія. А то насъ клопы заѣли въ избѣ, пахать землю толкомъ не умѣемъ... Почему у нѣмцевъ, въ газетахъ писали, все есть, японцы—тоже рукодѣльный народъ, а у насъ не только орудія везти по дорогамъ нельзя, но и самъ на klячѣ не проѣдешь. А допусти насъ, хоть старыхъ—коль молодые на войнѣ—къ желѣзнымъ дорогамъ, такъ не только другое полотно построимъ, но и третье. Дай харчи, держи насъ хоть по мѣсяцу—вотъ дорога и готова. Эта дорога не нѣмецкая, а наша русская. А то нѣтъ. Всякая дорога съ нѣмцемъ. Всѣ дѣла ведемъ черезъ нѣмца. Лѣсъ, кожевнякъ — все перевели за границу... „Господи, прости... Только бы унести. Нѣтъ ли чего даже „хапанаго“. Я ему концы схороню за границей“—говорятъ нѣмцы. Такого облота нѣтъ, чтобы въ немъ не было бѣса. Всегда онъ есть. Такого дѣла нѣтъ у насъ безъ нѣмцевъ, а русскимъ одну водку давали выдѣлывать. Завелось еще плутовство вездѣ и иди въ капканъ. На кого будешь жаловаться, тотъ тебя и будетъ судить. У иного крестьянина четыре сына, а земли на одну душу. Какъ тутъ жить? Землицы дай да мастерства — иначе тогда дѣло пойдетъ и трезвость укрѣпится навсегда. Намъ не до театровъ, а работать мы хотимъ. Каждый мужикъ теперь благороднѣе сталъ и относится другъ къ другу съ уваженіемъ, а не съ прежнимъ звѣрствомъ. Хотимъ, чтобы интересъ былъ въ жизни... Каждый человѣкъ тогда уменъ, когда онъ при дѣлѣ. Ни водки ему тогда не надо, ни картъ.

Гдѣ не думаешь, тамъ и найдешь счастье... Не для потѣхи и не для веселья мы живемъ, а плачемъ, когда денежнаго ремесла у насъ нѣтъ. Вотъ на зиму мы молотимъ хлѣбъ, дровъ запасаемъ, а лѣтомъ сѣномъ да льномъ занявшись, а рубля нѣтъ въ рукахъ... А безъ него какъ жить? Чай у насъ теперь—первая компанія, а онъ у насъ на поляхъ не растетъ... Вмѣсто водки, хорошо бы пить брагу старинную... Самодѣльное пиво, а не торговое. Да хлѣба умаленіе, да нѣтъ подготовки, да бочки нѣтъ и дощана... Въ бочкѣ нужны два дощана: затирникъ (затираетъ солодъ) и спустникъ (спускаетъ сусло), а гдѣ взять ихъ? Надо купить, а гдѣ деньги? Насъ не учили доставать ихъ. Кругомъ у насъ лѣса, а топорнаго ремесла мы не знаемъ. Ни на бочку, ни на другую самодѣлку нѣтъ подготовки. Все надо купить. Малина сохнетъ въ казенномъ и барскомъ лѣсу, а поди собирать ее—не пустятъ; ababки (грибы) и тѣ нельзя взять, а все купи.

— Ну, какъ же быть-то? перебилъ я. Вполнѣ согласенъ съ тобой, что крестьянину надо знать деревянную работу: на чемъ ѣдешь, что везешь и какъ изъ всего этого сдѣлать вещь прочно.

— Вотъ ты знаешь и другіе должны знать, сердито отозвался Степанъ. Живутъ Холмичи въ лѣсу и должны обучиться, какъ произвести дерево, какъ распилить его, сработать дверь къ избѣ, рамку для окна... А кто же изъ насъ можетъ самъ сработать деревянныя вещи? Ну, кого Господь доведетъ до плотничества, тотъ сработаетъ, а надо учителю въ школѣ *довести до дѣла* всѣхъ нашихъ дѣтей.—Теперь малецъ выходитъ изъ школы со свидѣтельствомъ, а ему не написать такъ, какъ вотъ ты записываешь мои слова, и не прочитать газету, какъ ты читаешь.

— Почему же, Степанъ?

— Потому, что довести до дѣла не умѣютъ. Школьникъ прочтетъ какого года гроши, а придетъ повѣстка или письмо, такъ ему не разобрать и не прочесть. Образованіе его кочующее и не доведено до дѣла... А ребятъ у насъ и много съ крѣпкимъ умомъ, хоть бы мой Гаврилка. До всякой тонкости любопытенъ, а Сергунька мой—и выросъ давно, а удаляется отъ всѣхъ худыхъ дѣловъ, боится судовъ и только жалѣетъ, что ничему его не учили въ школѣ полезному...

Глубоко вздохнувъ, Степанъ, уже въ виду станціи желѣзной дороги, сдѣлалъ послѣднее замѣчаніе:

— Не потѣшку намъ надо, не театры, а денежное ремесло. Какъ я наѣмся, да чаю выпью, такъ я и одинъ пѣсни запою. Не надо мнѣ другого веселья. А когда каждый день забота и не подготовка моя, то какое мнѣ веселье и въ театрѣ?

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Перелистываю страницы въ книгѣ „Народъ безъ водки" и передъ моими глазами во весь ростъ встаетъ Степанъ изъ деревни Крутецъ, Цевельской волости, Холмскаго уѣзда, Псковской губерніи.

— „Ты обучи мужика доброму,—говоритъ онъ мнѣ. Доведи его до дѣла... Онъ тогда старательнѣе будетъ жить и съ начальствомъ поладитъ безъ городового".

Чудится, что этотъ Степанъ изъ Крутца станетъ между нами, между русской интеллигенціей и народомъ... Станетъ и упрется своими пудовыми сапогами

въ отвѣсныя стѣны той непроходимой пропасти, что, Богъ вѣсть съ какой дали, залегла между нами... И, съ мѣшковатой услужливостію медвѣдя, протягивая руки, скажетъ: „скачи, баринъ, не бойся, я поддержу! Ты намъ свое повыложъ, а мы свое покажемъ,—глянь дѣло-то между нами и наладится. Мы нынче безъ водки, да ежели господа съ умомъ — и умирать не надо".

Я увѣренно опираюсь на крѣпкую мозолистую руку.

Улыбается мнѣ Степанъ, и въ его привѣтливой улыбкѣ, неторопливыхъ, увѣренныхъ движеніяхъ, въ благодушномъ сознаніи своей силы, я узнаю стараго знакомаго.

— Да вѣдь это—Селяниновичъ, прямой правнукъ ратай-ратаюшки—Микулы Селяниновича, освѣтленный трезвостью, готовый на жертвы, исполненной неистощимыми силами земли и „Царствіемъ Божіемъ", что внутри его... А еще недавно онъ такъ былъ жалокъ въ своей вѣковѣчной, безсильной, хмѣльной дремѣ!

„Вша заѣла", „отъ клоповъ задыхаемся", „утѣсненіе: дѣться некуда", покачиваясь отъ водки, все говорилъ мужикъ. А мы, старые народники, забывъ его собственную душу, глубокій умъ и даровитость, его невскрытую, надломленную хмѣлемъ силу, несли новые свѣтильники въ царство тьмы, свѣтившіе намъ и грѣвшіе насъ, но Степану казавшіеся ракетой: „ишь ты, какъ ловко это она разсыпается, да пукаетъ; подтить, что-ль, на полати?!"

Какія горькія разочарованія вносила въ нашу жизнь эта правда и какую боль испытывали мы, отдавшіе народу свое сердце—и не видѣвшіе осязаемыхъ результатовъ своего пребыванія среди него.

Не понималъ мужикъ наши политическіе идеалы объ „отдаленномъ будущемъ", страдая отъ ближай-

шихъ и неотложныхъ нуждъ. Равнодушно онъ отнесся и къ нашей судьбѣ, точно въ отместку за наше высокомѣріе; за то, что онъ былъ только „предметомъ воздѣйствія“ нами излюбленныхъ великихъ задачъ, но мало касающихся непосредственныхъ бѣдъ деревни.

И вотъ сейчасъ Степанъ говоритъ: „доведи насъ до дѣла“, и говоритъ тогда, когда его руками въ далекой „Голодаевкѣ“ созданы школы, рѣшается продовольственный вопросъ, устраиваются кредитныя товарищества, сельско-хозяйственныя артели, потребительные и торговые кооперативы, когда онъ пытается, и не безуспѣшно, войти въ струю широкой человѣческой жизни и налаживаетъ помощь бѣженцамъ на общественныхъ началахъ.

Сбросивъ съ себя водочное иго, народная сила, проснулась. Неисчерпаемыя сокровища духа несетъ она съ собою и стоитъ сейчасъ, протягивая руки къ намъ, пестунамъ жизни: „ты только подсоби маленько, а мы ужъ потянемъ“. Знакомое: „енъ достанетъ“.

И я вижу ясно, отчетливо вижу, что „достанетъ“. Соскоблить съ него только наслоившуюся вѣками коросту хмѣля, вымыть, расчесать спутанную бороду съ лѣтошней мякиной и начать дружную единымъ сердцемъ работу, забывъ старыя распри, взаимное мертвящее недовѣріе. Да, какъ начать?! — Снизу, плечо въ плечо, безъ красивой идеалогіи жертвы, а потише и попроще.

Народу не нужны жертвы; ему нужны знанія, чтобы собрать его трудовую силу; стать лицомъ къ лицу съ подлинной русской жизнью, какова она есть, безъ горделиваго своего превосходства надъ нею. Не съ руки послѣднее теперь Степану!

Безъ водки: „Богъ понятіе далъ народу“, говоритъ онъ.

Не мало житейской мудрости накоплено вѣками у него. Мы умѣемъ возводить мостовыя сооруженія по сложнимъ разсчетамъ ихъ прогиба; Степанъ этого не умѣетъ. Но за то онъ прекрасно строитъ мосты черезъ пятидесятисаженныя рѣчки безъ единаго гвоздя. Степанъ не знаетъ техники налогового обложенія, да и простой ариѳметики, но онъ великолѣпно производитъ мірскую раскладку, по числу головъ скота, пахотной площади и всякимъ другимъ признакамъ крестьянскаго благосостоянія. Степанъ не знакомъ съ общественными науками, но своимъ умомъ рѣшаетъ сложнѣйшія общественныя дѣла. Много цѣнныхъ, жизненныхъ знаній и новыхъ дѣлъ въ запасѣ у Степана. Къ нимъ-то и зоветъ настойчиво современная деревня, о чемъ свидѣтельствуютъ въ моей книгѣ многочисленные народолюбцы.

Я знаю, что здѣсь начинается старый споръ о большихъ и малыхъ дѣлахъ, старыя и вѣчно новыя жалобы, что просвѣтительная работа въ деревнѣ невозможна, что при существующихъ политическихъ условіяхъ нельзя спокойно дѣлать нужное дѣло, ибо „господинъ урядникъ политику ловитъ“. Пусть будетъ такъ; пусть запрещенъ для деревни Короленко, пусть для Степана недоступно сейчасъ „классовое сознаніе“, а Марксъ и Михайловскій останутся далеко за предѣлами его освѣдомленности.

Что же, неужели поэтому нужно отойти въ сторону и опять заняться распрей, словопреніями, критикой, самобичеваніемъ или ѣздить на „Парѣ гнѣдыхъ“ къ погосту? Неужели въ насъ потухли творческія силы, и мы не намѣтили новыхъ вѣхъ на своихъ путяхъ? Неужели духовныя и матеріальныя потребности деревни все будутъ ждать и ждать, пока пріѣдетъ и разсудитъ насъ Некрасовскій баринъ?

Нѣтъ, надо приступить благоговѣйно къ большой кропотливой работѣ настойчиваго удовлетворенія подлинныхъ нуждъ и потребностей русской жизни для счастія и благополучія Россіи.

Я не учительствую... Моя задача—посильно отразить настроеніе деревни, ея сдвигъ въ пору трезвости и тяжелаго безвременія... Я видѣлъ, какъ важны и крупны для нея эти дѣла, которыя мы, по какому-то роковому недоразумѣнію, называемъ „малыми". Спасти народъ отъ грязи, отъ клопа, тайныхъ соблазновъ винокуровъ, этой хмѣльной тяги—не крупно, развѣ? „Довести до дѣла" учениковъ сельской школы—не крупно? Быть врачемъ „лучше матки родной", съ которымъ „и о болѣзни, и о домашнемъ" поговорить можно крестьянину —не крупно? Не крупно-ли обучить Степана не только пробиваться отъ земли съ хлѣба на квасъ, но упрочить достатокъ; не крупно-ли научить его и землю кормить, и беречь лѣсъ, который онъ безъ милости жжетъ, не думая о будущемъ? Тамъ въ толщѣ народной жизни безконечно много практическаго дѣла. Отрезвѣвшая деревня такъ ясно сознала свою темноту, почувствовала давящую ее бѣдность, кричитъ о помощи, проситъ научить и укрѣпить въ ней ту струю самодѣятельности, что такимъ чудомъ проснулась передъ закрытой дверью казенной винной лавки. „Водка отъ дѣла отводила".

Степанъ изъ Крутца — не обобщенный, а подлинный Степанъ, на мое замѣчаніе, что теперь безъ водки желательно устраивать для мужиковъ чтенія, театральныя представленія, положительно отвѣтилъ:

— Мужику въ свободное время сейчасъ не потѣшка нужна, а мастерство и продовольствіе:—буду сытъ; такъ я и одинъ у себя въ избѣ пѣсню заиграю. Въ театръ разъ, два пойдешь—скучно станетъ, а деньги

зарабатывать никогда не скучно; а хуторянинъ Данковскаго уѣзда дополнилъ эту мысль: „бѣдность больше водки дѣлаетъ драку... Сытый смолчитъ, а голодный въ зубы".

Въ этихъ проникновенныхъ словахъ я вижу ближайшую заботу деревни:—ей нужна сытность и достатокъ въ буквальномъ, и въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Нуженъ прежде всего мостъ черезъ непроходимый оврагъ, называемый „голодное брюхо". Водка мѣшала построить этотъ мостъ...—Помогите же деревнѣ забыть эту водку! Внесите въ ея жизнь свѣтъ знанія, но не такого, съ которымъ мы сами не находимъ себѣ мѣста, кромѣ канцелярскаго стула, а знанія живого, примѣнимаго и полезнаго въ крестьянскомъ быту, чтобы „товаръ, да деньги" давало оно.

Народъ мучается отсутствіемъ хорошихъ дорогъ, хорошихъ школъ, хорошихъ мастерскихъ, отсутствіемъ врачебной помощи, агрономическимъ невѣжествомъ, юридической безпомощностью и т. д. Все это нужно исправить и открыть народу источники нравственной и матеріальной, такъ сказать, „сытости".

Наше воздѣйствіе на народъ, — я отношу это и къ правительству, и къ обществу,—есть какая-то историческая ошибка. Мы расширяемъ школьную сѣть; наши земскія школы предметъ усиленной заботы; учителя, нерѣдко, цѣнные, идейные работники, а русскій мужикъ жалуется: „обучился мой Никаноръ, а мѣста ему нѣтъ, пошелъ по кляузамъ — на умъ наставляетъ". Очевидно, что мы оттерлись отъ дѣйствительной деревенской жизни, да еще и Никанора за собою тянемъ... Никаноръ къ книжкѣ „приверженъ", надъ Кольцовымъ вздыхаетъ, тянется къ „хорошей жизни" и казалось бы все ладно, а на повѣрку выходитъ „обучился, а мѣста ему нѣтъ". Какая это величайшая трагедія въ жизни

крестьянина. „Идетъ по кляузамъ...“ Это значитъ, что мужика-труженика сдѣлали неудачникомъ и деревенскимъ брехунцомъ... Ужасно то, что не только дѣти культурныхъ классовъ воспитываются на „мертвыхъ“ языкахъ и отрывочныхъ знаніяхъ по множеству ненужныхъ въ жизни предметовъ, но въ томъ же направленіи идетъ и народная школа, и дальнѣйшая жизнь грамотнаго мужика. Очень много вниманія обращено на переходы учениковъ изъ низшей школы въ среднюю, изъ средней въ высшую и мало озабочены оторванностью всѣхъ школъ отъ жизни и ея насущныхъ потребностей. Неудивительно, что въ народѣ слагается мнѣніе о „безпутицѣ“ въ жизни и что „въ господахъ нѣтъ хорошаго распоряженія“.

Я заканчиваю очерки „Народъ безъ водки“ словами: мое многолѣтнее и тревожное искательство путей нравственнаго и хозяйственнаго довольства на Руси наканунѣ разрѣшенія. Я видѣлъ радостныя переживанія народомъ грядущей трезвой жизни, чувствовалъ—кругомъ „осязаемые ея результаты“ и я вѣрю, что насталъ часъ работы для всѣхъ, кто искренно хочетъ работать на благодарной нивѣ добра.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

По Воронежской губерніи.

По Орловской губерніи.

По Тульской губерніи.

По Псковской губерніи.